

Филиппа Грегори
Избранное дитя, или Любовь всей ее жизни
Серия «Вайдекр», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3914365

*Избранное дитя, или Любовь всей ее жизни / Филиппа Грегори ; [пер. с англ. О. Крутиковой]:
Эксмо, Домино; Москва, Санкт-Петербург; 2011
ISBN 978-5-699-53251-3*

Аннотация

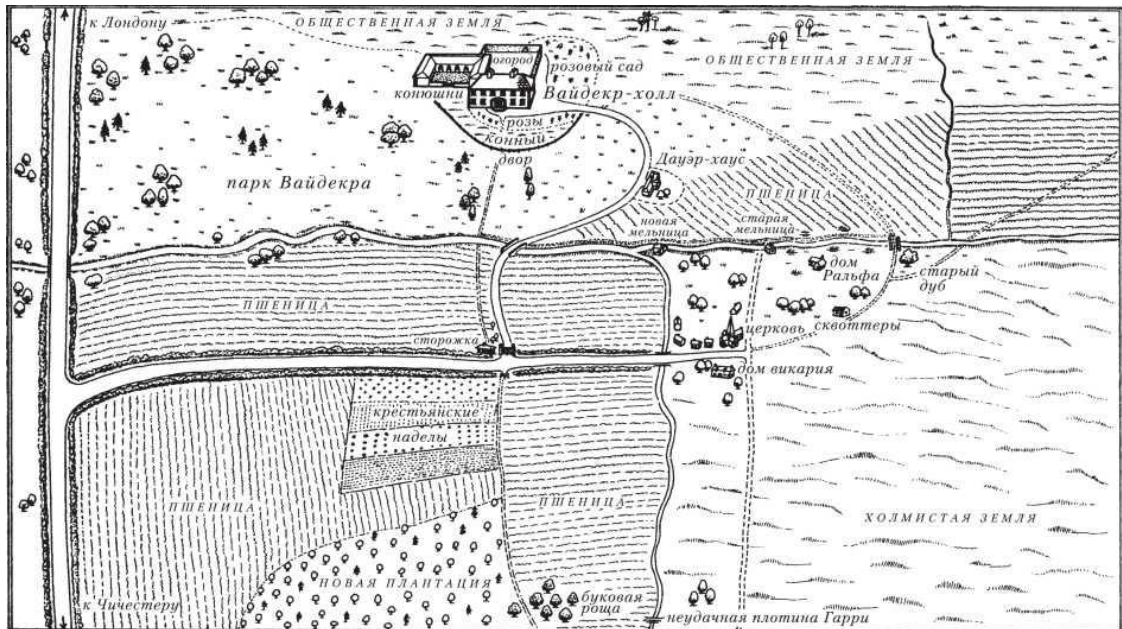
Джулия и Ричард с самого детства живут в поместье Вайдекр. Джулия – дочь умершего владельца поместья и единственная наследница. Больше всего на свете она любит своего кузена Ричарда, ее близкого друга и товарища по играм. Она прощает ему любые прегрешения, не желает замечать очевидное – как жесток он к ней, как часто предаёт ее. Джулии неведома подлинная история их рождения, окутанная ужасной тайной. Однако в своих снах она видит события, которые происходили не с ней и которые еще только должны произойти, и подозревает, что унаследовала дар предвидения от своей тетки Беатрис, убитой в поместье много лет назад...

Филиппа Грегори – одна из самых популярных современных английских писательниц. Ее блистательные исторические романы об английских королях и королевах переведены на многие языки, а роман «Еще одна из рода Болейн» стал мировым бестселлером и экранизирован (в главных ролях Скарлетт Йохансон и Натали Портман).

Содержание

СОН	5
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	21
ГЛАВА 3	38
ГЛАВА 4	53
ГЛАВА 5	65
ГЛАВА 6	76
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Филиппа Грегори Избранное дитя, или Любовь всей ее жизни

СОН

Сначала был сон. Это было первое, что я запомнила в жизни. Я видела этот сон даже прежде, чем узнала Ричарда, прежде, чем я увидела Вайдекр, родные пологие холмы, окружающие и охраняющие мой дом. Этот сон я помню всегда. Сначала был сон.

Но это не был сон ребенка, это не был мой сон. Он принадлежал кому-то другому. Только я не знала кому.

Во сне я испытывала боль, жестокую нечеловеческую боль, которую надеялась не испытать никогда в жизни. Ноги мои болели от долгого бега по острым, холодным камням, они были покрыты грязью и кровью от тысячи порезов и ран. Спотыкаясь, я бежала к реке через лес и в кромешной тьме зимней ночи уже слышала грозный рев реки.

Я бежала бы еще быстрее, если б не моя ноша, сухой и теплый сверток, спрятанный под накидкой. Это было новорожденное дитя. Мое дитя, моя девочка. Она принадлежала мне, и я должна убить ее. Мне нужно опустить ее крошечное тельце под воду и держать его там, пока не захлебнется. А потом отпустить его, и пусть оно несется вниз по волнам, переворачиваясь и стучась о камни, пока не исчезнет из виду. Я должна это сделать.

Внезапно шум реки стал еще громче, деревья передо мной расступились, и у меня от страха даже остановилось дыхание. Безобидная Фенни превратилась в грозный, бушующий поток, неся поваленные деревья, словно соломинки. Ствол дерева, обычно служивший нам мостиком, снесло, и он исчез в ревущих волнах. Кажется, я закричала от страха, но сама не слышала своего крика. Мне нужно спуститься к воде, потому что я должна утопить этого ребенка. Я должна. Это мой долг перед всеми поколениями Лейси.

Та жестокая боль, от которой, казалось, разорвется мое сердце, была невыносима, и я начинала выкарабкиваться из этого сна. Я не видела, как опустила теплое тельце в воду, как выполнила свой долг. Какая-то часть моего разума осознавала, что это всего только сон, и старалась стряхнуть его. Но он цепко держал меня. Мне казалось, что я раздваиваюсь: одна часть моего сознания принадлежала маленькой девочке, старающейся проснуться и плачущей от страха, а другая – женищине, бегущей к реке, чтобы утопить собственного ребенка, как щенка. Чтобы волны реки вынесли его тельце далеко-далеко за пределы Вайдекра.

ГЛАВА 1

Сейчас я – старая женщина. В своем собственном сердце я стара, устала и жду смерти. Но когда-то я была ребенком, малышкой, которая знала все и одновременно не знала ничего. Девочкой, которая могла видеть прошлое и видела его смутно, словно подернутым какой-то дымкой. И могла видеть будущее, будто смотрела в него при свете молнии. Эта мозаика осколков времен сформировала мое детство, как падающие капли воды формируют странные формы сталактита.

О! Теперь я все знаю. Как глупа я была! Я была так безобразно глупа все эти годы. Но сейчас я стряхнула с себя наваждение и разломала раковину лжи и полуправды, в которой жила всю жизнь. Пелена с моих глаз упала, и я наконец стала понимать правду, стала единственным человеком, понимающим ее. Единственным. Я осталась одна. Только я и моя земля.

Это была не просто земля. Это было объяснение моей жизни и мое оправдание. Это Вайдекр, расположенный в самой южной точке Англии, прекрасный и богатый, как сад, самый первый сад на земле. Гряда Южных Холмов защищает его с севера подобно сложенным вместе ладоням, высокие округлые холмы покрыты пахучей травой, луговыми цветами, с вьющимся над ними целым сонмом синих бабочек. Эти холмы заключали в себе весь мой мир. Мир, центром которого был Вайдекр-холл. Почерневшие руины, к которым вела мощеная дорога через лес и разросшийся розовый сад. В прежние дни экипажи, подъезжавшие к парадному входу, проезжали мимо плодородных полей, мимо высоких чугунных ворот. Слева от дороги белела опрятная деревушка Экр, домик викария и церковь со стройным шпилем. Поодаль пролегла дорога на Лондон, по которой дилижансы из Мидхерста ехали напрямик на север, в столицу.

Меня зовут Джулия Лейси, я дочь сквайра Вайдекра и его жены Селии Хаверинг. Я была их единственным ребенком, единственной наследницей. Росли мы вместе с моим кузеном Ричардом, сыном папиной сестры Беатрис. Папа и его сестра ввели нас с Ричардом в совместное владение Вайдекром. Мы должны были управлять им вместе.

Таковы факты. Но была еще и другая правда. Правда, в которой Беатрис отчаянно мечтала управлять поместьем своего брата одна, и ради этого она лгала, строила козни, губила землю и убивала – о да, Лейси всегда были убийцами на своей земле. Она не останавливалась ни перед чем ради своей выгоды. Она отняла у крестьян общественную землю и приказала выкорчевать их деревья, она подняла арендную плату и засадила всю землю пшеницей. Она свела своего мужа с ума и украла его состояние. Она властвовала над своим братом всеми доступными женщине способами. Она год за годом разоряла людей и землю, пока они не отчаялись и не явились к ней с зажженными факелами и безногим предводителем на вороном коне.

Они убили ее.

Убили и разрушили ее дом. Они разорили Лейси и поставили себя вне закона.

Мой папа, сквайр, умер в ту же ночь от разрыва сердца. Муж Беатрис, доктор Джон Мак-Эндрю, уехал в Индию, чтобы заработать денег и расплатиться с кредиторами. В Вайдекре остались только мы трое: моя мама, мой кузен Ричард и я. Жили мы в маленьком Дауэр-хаусе, на полпути между разрушенным помещичьим домом и разоренной деревней. Нас трое, двое слуг и целый сонм привидений.

Постепенно я узнала их всех. Я видела их. Конечно, не очень ясно. Иногда по ночам до меня доносились отголоски чьих-то слов или журчание чьего-то смеха. Однажды я проснулась от гула приближающейся толпы и увидела, что моя спальня освещена заревом пожара

от горящего Вайдекр-холла. Это была та толпа, которая убила моего папу и Беатрис. Которая оставила в живых только нас троих.

Самой реальной в реальной жизни была моя мама. Ее бледное лицо в форме сердечка с бархатистыми карими глазами. Когда она была молода, ее волосы были белокурыми, но теперь тусклые серые нити виднелись в них там и сям, словно горе и заботы запустили свои цепкие пальцы в эту массу золота. Она овдовела, когда мне было всего два года, и я помню ее только в лиловом или черном. Когда мы были маленькими, она потешалась над тусклыми цветами и клялась, что выйдет замуж за торговца тканями из-за его тюков ярких разноцветных шелков. Но шли годы, мы росли, богатый торговец не являлся, птицы не несли золотых яиц, на деревьях не росли бриллианты, и она не смеялась больше над своими старыми темными платьями, поношенными и вытертыми на швах.

И еще в реальной жизни был Ричард. Мой кузен Ричард. Мой самый близкий друг, мой маленький тиран, мой лучший союзник, мой худший враг, предатель, товарищ, соперник, жених. Я не помню времени, когда бы я не любила его. Так же как я не помню времени, когда бы я не любила Вайдекр. Он был частью меня самой, такой же частью, как высокие деревья в парке, холмы и заросли вереска. Я никогда не помышляла ни о чем другом. Я не могла вообразить себя без Ричарда или без этого дома. Это было бы все равно что не быть Лейси.

Я была счастлива в своей любви. Потому что Ричард, мой любимый брат, был одним из тех счастливых детей, которые притягивают к себе любовь так же естественно, как растет трава. На улицах Чичестера люди с улыбкой оборачивались ему вслед при виде его легкой походки, копны черных кудрей, тревожно сияющих голубых глаз и прелестной улыбки. А тот, кто слышал его пение, готов был полюбить его только за это. У него был один из тех чудесных мальчишеских голосов, которые словно парят высоко-высоко в небе и кажутся звуками арфы, долетающими из рая. Я так любила его пение, что добровольно обрекала себя на муки вечных фортепианных гамм, чтобы только научиться аккомпанировать ему.

Он любил петь дуэты, но ни угрозами, ни лестью не мог заставить меня верно держать мелодию. «Слушай, Джулия! Слушай же!» – кричал он мне, выводя чистую, как журчание весеннего ручейка, ноту, повторить которую мне не удавалось. Вместо этого я барабанила свою партию на фортепиано, мама пыталась тихонько подпеть ему, а его чистый голос поднимался все выше и выше, заполняя собой гостиную, и сквозь приоткрытое окно лился на свободу, в вечерние сумерки, соперничая с пением птиц.

И в такие минуты, когда весь дом затихал, слушая его, я чувствовала, как они появляются. Привидения обступали нас, словно выскальзывая из тумана и подступая все ближе. Я знала, что они рядом – мама Ричарда, Беатрис, и мой папа, сквайр, – как они всегда были рядом во времена триумфа и разрушений Вайдекра.

Голос Ричарда звенел и звенел, я барабанила по клавишам фортепиано, мама, забывшись, роняла шитье на колени, а они стояли рядом, словно ожидая чего-то. Чего-то, что должно было произойти. Что опять должно случиться в Вайдекре.

Я была старше на год, но Ричард был выше и плотнее меня. Я была дочерью сквайра и единственной из Лейси, он же был мальчиком и прирожденным повелителем. Нас воспитывали как деревенских детей, но при этом никогда не разрешали ходить в деревню. Мы росли изолированно, словно на островке, запрятанном в густом лесу вайдекрского парка, будто двое заколдованных ребятишек из сказки.

Ричард всегда был лидером. Это он придумывал игры и изобретал правила для них, а я вечно восставала против. Ричард злился и брал на себя функции и судьи и экзекутора, а я, бледная и заплаканная, отправлялась к маме с жалобами, чем непременно обеспечивала нам обоим наказание. Нам часто доставалось от мамы, поскольку мы были недружной парой заядлых грешников. Ричард бывал непослушным, а я не могла противиться искушению.

Однажды я заслужила нагоняй от мамы, которая заметила мой выпачканный передничек и уличила нас в похищении компота из кладовой. Ричард нагло отрицал все, широко раскрыв для убедительности глаза, я же призналась сразу в похищении не только этого компота, но еще и банки джема, пропажа которой не была обнаружена.

Ричард ничего не сказал, когда мы покидали мамину гостиную, уставив глаза в пол и виновато шаркая ногами. Он не говорил ничего весь день. И только к вечеру, когда мы играли у реки и он шлепал босиком по воде, он вдруг остановился и поманил меня.

– Тише, смотри, там гнездо зимородка, – показал он куда-то, но когда я подошла и встала, подобрав юбки, рядом с ним, то ничего не увидела.

Тут он схватил меня за руки и, крепко сжав их, держал так, чтобы я не могла вырваться. Его улыбка в то же мгновение превратилась в злую гримасу, и он прошипел:

– В этой реке водятся водяные змеи, Джулия, и они сейчас плывут сюда, чтобы укусить тебя.

Больше ему ничего не нужно было говорить. Сразу же рябь на воде показалась мне волнами, расходящимися от их коричневых широких голов, а прикосновение водорослей к лодыжке – их скользкими телами. И пока я не разрыдалась от страха, а мои запястья не стали красными от хватки Ричарда, маленький тиран не отпускал меня.

Но при виде моих слез его гнев сразу улетучился, и он простил меня. Он вынул платок из кармана и вытер мне глаза. Он обнял меня и стал утешать, называя всякими уменьшительными именами. А затем он запел и стал петь мне все любимые мои песни, пока не устал.

Когда мы вернулись домой в золотых летних сумерках долгого дня и мама всплеснула руками при виде моего испачканного платья, грязных волос и мокрых башмаков, я сказала ей, что упала в реку, и выслушала ее упреки без малейшего слова жалобы. За это я была вознаграждена. Позже, когда мама сидела одна в гостиной, Ричард пришел ко мне в спальню с полными руками всяких сладостей, частью выпрошенных им, частью стащенных у миссис Гау, нашей кухарки. И, усевшись рядом, он стал совать мне в рот все самые лучшие, самые сладкие из своих трофеев.

– Я так люблю, когда ты хорошая, Джулия, – сказал он, поднося к моим губам засахаренную вишню, за которой я поворачивала голову, как комнатная собачонка.

– Нет, – сказала я грустно, выплевывая косточку в его грязную ладошку. – Нет, ты любишь, когда я плохая. Врать маме совсем не хорошо, но если бы я рассказала ей, что ты пугал меня водяными змеями, она бы велела выпороть тебя.

В ответ на это Ричард беззаботно расхохотался, будто он был не на год моложе, а на несколько лет старше.

– Ш-ш-ш, – прошептала я, услышав мамы шаги в гостиной.

Он быстро сгреб остатки нашего пиршества и выскользнул из комнаты. Мама шла медленно-медленно, останавливаясь на каждой ступеньке, словно она очень устала. Когда скрипнула дверь в мою комнату, я поплотнее зажмурила глаза, но обмануть ее мне никогда не удавалось.

– Ах, Джулия, – любяще пожурела она меня, – если ты не будешь засыпать вовремя, ты будешь плохо расти.

Я быстро села в кровати и протянула к ней руки. От нее всегда так чудесно пахло лилиями и чистотой. Ее волосы стали тусклыми от седины, а вокруг глаз пролегли морщинки. Денежные заботы рано состарили ее, но она нежно улыбалась мне, и любовь делала ее лицо прекрасным. Она носила старые поношенные платья с заштопанными воротничками, но походка и запах мамы говорили о том, что она леди с головы до пят. Я вздохнула от восторга и обняла ее покрепче.

– Ты писала письмо дяде Джону? – спросила я, когда она поправила и подоткнула поплотнее мое одеяло.

– Да.

– А ты написала ему, что Ричард хочет брать уроки пения?

– Написала, – улыбнулась она, но я видела, что ее глаза остались грустными.

– Ты думаешь, он пришлет деньги на это? – продолжала расспрашивать я.

Моя привязанность к Ричарду заставляла меня быть настойчивой.

– Я сомневаюсь, – ровно сказала она. – У нас есть много более важных расходов, Джулия. Нам следует расплатиться с кредиторами. И откладывать на образование Ричарда. А у нас ведь не так много денег.

Да, их было не очень много. Миссис Гау и Страйд работали скорее из преданности, чем за жалованье. Питались мы только дичью из поместья Хаверинг и рыбой из нашей Фенни. Овощи росли на нашем огороде, а фрукты нам присылала моя бабушка из Хаверинг-холла, вино было редкой роскошью на нашем столе. Мои платья переходили мне по наследству от моих троюродных сестер, а воротнички на рубашках Ричарда перелицовывались снова и снова, пока не оставалось ни рубашки, ни воротничка. Мама соглашалась принимать одежду и еду от своей матери, но она никогда не позволила бы себе обратиться к ней с просьбой о деньгах. Она была очень горда, моя мама.

– Спи, детка, – прошептала мама и направилась к двери.

– Доброй ночи, – отозвалась я и послушно закрыла глаза.

Но сон не шел ко мне, и я лежала, вслушиваясь в ночные звуки дома. Вот мамини шаги в спальне и легкий скрип кровати, когда она быстро прыгнула в нее, замерзнув на холодном полу. Вот шаги Страйда, запиравшего заднюю дверь и проверявшего парадный вход так тщательно, будто у нас было что красть. А вот он тяжело взбирается по черной лестнице в свою спальню на верхнем этаже.

Дом затих, и слышались шумы снаружи. Вот скрипнула ставня, вот раздался отдаленный крик совы, низко летящей над уснувшими полями. Вот далеко в лесу слышался короткий лай лисицы. Я воображала себя совой, летящей над темной, словно пиратский корабль, деревней, и над заросшей вереском пустошью, и над широкой аллеей, ведущей к Вайдекр-холлу. Если бы я на самом деле была совой, я бы полетела к единственной стене, уцелевшей в пожаре, погубившем и дом, и семью, и теперь гордо возвышающейся над почерневшими руинами.

Уже тогда, будучи совсем ребенком, я понимала, что на земле должно существовать какое-то равновесие. Люди, имевшие так много, должны испытать и бедность. Плодородное поле должно иногда отдыхать. Земля тоже имеет свои права. Моя тетя Беатрис была самой лучшей хозяйкой на многие мили вокруг, и тем не менее все пошло плохо, хотя мне никто не говорил почему. Когда она умерла (в ту же ночь умер и мой папа), пожар погубил все и почти вся семья погибла.

С того дня все пошло вкривь и вкось в Вайдекре. Люди в деревне жили в грязи и бедности, как цыгане, мама и я, единственные оставшиеся в живых представители семьи Лейси, ходили в поношенных платьях и не имели кареты. Но что было хуже всего, особенно для мамы, это то, что у нас не было власти. Нет, не той власти, которой обладают сквайры. Но той, что позволила бы поправить непоправимое. Никто не мог спасти сейчас Экр. Однажды жарким летним днем к нам приехал доктор Пирс, он вошел в гостиную следом за Страйдом. Мне в тот год было десять лет. Я сидела у окна, листая партитуры песен Ричарда, он сам лениво наигрывал гаммы на фортепиано, мама шила.

– Простите мне это вторжение, леди Лейси, – стараясь перевести дыхание, торопливо заговорил доктор Пирс. – Но в Экре творится что-то невообразимое. У них забирают детей.

– Что? – непонимающе переспросила мама, невольно бросив испуганный взгляд в окно.

Это слово «забирают», что бы оно ни значило, мгновенно испугало и меня.

– Там приходский надзиратель из Чичестера, – попытался объяснить священник, снимая и вновь надевая перчатки. Он даже не замечал, что делает. – У него есть приказ от какого-то владельца мануфактур на севере. Им требуются для работы дети из неимущих семей.

Мама кивнула, машинально наблюдая за возней с перчатками.

– Но это натуральная продажа в рабство! – воскликнул доктор Пирс. – Они даже не спрашивают у людей согласия. Леди Лейси! Они могут забрать любого ребенка. Ни одна семья в Экре не имеет работы. А эти приехали в громадной повозке и отбирают самых здоровых и крупных ребятшек. Когда я был там, они забрали уже троих.

Я взглянула на маму. Она стояла выпрямившись, слегка опираясь на стул, а ее лицо отсвечивало желтым в вечернем сумраке дня.

– Зачем вы приехали ко мне? – тихо спросила она.

– Я подумал, – и он опять скомкал перчатки в одной руке, – я подумал, что вы, должно быть, знаете, как поступить. И что вы могли бы остановить их.

Мама медленным безвольным жестом обвела пустую гостиную, покосившийся стол, старое разбитое фортепиано, одинокий коврик у камина.

– Я – просто женщина, не имеющая ни власти, ни влияния, – медленно проговорила она.

– Но ведь вы вдова сквайра! – воскликнул доктор Пирс.

– А вы – священник! – горько заметила она. – И ни один из нас не в состоянии остановить то, что происходит.

– А ваш отец? Лорд Хаверинг?

– Он считает, что там живут одни преступники, и не шевельнет пальцем, даже если их всех сотрут с лица земли, – махнула она рукой. – Кроме того, он верит в эти новые фабрики. Он даже вложил в них деньги.

Доктор Пирс без приглашения опустился на стул и стал скатывать перчатки в тугий комок.

– Значит, мы ничего не можем сделать? – беспомощно переспросил он.

– У меня нет возможности остановить их. – Мама тоже села и взяла в руки шитье. – Все это делается законно?

– С точки зрения юридической – да, но морально ли это?

– Тогда я ничем не в состоянии помочь им, – продолжала тихо мама. – Может быть, вам следует настоять, чтобы родителям сообщили адреса детей и они могли бы забрать их, если времена улучшатся.

– Если времена улучшатся... – как эхо отозвался доктор Пирс и поднялся на ноги.

Мама сидела, не поднимая головы, и я чувствовала, что на глазах у нее появились слезы.

Видимо, доктор Пирс тоже почувствовал ее волнение, потому что он низко склонился в поклоне, будто перед королевой.

– Я зайду к вам на днях, – сказал он. – Положение в деревне очень тяжелое, но я постараюсь сделать, что в моих силах.

– А они прислушаются к вашим советам? – спросила мама.

Впервые за этот день доктор Пирс улыбнулся своей слабой, беспомощной улыбкой.

– Сомневаюсь, – усмехнулся он. – Во всяком случае, прежде они этого не делали. Но я должен выполнить свой долг.

Сделать он мог очень мало. Самые сметливые из взрослых попрятали своих детей, как только телега показалась в конце улицы. Таким образом, приходским чиновникам удалось увезти только шестерых ребят. Они объявили потрясенным родителям, что дети будут работать на больших мельницах где-то на севере, там они получают надлежащее религиозное и

ремесленное образование и позднее смогут даже помогать своим родителям. Экр выслушал эти обещания в скорбном молчании, и дети уехали.

Каждое воскресенье моя бабушка возила нас в своем экипаже в чичестерский кафедральный собор на службу. Мама теперь не хотела, чтобы мы появлялись в нашей деревенской церкви, но доктор Пирс написал ей успокаивающее письмо и заверил, что в деревне все совсем как прежде и мы будем в полной безопасности.

Но я заметила, что все обстоит совсем не так, как прежде.

Дети, которые раньше приходили к нашим воротам поглазеть на домик, больше не появлялись. Девочки, приседавшие перед нами, когда мы проходили в церкви к нашей скамье, сидели неподвижно, не поднимая глаз. И каждый ребенок научился стремглав убегать в заросли вереска на общественной земле и прятаться там при виде незнакомой коляски, сворачивающей в деревню.

Но в Экре все действительно было спокойно и тихо, словно из нее увезли не шестерых детей, а саму жизнь.

Лето в том году стояло очень жаркое, жаркое и безветренное. Мама страдала от головных болей и не позволяла нам гулять за пределами нашего поместья. Однажды я спросила ее, уже не в первый раз, почему мы такие бедные, почему эти люди сожгли Холл и почему она – самая главная в нашем маленьком мирке – не может ничего сделать там, за порогом нашего дома. В ответ на это ее лицо, тоже уже не в первый раз, приняло мрачное выражение, которого мы с Ричардом привыкли бояться, и она тихо сказала:

– Не сейчас, дорогая. Я объясню тебе все, когда ты станешь постарше.

Такой ответ вполне удовлетворил нас с Ричардом, ибо двигало нами лишь ленивое любопытство детей. На протяжении всей нашей жизни мы видели Холл стоящим в развалинах, а землю – невозделанной, и мы даже представить себе не могли, что когда-то все было иначе. Предоставленные в то изнурительное лето самим себе, мы без конца бродили по парку, играли, мечтали, болтали.

– Я хотел бы носить фамилию Лейси, – сказал мне однажды Ричард, когда мы, растянувшись в траве, лениво разглядывали бледное небо над нами.

– Почему? – спросила я так же лениво, как он.

Между моими большими пальцами была зажата узкая травинка, и я все дула в нее и дула, пытаюсь извлечь мелодичный свист.

– Чтобы быть Лейси из Вайдекра, – объяснил он. – Чтобы меня все знали. И чтобы никто не мог соревноваться со мной в богатстве и могуществе.

Я бросила свое бесполезное занятие и, перевернувшись на живот, подвинулась к нему.

– Когда мы поженимся, ты можешь взять мое имя, – предложила я. – И станешь Лейси, если захочешь.

– Хорошо, – польщенно согласился Ричард. – И мы отстроим заново Холл и устроим тут все, как было раньше. И я стану сквайром, как хотела моя мама.

Я беспрекословно кивнула.

– Давай по дороге домой зайдем в Холл, – сказала я, и он поднялся на ноги.

Пригнувшись, чтобы не зацепиться за низкие ветви, мы гуськом побежали по едва заметной тропинке, ведущей к бреши в густой изгороди парка. Эта тропинка была известна только нам двоим да еще, наверное, оленям, кроликам и лисам.

Браконьеры творили в Экре, что им только могло заблагорассудиться. Беллингс, наш егерь, был ничуть не лучше большинства из них. Но все они избегали появляться вблизи закопченных развалин Холла. Здесь по-прежнему единственными хозяевами были Лейси.

– Давай играть, будто мы – сарацины, – с бесстрашием ребенка предложил Ричард.

И мы тут же сломали по длинной орешине, превратив их в мечи и держа наготове. По быстрой команде Ричарда мы оба плюхнулись на животы и, извиваясь, как черви, поползли в огород, который уже не был огородом и весь зарос таволгой и бурьяном.

Около Холла все тоже пришло в запустение, между булыжниками дороги проросла трава, насос подле конюшни заржавел, а вода стояла зеленым болотцем у стока водосточной трубы.

– Мы – сквайры Лейси, – отдал новый приказ Ричард и с церемонным поклоном предложил мне согнутую калачиком руку.

Расправив свое испачканное муслиновое платье, я сделала реверанс, жеманно улыбнулась и приняла ее. Мы прошли по двору, задрав подбородки и изображая людей, которыми нам следовало быть.

– Чертовски хорошая была сегодня охота, – светски заговорил со мной Ричард.

– Чертовски хорошая, – эхом отозвалась я.

Оглянувшись в эту минуту на дом, мы невольно забыли про игру. Он словно смотрел на нас пустыми глазницами окон, над его единственной уцелевшей стеной возвышался, будто плюмаж, плющ и превращал дом в какого-то безглазого гиганта, одиноко стоявшего среди деревьев. Парадная дверь исчезла, видимо, ее украли на растопку, обветшала терраса, на которой мама учила меня ходить, постепенно исчезли даже обломки разрушенных стен.

Таково было наше владение. Руины дома, пригоршня невозделанной земли и полная горсть невыплаченных долгов. Леса Вайдекра тоже принадлежали нам, но дядя Джон не разрешал рубить в них деревья. Кроме того, мы владели несколькими фермами, но арендаторы медлили с выплатой ренты, а мама не решалась торопить их. Все, чем мы могли располагать с уверенностью, – это развалины дома и земля под нашими ногами.

И все же это доставляло мне так много радости!

Я думаю, что любила это место с самых первых дней моей жизни. И как бы ни сложились она в дальнейшем, я надеялась каждое утро, просыпаясь, видеть любимые холмы и вдыхать родной воздух. Когда мои ноги ступали по этой земле, я знала, зачем живу. Когда мои легкие наполнял соленый воздух с моря, я ничего не боялась. Стоило мне прижаться ладонями к одному из громадных древних буков или прильнуть щекой к земле, и мне казалось, я слышу пульс Вайдекра, биение его сердца.

Взглянув на солнце, я поняла, что мы безнадежно опаздываем к обеду. Без слов поняв друг друга, мы стремглав побежали к Дауэр-хаусу. Пусть Ричард был худым, как мальчишка из самой бедной семьи, а я высокой и костлявой, словно «ручка от метлы», как говаривала миссис Гау, бегали мы не хуже борзых собак. Подбежав к дому и даже не запыхавшись, мы глянули на окна гостиной и, не сговариваясь, кинулись к кухонной двери, где маячила распаренная и сердитая миссис Гау.

– Не поздно ли вы явились? – грозно осведомилась она, уперев руки в бока. – Мистер Страйд как раз собирается пригласить всех к столу, а вы выглядите как пара нищих на паперти.

Я воровато проскользнула мимо нее, надеясь поскорей добраться в свою комнату и переодеться к обеду, но Ричард знал, что может положиться на свое обаяние.

– О, миссис Гау, миссис Гау, – вкрадчиво начал он и приобнял своей детской ручонкой ее пухлую талию. – Мы совсем забыли о времени, а я с таким нетерпением ждал ваш чудный крестьянский пирог. Пожалуйста, не говорите мне, что он остынет, если Страйд объявит обед на десять минут позже.

– Объявит, объявит, не беспокойтесь, успеете переодеться и притвориться, что вы давно уже дома, – ворчливо, но уже меняя гнев на милость, отозвалась миссис Гау.

– Спасибо, – просиял Ричард, – вы ведь не хотите, чтобы нас ругали, не правда ли, миссис Гау?

– Ладно уж, ступайте, мастер Ричард, и постарайтесь хоть немного пригладить свои кудри, а то вы похожи на огородное пугало. А я уж задержу обед минут на десять, никого от этого не убудет.

Нам не пришлось заставлять ее ждать, и, умытые и причесанные, мы успели спуститься в гостиную за несколько минут до того, как в дверях появился Страйд.

Миссис Гау всегда была снисходительна к Ричарду, он умел обезоруживать ее одной-единственной проказливой улыбкой. Он вообще был любимцем в доме, и ему все прощалось. Но дело было не только в его обаянии, он был единственной надеждой на возрождение былого великолепия Лейси. Мы оба были наследниками, но все надежды возлагались на него. При нашей бедности Ричард обязательно должен был получить образование, а затем, когда вернется его папа, взять в руки управление поместьем, отстроить заново дом, дать работу и деньги людям из деревни – одним словом, устроить рай в нашем маленьком уголке Суссекса. И тогда Ричард женится на мне.

Мама была против нашей детской помолвки. Она никогда не говорила почему, но мы своим детским чутьем понимали, что она даже слышать об этом не хочет. И, старательно избегая разговоров на эту тему, держали наши планы при себе.

Лишь однажды, когда мне было шесть лет и нам с Ричардом разрешалось еще купаться вместе в одном деревянном чане, который Страйд приносил на кухню, она разговорилась на эту тему. На минутку выйдя за расческой и вернувшись, она застала следующую картину: я в своей длинной ночной рубашке и с головой, обмотанной полотенцем, изображала невесту, а Ричард, тоже с полотенцем, завязанным в виде тюрбана, изображал жениха.

Увидев нас, мама сначала рассмеялась, но, поняв, в какую игру мы играем, нахмурилась.

– Есть много достаточно серьезных причин, по которым вы не можете пожениться, – несколько торжественно заговорила она. – В очень древних и благородных фамилиях, таких, например, как Лейси, были приняты браки между кузенами и кузинами. И это ни к чему хорошему не привело, попозже я объясню почему. И сейчас в наш старинный род необходимо добавить свежей крови. Страсть Лейси к земле не всегда была счастливой и безобидной. Поэтому мы с дядей Джоном пришли к выводу, что вы не можете пожениться. Так что, пожалуйста, не играйте в такие игры и не думайте об этом. Для вас обоих будет лучше сочетаться браком с людьми, не имеющими ни капли крови Лейси и, следовательно, лишенными их недостатков.

Мы оба кивнули, и Ричард взобрался к маме на колени, требуя, чтобы она поцеловала и высушила его «отметину», как мы говорили. Мама взяла полотенце и осторожно промокнула маленький круглый шрамик на его горле.

– А теперь расскажите нам его историю, – требовательно попросил он.

Я тоже завернулась в теплое полотенце и, присев в ногах мамы, положила голову ей на колени. Было очень уютно, несмотря на то что иногда в такт рассказу Ричард постукивал босой пяткой по моему затылку.

– Это случилось, когда ты был совсем крошечным, – начала мама давно знакомыми словами. – Твой папа и я сидели в домике викария вместе с доктором Пирсом. Это были тяжелые времена для Вайдекра, и все мы пытались найти какой-нибудь способ прокормить людей. Твоя мама в тот день отправилась с тобой на прогулку, ты сидел в коляске на коленях у няни. И вдруг твоя мама увидела, что ты проглотил маленький серебряный колокольчик от своей игрушки.

– Да, – взволнованно подтвердил Ричард.

– Быстро, как только могла, она привезла тебя в деревню. А твоя мама умела очень хорошо править лошадьми и доставила тебя действительно быстро и как раз вовремя.

– Да-да, – подтвердил Ричард.

Мы оба знали эту историю так же хорошо, как мама.

– Она схватила тебя на руки и вбежала в гостиную викария. И там, положив тебя на письменный стол, твой папа взял острый ножичек и разрезал тебе горло, а затем моим крючком для ботинок вытащил маленький колокольчик. И ты смог наконец дышать!

Ричард и я удовлетворенно вздохнули. Мама не смотрела на нас. Она не отводила глаз от пылающего камина, словно видела там старинную комнату и человека, который имел храбрость разрезать горло маленькому ребенку, чтобы спасти ему жизнь.

– Это была самая изумительная вещь, которую я видела в своей жизни, – задумчиво проговорила она. – По-своему, это даже загадочней чуда рождения.

– А вы тогда сумели накормить бедных? – спросила я.

Тень скользнула по ее лицу, и я почувствовала досаду на себя, что прервала ее размышления.

– Нет, – медленно сказала она. – Не сумели. Тот год был очень тяжелым для Экра.

– Это был год мятежа и пожара? – наседала я. – И поэтому они были бедные?

– Да, поэтому, – словно очнувшись, совсем другим голосом сказала она. – Но это все было очень давно, и, кроме того, вам обоим пора идти спать.

– Меня совсем не волнует то плохое, что было когда-то, – прижимаясь головой к ее плечу, сказал Ричард. – Лучше расскажите мне о том дне, когда я родился.

– Хорошо, но только в постели, – твердо ответила мама. – И сначала я уложу Джулию.

Я улыбнулась ей. При моей безоглядной любви к Ричарду мне даже не надо было делать никаких усилий, чтобы пожертвовать своими интересами.

– Я подожду, – предложила я.

Моя любовь оказывала нам хорошую услугу. Она поддерживала мир и спокойствие в нашем домике. Я видела его любовь к моей маме и ее любовь к нему, и я совсем не ревновала. Ее любовь грела нас обоих одинаково, и думаю, что если б у мамы было десять детей, они все были бы для нее драгоценны. Впервые я ощутила некоторые привилегии Ричарда лет в одиннадцать, когда он приступил к занятиям с доктором Пирсом.

Я попросила маму позволить мне тоже брать уроки, но она ответила, что для этого у нас нет денег, и я помню, что почувствовала первый укол обиды.

– Это невозможно, Джулия, – сказала тогда мама. – Я знаю, как ты любишь учиться, моя девочка, и, действительно, ты такая умненькая, что мне хотелось бы самой знать латынь, чтобы заниматься с тобой. Но для будущей леди это всего лишь развлечение, а для джентльмена, каким станет Ричард, это необходимость.

– Но он даже не хочет учиться, мама! Все, чего он хочет, это учиться пению... – начала я, но, встретив ее строгий взгляд, замолчала.

– Тем более важно приучать его к занятиям, – сказала она мягко. – А если он станет делать свои домашние задания при тебе, ты сможешь многому научиться таким образом. Но ты не должна заставлять его заниматься с тобой, Джулия. Джон присылает деньги из своего жалованья на образование Ричарда, а не на твое.

Все это я поняла прекрасно и, видимо в качестве компенсации, стала заниматься очень хорошо. Ричард был великодушен и щедро делился со мной своими домашними заданиями. Вернувшись домой и разложив на столе книжки доктора Пирса, он разрешал мне почти-точно стоять у его локтя и слушать, как он пытается выучить латинские глаголы и спряжения.

– Что за скука, – бывало, говорил он и подвигал ко мне книги. – Мне нужно это пере-вести, а я не могу даже отличить головы этого глагола от его хвоста.

Дрожа от волнения, я хватала книжку и, лишь иногда справляясь в словаре, нацарапывала свой перевод.

– Ну-ка, дай мне взглянуть, – произносил Ричард и отбирал у меня свои книги. – Я уже сам все понял.

Он уверенно заканчивал предложение, и мы, сияя, смотрели друг на друга в немом восторге.

Мама радовалась нашему согласию и плодам, которые приносило ее воспитание. Она старалась быть с нами одинаково заботливой, но не могла не давать больше Ричарду, поскольку он в большем нуждался. Ему доставались большие и самые лакомые кусочки за обедом, поскольку он рос быстрее. Ему постоянно требовалась новая одежда, для меня же мама всегда могла перекроить свои платья. Его требовалось учить. Если бы я любила его хоть чуточку меньше, я бы, наверное, завидовала ему. Но этого никогда не случалось. Лишь один раз в жизни я позавидовала тому, что было у него и чего не имела я. Но чего я не могла не хотеть. Это была Шехеразада.

Так звали чудесную кобылку Ричарда, которую давно обещал и наконец купил мой дедушка, лорд Хаверинг, наезжавший едва ли чаще трех-четырёх раз в год из Лондона. Это произошло в один из его приездов, когда мне было уже двенадцать, а Ричарду одиннадцать лет. Я впервые услышала об этом событии, сидя летним вечером с мамой в гостиной, лениво разглядывая в окно колышущиеся купы деревьев и поджидая, когда Ричард наконец выучит урок. Страйд вошел в гостиную и протянул маме поднос с письмом. Она неторопливо сломала печать и вдруг опустила письмо непрочитанным.

– Где это поет Ричард? – спросила она.

Страйд в смущении кашлянул.

– На кухне. Мистер Ричард вошел через кухню, и миссис Гау попросила его спеть. Она так любит его пение.

Мама кивнула и замолчала, прислушиваясь. Чистый, звонкий голос лился, словно заполняя собой весь дом. Ричард пел одну из тех итальянских песен, которым он отчаялся выучить меня. Но зато я переложила эти стихи на английский язык, и они стали всем понятны.

Страйд, мама и я сидели замерев, словно статуи, пока не стихла последняя нота. Только тогда мы зашевелились, и Страйд убрал со стола и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

– Это великий дар, – сказала мама. – Как щедро боги одарили Ричарда!

– А дядя Джон знает, как прекрасно поет наш Ричард? – тут же спросила я. – Может, он найдет где-нибудь денег для учителя музыки?

Мама покачала головой и стала разворачивать письмо.

– Музыка – роскошь, которую мы не можем себе позволить, – объяснила она. – Главное для Ричарда – поступить в университет и получить степень, которая обеспечит ему положение в обществе. После этого он сможет заняться шлифовкой своего музыкального таланта.

– Но если он будет давать концерты, он заработает много денег, и тогда дядя Джон вернется наконец домой, – упрямо стояла я на своем.

– Если бы все были такими неприхотливыми слушателями, как мы с тобой или миссис Гау, – улыбнулась она, – то мы бы, конечно, сразу разбогатели. Но Ричарду нужно еще долго-долго учиться, прежде чем он сможет выступать. И к тому же ни его папа, ни я не хотели бы этого. Пение в гостиных – это одно, Джулия, и совсем другое – выступать на сцене. Это не занятие для джентльмена.

Я помолчала. Новое возражение требовало размышлений.

– Тогда он мог бы петь в церкви. Или дирижировать церковным хором.

Мама опять опустила письмо и, повернувшись ко мне, погладила меня по щеке.

– Послушай, Джулия, – сказала она. – Ричард очень дорог мне, так же как и ты. Но мы не должны позволять нашим привязанностям ослеплять нас. Голос у него прекрасный, но Ричард забавляется им, как игрушкой. Он так же упражнялся в рисовании, но потом забросил его. В этом он похож на своего дядю, твоего отца, который имел много прекрасных талантов, но не обладал главным – умением работать. Ричард никогда не сумеет тренироваться и репетировать столько, сколько должен репетировать настоящий музыкант. Он любит только то, что легко ему дается. Из вас двоих ты большая труженица, поскольку часами сидишь за пианино, чтобы научиться аккомпанировать ему. Ричард занимается, только когда ему заблагорассудится.

Я внимательно изучала мамино лицо, обдумывая ее слова. Я давно уже слышала, что, когда мой папа играл в джентльмена-фермера, его сестра управляла всем имением сама.

Дверь отворилась, и вошел Ричард, покрасневший и сияющий от похвал, которые он получил на кухне.

– Вам было слышно, как я пел? – спросил он счастливым голосом. – Страйд сказал, что да. А ведь дверь на кухню была плотно закрыта. Фантастика!

– Да, мы тебя слышали. – И мама улыбнулась его сияющему лицу. – Ты чудесно пел, Ричард. Я бы хотела послушать тебя еще после обеда. А сейчас ступай вымой руки, мой дорогой, а я пока прочту письмо от дедушки Джулии.

Мы вместе вышли из комнаты, и до самого конца обеда мама не рассказала нам, о чем было письмо.

– Я прочла письмо от лорда Хаверинга, – сообщила она наконец, когда Страйд разливал суп. – Он пишет, что у него есть лошадь, которая подошла бы вам обоим.

Ричард чуть не подпрыгнул от радости, и мама улыбнулась ему.

– Я велела передать, что завтра мы приедем взглянуть на нее, – продолжала она. – Ты сможешь скакать верхом в своих повседневных сапогах, Ричард?

– О да, конечно, – воскликнул он. – Разумеется.

– Но где мы возьмем амазонку для тебя, Джулия? – И мама обернулась ко мне. – А я знаю, как ты хочешь учиться верховой езде.

– Ничего страшного, мама, – спокойно сказала я. – Это неважно. Ричард намного больше хочет научиться кататься, чем я. Пусть сначала учится он, а потом я.

Мама послала мне теплую улыбку в ответ на этот жест великодушия, но Ричард его даже не заметил.

– А это кобыла или жеребец, тетушка Селия? – спросил он. – И сколько лошади лет, вы не знаете?

– Не знаю, – рассмеялась мама. – Мне известно только то, что я вам уже рассказала. Вам придется подождать до завтра. Но я знаю совершенно точно, что мой отчим – прекрасный знаток лошадей, и это наверняка изумительное животное.

– Как хорошо! – радовался Ричард. – Готов спорить, что это кобыла.

– Возможно, – согласилась мама и жестом велела Страйду переменить тарелки, а затем, обратившись ко мне, спросила, какие у меня планы на вечер, пока она будет писать письма.

Остаток обеденного времени Ричард вертелся как на иголках, и я совсем не удивилась, когда он, едва обед кончился, отозвал меня в сторонку и заговорщицки прошептал:

– Джулия, я не могу ждать до завтра. Мне совершенно необходимо увидеть лошадь сегодня. Пойдем со мной! Мы успеем вернуться до ужина.

– Мама сказала... – начала я.

– Мама сказала, мама сказала... – передразнил он меня. – Я иду. Ты пойдешь со мной? Или останешься дома?

Я пошла. Конечно, я пошла, как шла всегда, стоило Ричарду позвать меня.

– Нам следует сказать маме, – нерешительно возразила я по дороге. – Она может хватиться меня.

– Говори, – беззаботно согласился Ричард и открыл дверь на кухню.

– Подожди меня, – попросила я, но он не оглянулся, и я заторопилась за ним следом.

Страйд сидел за кухонным столом, обедая и попивая пиво. На Ричарда он глянул без удовольствия.

– Куда это вы собрались, мастер Ричард?

– Подышать свежим воздухом, – величественно ответил тот. – Можете не открывать дверей из-за нас. – И он прошествовал к двери походкой старого лорда Хаверинга.

Идя за ним, я увидела, что Страйд укоризненно покачал головой, но мне он ничего не сказал.

Оказавшись на улице, я сразу забыла, что колебалась. Магия земли охватила меня, я почувствовала себя другим человеком.

Однажды мама заказала художнику наш портрет. Мне в то время было семь лет, Ричарду, стало быть, шесть. Она ожидала получить традиционную акварель для гостиной: мы вдвоем с Ричардом сидим на голубом диване в комнате для рисования. На единственном приличном предмете обстановки в единственной респектабельной комнате нашего бедного жилища.

Угодить маме было бы нетрудно, но художник оказался человеком, умеющим видеть, и перед тем, как сделать набросок, попросил нас погулять с ним по лесу и рассказать о нашей жизни. Он внимательно наблюдал за нами, видел, как бесшумно мы пробираемся под деревьями, не тревожа даже птиц, распевających на верхних ветвях. Он почувствовал, что мы относимся к земле как к живому существу. И что Ричард, земля и я составляем друг с другом неразрывное целое.

Поэтому он написал пейзаж нашего вайдекрского леса и меня, маленькую девочку, сидящую под огромным каштаном. Был май, и дерево стояло, все покрытое раскрытыми алыми свечами, которые роняли лепестки, и они кружились вокруг меня и падали на землю, становясь похожими на капли крови. Ричард стоял немного позади в позе маленького героя. Я же странно смотрела широко распахнутыми глазами куда-то вдаль, за художника, за раму картины, за маленький, безопасный остров детства.

Казалось, что загадочный мир Вайдекра сообщил моему образу немного дикости и непонятности. Я постоянно слышала зов моей земли, меня тянуло бегать и бегать по ней – хотелось никогда не расставаться со знакомыми запахами и картинами. Когда мне приходилось подолгу оставаться дома, я часто подходила к окну, прижималась лбом к холодному стеклу и выглядывала наружу.

Это расстраивало мою маму. Она рано заметила мою странную любовь к земле и мягко, неназойливо, но достаточно упорно пыталась превратить меня в обычного ребенка. Ей это не удавалось.

Стоило земле покрыться тонкой корочкой первого инея или задуть весенним ветрам, меня становилось невозможно удержать дома. Я должна была уйти, и только беспокойство в глазах мамы заставляло меня медлить.

– Я знаю, как ты любишь гулять, Джулия, – мягко говорила она мне. – Но юные леди не всегда могут делать то, что им хочется. Пожалуйста, займись шитьем, которое ожидает тебя уже неделю, вот твоя штопка. А после обеда можешь немного погулять.

– Ах, мама, я хочу не прогулки, – пытаюсь выразить словами свою тоску по пению птиц, отвечала я. – Мне необходимо быть там, где цветут деревья и поют птицы. Там пришла весна, а я едва видела ее в этом году.

Внезапно поймав ее странный, устремленный на меня взгляд, я виновато замолкала.

– Понимаю, – положив руку на мое худенькое плечо, говорила она. – Я вижу, как ты любишь землю. Но это потерянная любовь, Джулия. Ты бы лучше любила Бога и тех, кто любит тебя. Любовь к земле приносит мало удовольствия и может принести много боли.

В знак согласия я кивала, пытаюсь скрыть мгновенно возникшее чувство противоречия. Я не могла не любить землю и не любить моего Ричарда.

Но я знала, что мама права, говоря о потерянной любви. Когда я видела пустующие поля Вайдекра и луга с травой по колено, потому что никто не косил их и не пас здесь животных, у меня начинало болеть сердце и я понимала, что любовь к земле, не подкреплённая деньгами и здравым смыслом, – вообще не любовь. И когда Ричард доводил меня до слез поддразниванием и злобой, я начинала бояться, что моя любовь к нему – тоже потерянная любовь.

Но не было другой земли, кроме Вайдекра.

И не было никого в целом свете, кроме Ричарда.

Поэтому когда Ричард звал меня, я шла без размышлений. Даже когда я знала, что не должна это делать. И он так был уверен в моем всегдашнем послушании и моей преданности, что уходил не оглядываясь, точно зная, что услышит позади себя стук моих башмаков.

До Хаверинг-холла было довольно далеко, даже если бежать по самой короткой дороге через мостик на Фенни. Когда мы наконец добежали до конюшен, задыхающиеся и мокрые, лорд Хаверинг был там собственной персоной, осматривая своих лошадей перед ужином.

– Мой бог! – воскликнул он голосом теплым, как портер, и бархатным, как дымок его сигары. – Посмотрите, Денч, кого занесло к нам попутным ветром.

Грум Хаверингов выглянул из приоткрытой двери и улыбнулся нам.

– Пришли взглянуть на новую кобылку? – В его голосе явственно чувствовался протяжный суссекский выговор.

– Да, если можно. – По ангельскому виду Ричарда невозможно было вообразить, что этот мальчик способен на непослушание. – Тетушка-мама рассказала о ней за обедом, и, к моему стыду, лорд Хаверинг, я не мог вытерпеть до завтра.

Мой дедушка тепло усмехнулся своему любимцу.

– Выведи-ка ее, – кивнул он Денчу и обернулся ко мне. – А что ты, маленькая мисс Джулия? Как всегда, держишься в тени Ричарда?

Я вспыхнула, но ничего не сказала. Мне явно не хватало легкости Ричарда в обращении со взрослыми. Я хотела объяснить, что тоже прибежала посмотреть на лошадь. И что бежать из одного поместья до другого очень далеко. И что не надо винить Ричарда за мой приход. Но ничего из этого я не осмелилась сказать. Я только стояла, глупо разглядывая свои башмаки, и молчала.

И тут Денч вывел кобылу. О, она была очаровательна. Красивой рыжеватой масти с чуть более темными гривой и хвостом. Она спокойно стояла рядом с Денчем и внимательно смотрела на нас.

Ее глаза, темные, как расплавленный шоколад, казалось, звали меня, и, не дожидаясь разрешения Ричарда, я прошла мимо всех и протянула к ней руку.

Она тихонько заржала и стала обнюхивать мой карман. У меня с собой, конечно, ничего не было, но я взяла у Денча горсть овса, и ее губы коснулись моей ладони. Они были такие невинные и мягкие, как ладошки ребенка. Я протянула руку и погладила ее за ушами – там, где матери обычно облизывают своего жеребенка. Она вытянула голову и стала обнюхивать перед моего платья. Совершенно не думая о том, что делаю, я нагнулась и тоже понюхала ее нос. Это была любовь с первого взгляда.

– Поторопитесь, мастер Ричард, или вы лишитесь своей лошади. – Дедушка следил за мной с одобрением. – Твоя кузина может опередить тебя. Нужно сказать, что Беатрис была редкой наездницей, да и твой папа, Джулия, смотрелся на лошади хоть куда. А что касается

вашего дедушки, то мы с ним такие устраивали скачки, что они до сих пор сняты мне в ночных кошмарах. Все Лейси были помешаны на лошадях.

Сделав шаг назад, я пропустила вперед Ричарда, но осмелилась спросить:

– А как ее зовут?

– Шехеразада, – ответил мой дедушка тоном глубокого отвращения. – Я зову ее Салли.

– Шехеразада, – прошептала я про себя. – Принцесса из арабских сказок.

– В ней действительно есть примесь арабских кровей, – продолжал говорить дедушка. – Отличная лошадь. Я сам выбрал ее на распродаже у бедняги Таила. На ней ездила его дочь. Между прочим, эта кобылка ходила под дамским седлом, и нет причин не учиться тебе тоже скакать на ней, моя дорогая. Будешь учиться одновременно с Ричардом.

– У Джулии нет амазонки, – твердо заявил Ричард, пытаясь скормить Шехеразде пару зеленых яблок из нашего сада. Но он явно старался держаться подальше от нее. – Мама Джулии ни за что не позволит ей скакать без амазонки.

– Жаль, – проговорил дедушка. – Но я думаю, мы найдем какой-нибудь выход из положения.

Ричард бросил на меня взгляд. Только один взгляд.

– Нет, – с сожалением произнесла я. – Спасибо, не надо, дедушка.

Больше я ничего не могла выговорить. Дедушка с удивлением поднял бровь при моем странном отказе от его предложения, обернулся к лошади и стал придерживать ее чудную голову, когда Ричард садился на нее.

– Какова она? – прокричал он, отпустив лошадь.

Шехеразада медленно направилась к конюшне, а Ричард пригнулся, судорожно вцепившись в ее гриву.

– Великолепна, – ответил Ричард, но лицо его побледнело.

Тут дедушка бросил взгляд на часы в конюшне и заторопился.

– Достанется мне от вашей мамы, – сокрушенно заметил он. – Денч, пожалуйста, заложи маленькую коляску и доставь этих молодых людей домой. Если они вернутся домой после того, как стемнеет, Селия оторвет мне голову.

Денч без церемоний ссадил Ричарда на землю и повел Шехеразду в конюшню. Я невольно последовала за ним, чтобы еще побыть с лошадью.

– А вы когда же будете учиться, мисс Джулия? – спросил меня Денч, следя за выражением моего лица, когда я давала сено лошади.

– После того, как научится Ричард, – ответила я, понимая, что Ричард хочет иметь свою собственную лошадь.

И я также знала, что уступи я ему в этом, и у меня не будет более преданного друга, чем он. Мы всегда делились нашими игрушками, и если я быстро возвращала их и уступала свою очередь Ричарду, то мы никогда не ссорились. Он разрешит мне сколько угодно скакать на Шехеразде, когда поймет, что она принадлежит только ему и я не претендую на нее.

– Мастер Ричард любит быть всегда первым, а? – Денч бросил на меня внимательный взгляд. – А вы не возражаете, мисс Джулия?

– О нет! – Я даже улыбнулась при этой мысли. – Я очень хочу, чтобы Ричард научился ездить верхом.

Денч пробормотал что-то себе под нос и вывел коляску из конюшни. Мы с Ричардом уселись поудобнее, и дедушка помахал нам на прощание сигарой.

– До завтра, мои дорогие! – весело попрощался он. – И передайте вашей матушке мои извинения.

Нам не потребовалось ни в чем признаваться. Мама сразу догадалась, где мы, и сидела в торжественном одиночестве за ужином. Когда мы, крадучись, вошли в обеденную комнату, она даже не подняла на нас глаз.

– Вы можете поужинать на кухне, – холодно сказала она. – Дети, которые ведут себя как конюхи, вполне достойны есть на кухне.

Что мы могли на это возразить? Я присела и приготовилась выйти из комнаты, но Ричард шагнул вперед и положил около маминой тарелки красную розу, открыто сорванную в саду Хаверингов.

Ее глаза сразу потеплели.

– Ох, Ричард! – воскликнула она. – Ты бываешь таким непослушным! А теперь ступайте есть, а потом быстро в ванную, иначе не будет вам завтра никаких прогулок.

Я леглась спать в ту ночь счастливая оттого, что мы прощены. Двое самых дорогих для меня людей не сердятся на меня.

– У тебя будет амазонка, – тихо сказала мне мама, зайдя поцеловать меня на ночь. – Я разыщу что-нибудь подходящее в Хаверинг-холле. Или куплю тебе новую.

– Ты будешь учиться скакать верхом, – пообещал мне Ричард на ступеньках лестницы по дороге в наши спальни. – Как только я научусь, я сразу стану учить тебя, дорогая маленькая Джулия.

– О, спасибо большое. – И я повернула к нему лицо для традиционного вечернего поцелуя.

Но в этот раз он, неожиданно миновав подставленную щеку, поцеловал меня в губы.

– Милая Джулия, – ласково произнес он.

И я поняла, что мой отказ от дедушкиных уроков не прошел незамеченным и заслужил награду. Лучшую из наград, поскольку любовь Ричарда была для меня дороже всего в мире.

ГЛАВА 2

Долгожданный урок Ричарда оказался чрезвычайно утомительным для бабушки, унизительным для него самого и нескончаемой скукой для меня. Сначала я просто не могла понять, что происходит.

Уже когда Ричард отправился в конюшню за лошадью, его лицо было таким бледным, что веснушки на носу казались какой-то болезненной сыпью, а глаза горели лихорадочным блеском. Я решила, что он просто взволнован приятным ожиданием.

В отличие от меня Шехеразада все поняла гораздо лучше. Пока Ричард пытался взгромоздиться в седло, она нервничала, испуганно похрапывала и то и дело пыталась убежать. Ричард так и прыгал вокруг нее, одной ногой стоя в стремени, а другой – на земле.

Бабушка с неодобрением наблюдал за этой картиной и наконец обратился к Денчу:

– Подсади, пожалуйста, мастера Ричарда. Иначе он никогда не окажется в седле.

Денч подставил грязные ладони и без всяких церемоний закинул Ричарда в седло, будто мешок с овсом.

Сам бабушка одним движением оказался верхом на своем прекрасном жеребце, стоявшем спокойно, как будто это была не живая лошадь, а статуя, высеченная из камня и уставленная на фоне сочной зелени выгона и отдаленных лесов наших поместий.

– Всегда помни, что рот у нее очень нежный, – растолковывал бабушка Ричарду. – Думай, что поводья – это шелковые ленты и что ты не должен ни слишком натягивать, ни отпускать их. Пользуйся ими для того, чтобы дать ей понять, что ты хочешь, но никогда не тяни их изо всех сил. Не тяни, я сказал, – закричал он, так как Шехеразада метнулась в сторону, а Ричард дернул поводья.

Успокоить лошадь удалось Денчу – он одним легким жестом остановил ее, не проорвав ни слова. Я наблюдала за всем происходящим с полным восторгом, находя, что Ричард выглядит верхом на лошади в точности как любой из рыцарей короля Артура. В моих глазах он всегда был воплощением совершенства, а верхом на собственной лошади он становился полубогом.

– Давай выедем на выгон, – предложил бабушка.

В его голосе уже сквозило раздражение.

Денч взял лошадь под уздцы и повел ее на выгон. По дороге он что-то ласково говорил ей, и, когда они проходили мимо меня, я почувствовала, как беспокоится и боится чего-то Шехеразада. Милая и такая доверчивая Шехеразада.

Я подождала, пока они отойдут подальше, чтобы не нервировать ее звуком своих шагов еще больше, и отправилась следом. Во время первого урока Ричарда ничто не должно было мешать ему.

Но ему мешало все. Я уселась на забор и стала следить, как мой бабушка сделал верхом несколько кругов по выгону и жестом пригласил Ричарда повторить то же самое.

Но Шехеразада не двинулась с места. Она только вскидывала беспокойно голову, словно руки Ричарда, державшие поводья, были слишком тяжелы для нее. Когда он чуть сжал ее бока ногами, она присела, испуганная. Стоило ему коснуться – о, только коснуться – ее спины кнутом, как она начала пятиться, и бледность Ричарда мгновенно сменилась краской гнева. Она не слушалась его ни в чем.

Бабушка гарцевал на своем сером и выкрикивал инструкции Ричарду:

– Будь помягче с ней! Отпусти руки! Не травмируй ее рот. Нет, не так! Отпусти руки, Ричард, говорю же тебе! Сядь крепче в седло, чувствуй себя уверенно. Говори ей, что ты хочешь. О, все черти и дьяволы!

Не вытерпев, он спрыгнул со своего жеребца и бросился к Ричарду. Одним движением он скинул его с лошади, как рассерженный сквайр стряхивает деревенского сорванца с яблони, и, проворный, как юноша, прыгнул в седло.

– Не беспокойся, Салли, девочка. – Его голос звучал ласково и спокойно. – Я не позволю, чтобы тебя обижали.

И она мгновенно успокоилась. Ее прижатые назад уши, делавшие морду костистой и некрасивой, встали торчком, она перестала выкатывать белки и стала прежней милой лошадкой.

– Слушай, Ричард. – Дедушка явно старался сдерживаться. – Я уже говорил тебе там, во дворе, что, когда ты натягиваешь поводья, это означает «назад» или «стой».

Он чуть приподнял пальцы, и Шехеразада послушно двинулась вперед. Когда он немного согнул руки в локтях, она остановилась, почувствовав это легкое движение. Стоило ему опять отпустить поводья, и она легкими шагами, будто танцуя, пошла, переставляя ножку за ножкой.

– Если ты сжимаешь ее бока коленями, это означает «вперед», – учил дедушка.

Он опустил руки и заметно напряг мускулы ног. И сразу же Шехеразада поплыла вперед красивой, элегантной поступью. Она была прекрасна, как фонтан, сверкающий на солнце. Я любовалась ею, мне было даже по-настоящему больно от ее совершенства. В жизни я не видела ничего более прекрасного.

– Но если ты одновременно говоришь ей «стой» и «вперед», то ты сбиваешь ее с толку. Противоречивые команды нервнируют лошадь. С лошадьми ты всегда должен быть предельно четок. Как, впрочем, и с людьми, – добавил дедушка с сухой насмешкой. – Шехеразада – превосходная лошадь. И у нее добрый нрав. Но она требует мягкости в обращении. Сиди в седле поглубже, чтобы она чувствовала тебя. И ясно говори ей, что ты хочешь. Она сделает все на свете, если будет чувствовать твою любовь.

Он подскакал к Ричарду и спрыгнул с лошади.

– Садись, парень, – мягко обратился он к моему кузену. – Она знает свое дело. Тебе следует научиться своему.

Он стал помогать Ричарду усесться в седло, тот поспешил вставить одну ногу в стремя и уже перекинул вторую, но никак не мог найти другое стремя и тыкал носком ботинка в бок лошади. Шехеразада испуганно шарахнулась и толкнула дедушку, который тут же выругался.

– Успокойтесь-ка, оба! – прикрикнул он и на лошадь, и на всадника. – Вам надо притереться друг к другу. Вы – словно пара струн, натянутых слишком сильно. Что, черт побери, случилось с твоим стремянем, Ричард?

– Ничего, сэр. – Голос Ричарда звучал тонко и жалобно. Я с удивлением поняла, что он боится. – Я не мог сначала найти его. Но теперь все в порядке.

– Впредь постарайся делать это, не тыча ботинком ей в бок, – сердито посоветовал дедушка. – Не беспокой животное. С ним нужна ласка. – Забирая поводья у Денча, он бросил ему многозначительный взгляд, значения которого я не поняла. – А теперь, – дедушка уже сидел в седле, – скажи ко мне.

Ричард напряженным жестом опустил руки, и Шехеразада двинулась вперед, ступая так осторожно, словно видела впереди себя пропасть. Наблюдая за ней, я буквально кожей чувствовала ее страх и внезапно поняла причину сегодняшних неудач.

Она невзлюбила Ричарда.

Вот почему она вздрагивала и переступала на месте, когда Ричард садился в седло. Вот почему он сидел на ней так неловко и был таким бледным. Что-то в нем тревожило благородное животное. Я даже чувствовала запах пота, выступившего у нее от страха.

Я не могла больше видеть это. Когда Ричард остановил ее коротким рывком, я вздрогнула, будто от боли. Когда дедушка подхватил повод и повел ее с поля, с Ричардом, неловко сидящим в седле, я невольно подняла плечи, будто желая облегчить ее ношу.

Ричард не был больше похож на рыцарей из детской сказки.

Он пугал меня. Я соскользнула с забора, тщательно отряхнула мое муслиновое платье и, не оглядываясь, пошла к дому.

Я знала, что первый урок верховой езды, полученный Ричардом, прошел далеко не блистательно, поскольку сама была тому свидетелем, но я никогда не узнала бы этого от Ричарда. Когда он пришел к обеду, вымытый и переодетый, его лицо сияло улыбкой, а ответы на мамины вопросы дышали уверенностью. И я подумала, что после того, как я покинула свой наблюдательный пост, дела пошли много лучше.

– У него довольно тяжелая рука, – кислым тоном ответил дедушка на мамин вопрос. – Но верховая езда у него в крови. Он скоро научится держаться в седле. Гарри Лейси, я имею в виду старого сквайра, тоже имел руки как бараньи копыта, мы даже, бывало, смеялись над ним, но он и сам был превосходным наездником и научил великолепно скакать Беатрис и Гарри. А какой она была наездницей! – Тут он внезапно замолчал, возможно вспомнив рыжеволосую девушку на белом скакуне. – Странно даже, что ее сын такой неловкий! Но я думаю, он привыкнет.

Однако Ричард не привык. Разумеется, получив несколько уроков от дедушки, он научился держаться в седле, но никогда не чувствовал себя уверенно. Он и Шехеразада не питали друг к другу теплых чувств, и он сидел на ней так, будто ожидал какого-то подвоха с ее стороны.

– Шотландская кровь, – презрительно бросил дедушка. – Должен признать, что его отец, Джон Мак-Эндрю, держался на лошади довольно прилично, но все равно эти шотландцы никуда не годятся как наездники. Вот и у Ричарда нет ни желания к этому делу, ни сноровки. Он никогда не научится ездить, как его мать. Упокой, Господи, ее душу!

– Не могу сказать, что меня это огорчает, – улыбнулась мама и повернула голову в сторону Ричарда. – Наблюдать за скачками Беатрис, может, и было приятно, но своей семье она доставляла немало беспокойства. И к тому же я никогда не забуду, что ее отец погиб, упав с лошади.

– Что за чепуху ты говоришь, Селия! – нетерпеливо воскликнул ее отчим. – На лошади вы в большей безопасности, чем на ваших лестницах. Впрочем, ладно, оставим это. Мальчик никогда не станет настоящим всадником, да и бог с ним. Я научил этого сорванца всему, чему мог. Содержать его лошадь я стану на свои деньги.

– Спасибо, – благодарно произнесла мама. – Мы с Ричардом очень признательны тебе.

Дедушка удовлетворенно кивнул и выпустил кольцо дыма.

– А как там насчет маленькой мисс?

Я стояла спиной к ним и, не поворачиваясь, ждала, что ответит мама.

– Думаю, мы оставим эту мысль, пока она не станет немного постарше. Да у нас ни амазонки сейчас нет, ни дамского седла.

Дедушка беспечно махнул рукой.

– Джулия и так растет слишком свободолюбивой, – понизив голос, продолжала мама. – Ей уже двенадцать, и пора прививать ей манеры леди, а верховая езда может и подождать. Я буду счастлива, если она станет больше времени проводить со мной.

Я продолжала стоять молча. Если только дедушка не заступится за меня и не скажет им всем, что я – Лейси и что любовь к лошадям у меня в крови, я не смогу учиться ездить верхом. Я буду сидеть как припильенная в гостиной и видеть Шехеразadu только под седлом Ричарда. Конечно, я очень рада за него, но голос внутри меня неслышно кричал: «Это несправедливо! Мама, это несправедливо!»

Наконец решение было принято.

– Как ты скажешь, дорогая, – произнес лорд Хаверинг.

Я лишилась шанса научиться скакать на лошади, и мне оставалось только ждать милостей Ричарда. Но к тому времени, когда лето повернуло на осень, Ричарда постигла большая потеря. Гораздо большая, чем я даже могла вообразить. У него началась ломка голоса.

Сначала это даже забавляло его. Иногда его голос звучал как прежде, иногда – низко и хрипло. Мы с ним разучили пьесу, в которой действовали два негодяя и невинное дитя, и он изображал все эти роли, а я аккомпанировала ему на фортепиано. Мама, слушая нас, смеялась до слез.

Но она бы смеялась намного меньше, если бы узнала, что эту пьесу мы прочли, потому что Ричард ухитрился заказать книгу в библиотеке нашего графства от имени леди Хаверинг и подделать ее подпись.

Словом, сначала Ричард играл новыми смешными модуляциями как игрушкой, и ему даже в голову не приходило, что голос изменился навсегда.

Однажды, когда он пел под мой аккомпанемент итальянскую арию, он вдруг пустил петуха. Слегка нахмурившись, будто произошла малозначащая досадная ошибка, он попросил меня повторить этот кусок снова.

Я заиграла опять, но мои пальцы потеряли уверенность, и полился целый каскад неверных нот. Там было верхнее соль, и снова Ричард не взял его. Три раза мы пытались пройти этот момент, и с каждым разом получалось все хуже и хуже. Ричард даже забыл рассердиться и только смотрел на меня в замешательстве. Затем отвернулся и уставился в окно.

– Кажется, у меня ничего не получается, – недоуменно протянул он.

Он вышел из комнаты и стал подниматься к себе.

Эти медленные шаги не имели ничего общего с обычной походкой. Я слышала, как он пытается повторить музыкальную фразу, и снова у него ничего не получалось. Его дар, редкий дар, уходил от него.

После обеда, когда мы все сидели в гостиной, Ричард подошел ко мне и уверенно сказал:

– Я бы хотел попытаться опять, Джулия. Ну, спеть ту арию, что у меня не получилась утром. Сейчас все будет в порядке!

Я открыла фортепиано и установила пюпитр. Пальцы плохо слушались меня, и я довольно скверно отыграла вступление.

– В чем дело, Джулия?.. – Мама, нахмурившись, подняла голову.

Ричард, сидя у окна, набрал полную грудь воздуха и... сфальшивил. Затем снова... И опять...

Мои руки упали с клавиш, я даже не знала, что мне сказать или сделать. Еще секунду назад великолепный голос Ричарда был здесь, а сейчас он сипит так, будто искупался в водах Фенни.

Ричард в полном изумлении взглянул сначала на меня, потом на маму.

– У тебя ломается голос, Ричард, – улыбаясь, успокоила она его. – Ты становишься мужчиной.

Ричард явно не понимал, в чем дело.

– Конечно, рановато, – продолжала она. – Тебе ведь только одиннадцать. Но твой голос определенно ломается. Теперь ты не сможешь петь партии сопрано.

– Его голос станет низким?

Мне даже не приходил в голову такой поворот событий. Золотой голос Ричарда казался мне неотъемлемой частью его самого, и, судя по его ошарашенному виду, сам он думал точно так же.

– Конечно, – улыбнулась мама. – Ведь не поют же мужчины вместе с мальчиками в церковном хоре.

– Но что же я буду петь? – Казалось, он готов заплакать. Его голубые глаза стали совсем темными от огорчения. – Что же я буду петь?

– Партии тенора, – ровно ответила мама. – А партии сопрано будут принадлежать Джулии.

– Кому? Джулии? – гневно бросил Ричард. – Да она поет как ворона. Она не может петь сопрано!

Мама нахмурилась, услышав его слова, но осталась спокойной.

– Тише, тише, Ричард. Я согласна, ни у кого из нас нет твоего чудесного дара. Но пение тенором тоже может доставить много радости. Твой дядя, папа Джулии, пел тенором, и у нас выходили чудесные дуэты. Я поищу ноты для новых партий в Хаверинг-холле.

– Я не хочу их петь! – выкрикнул Ричард в негодовании. – Я не стану петь тенором! Это такой обычный голос! А я не хочу петь обычным голосом. Если я не смогу петь как раньше, я лучше совсем заброшу пение!

И он выскочил из гостиной, хлопнув дверью. В комнате воцарилось молчание.

– Для Ричарда важна не музыка, – тихо сказала мама, принимаясь за шитье. – Ему важно быть не таким, как все. Бедный мальчик, – вздохнула она.

Прежде Ричард изредка пел во время торжественной службы в кафедральном соборе в Чичестере. Теперь это было мучительно для всех нас. Мы с мамой помнили, как лился его голос и люди поворачивали головы, чтобы взглянуть на юного певца. Сейчас никто не смотрел на него. Только я бросила украдкой взгляд на Ричарда и отвернулась. Если бы он увидел, что я жалею его, он бы расстроился еще больше.

Мы молча вернулись домой. Мама поднялась к себе наверх снять шляпку, а я подошла к фортепиано и открыла крышку.

– Давай споем вместе, – как можно безразличнее предложила я.

Взяв несколько аккордов, я подняла глаза. Лицо Ричарда было торжественным.

– Я никогда больше не буду петь. Конечно, я могу иногда поломаться, как сегодня в церкви, но петь в гостиных, или на кухне, или даже в ванной, когда купаюсь, я не стану больше никогда. У меня был голос, который мне нравился, теперь его нет.

– Но у тебя и сейчас очень миленький голос... – начала было я.

– Миленький! – вскричал он. Но тут же взял себя в руки. – Очень миленький, не правда ли? Раньше у меня был голос, равного которому, может, не было нигде в Европе, но мне не дали развить его. Даже не наняли для меня учителей. Теперь его нет, осталось только то, что можно назвать очень миленьким. Такого голоса лучше вообще не иметь.

– Что же ты будешь делать, Ричард? – спросила я.

Мои губы дрожали, будто он нанес мне смертельную рану. По-своему, это так и было.

– Я не буду делать ничего, – спокойно ответил мой кузен. – Я постараюсь забыть о нем, словно его и не было. Я забуду о том, что хотел быть музыкантом. Вместо этого я стану учиться быть сквайром. Сквайром Вайдекра. Это все, что мне осталось.

Больше я никогда не просила Ричарда спеть. Мама продолжала заниматься со мной музыкой, Ричарда же, казалось, это совсем не занимало, он каждый день отправлялся на прогулки верхом, пытаясь побороть свой страх перед лошадью и узнать что-нибудь о земле. Земле, его земле, единственном, что отличало его от других нищих, плохо образованных парней в округе.

Он не сумел покорить Шехеразadu, но она была мягкой, чуткой кобылкой, и, когда он научился ясно выражать свои команды, она прекрасно слушалась его. Молодой племянник Денча, Джем, стал служить у нас на конюшне, и каждый день после обеда Ричард выезжал кататься и возвращался всегда поздно.

Мы с мамой часто сидели в гостиной, я читала ей вслух, а она шила. В ту осень я прочла два тома стихов и даже не заметила, как пожелтели листья на каштанах, а буки стали пурпурными. Я всегда старалась садиться спиной к окну, чтобы лучше видеть строчки и чтобы мое сердце не так болело по лесам Вайдекра.

Иногда мы ездили в Хаверинг-холл в маленькой коляске, которую запрягал для нас Джем. Морозный воздух румянил наши щеки, а стук копыт по твердой земле заставлял меня сжиматься от предчувствия чего-то неизвестного, что ожидало меня за поворотом аллеи. Но когда мы подъезжали к дому, там оказывалась только бабушка, великолепная в своем одиночестве и значительная в пустоте своих дней.

Однажды она пригласила меня пожить у нее, и, уставшая от немного покоя Дауэр-хауса, я согласилась. Как оказалось, приятно быть единственным ребенком в семье. Без ежедневных сражений с Ричардом. Я многому научилась у бабушки в ту осень. Главное – смотреть в темное прошлое без упрека и в безрадостное будущее – без жалоб. Оставаясь при этом внутренне свободной, независимой и отважной.

Утром она отдавала приказания дворецкому и другим слугам, и затем мы выходили на прогулку в сад. Он был почти в таком же ужасном состоянии, как наш сад в Вайдекре, но бабушка гуляла здесь, словно королева в Версале. Положив одну руку на мое плечо, а в другой держа корзинку для цветов, которые только случайно могли вырасти в этом царстве сорняков, она учила меня элегантности, показывала, как составлять прекрасные букеты из одного-двух цветков в окружении нескольких листьев.

– Искусство быть счастливым состоит в умении наслаждаться тем, что мы имеем, – говорила она. – И хорошие манеры заключаются в том, чтобы показать это умение.

И я, неизменно вежливая (в этом я была истинной дочерью своей мамы), послушно кивала и старалась красивее разместить хризантему в громадной хрустальной вазе.

Той осенью бабушка научила меня значительно большему, чем умение составлять букеты. Она научила меня внутреннему спокойствию, которое приходит с осознанием своей силы и своей слабости. Она внушила мне, не допустив даже тени возражения, что я больше уже не дикий подросток, а будущая молодая леди и что именно я, а не кто другой должна еще многому научиться, чтобы с честью справиться с этой ролью. И пока Ричард учился скакать, я училась внутренней дисциплине.

Думаю, что из нас двоих я получила более ценный урок.

Ричард все же оказался трусом.

Я видела, что он сам это понял, – по его лицу, бледневшему каждый раз, когда он входил в конюшню. Шехеразада тоже боялась его. Она не была старой, привыкшей ко всякому обращению клячей. Она была нервной, тонко чувствующей кобылкой, и, когда они с Ричардом оставались наедине, он пугал ее. Он все время боялся упасть, ушибиться. Но еще больше он боялся ее самой – ее яркой масти, блестящих глаз, трепещущих ноздрей.

Три недели я провела в доме моей бабушки и вернулась домой, только когда приближился приезд из Лондона лорда Хаверинга. Ни бабушка, ни мама не хотели, чтобы я оставалась в Хаверинг-холле, когда дедушка и его друзья нахлынут в дом, кляня плохие дороги и выгружая ящики с портвейном.

Бабушка помогла мне собраться и подарила на прощание отрез нарядного муслина на новое платье.

– Ты можешь быть сколько угодно Лейси, – говорила она, стоя со мной на крыльце и следя за тем, как Денч укладывает мой скромный багаж под сиденье коляски, – но ты также и моя внучка. – Она произнесла это так, словно это были явления одинаковой важности, способные вызвать только трепет в восхищенном мире. – Лейси, или Хаверинг, или будь ты замужем за кем угодно, надеюсь, ты всегда будешь помнить, что ты прежде всего леди.

Я кивнула, честно пытаюсь понять эти слова. Но мне было всего двенадцать лет, и больше всего я думала о том, что возвращаюсь домой к маме и Ричарду. И что он, возможно, разрешит мне кататься на Шехеразаде. Я едва слышала, как бабушка говорит мне, что быть леди гораздо более важно, чем иметь деньги и землю, даже важнее, чем иметь любящего мужа. Более важно, чем сама жизнь.

– Ты хочешь поскорее домой, к маме? – мягко спросила она.

– Да, бабушка, – правдиво ответила я.

– И к Ричарду?

Под ее понимающим взглядом я покраснела и опустила глаза.

– Что ж, это совсем неплохо, – задумчиво проговорила она. – Вы оба наследники, и при этом кузены. Это был бы самый разумный путь разрешить проблему совместного владения и управления Вайдекром. К тому же он очень мил. Он добр с тобою?

Я просияла в ответ, ибо, конечно, все наши детские ссоры были в то же мгновение забыты.

– О да, – с энтузиазмом воскликнула я. – Когда мы были еще маленькими, он сказал, что женится на мне и что мы вместе возродим Вайдекр.

Бабушка кивнула.

– Если Джон Мак-Эндрю возвратится домой зажиточным человеком, то это будет совсем неплохой брак. – Тут она притянула меня к себе, и ее лицо смягчилось. – Но должна сказать, что Ричард не позволит одержать верх над собой женщине. Он слишком избалован твоей мамой и привык командовать тобой. В своем доме он, безусловно, будет хозяином, и тебе придется слушаться его, Джулия.

Я, кивнув, промолчала, хотя могла бы сказать ей, что тяжелую школу уступок Ричарду я уже прошла. Я привыкла подчиняться ему, еще когда мы были совсем маленькими. Другого варианта для меня просто не существовало.

– Не всегда легко во всем слушаться мужа, – тихо сказала бабушка и вздохнула. Этот вздох сказал мне многое о целой жизни самодисциплины, подавленного и никогда не высказанного гнева. Об обидах, легком пренебрежении и случайных жестокостях. – В церкви скажут тебе, что брак – это таинство. Но это и тяжкие оковы, Джулия.

Денч уложил мою коробку и теперь отошел якобы поправить сбрую у лошади, чтобы оказаться подальше от нашего разговора.

– Ты, может быть, выйдешь замуж по любви, – грустно продолжала бабушка, – но я бы хотела, чтобы ты помнила: это такое же деловое соглашение, и после того, как любовь пройдет, тебе придется выполнять свои обязательства.

Я непонимающе взглянула на нее.

– Когда любовь оставит вас, ты все еще будешь продолжать жить с мужем, – сдержанно говорила она. – От этого никуда не денешься. Долги надо платить. И сделать тебя счастливой сможет тогда только то, что ты с полным правом скажешь себе: «Я – леди» или «Я – Лейси». Это напомним тебе, что ты достойная уважения личность, даже если вынуждена вести жизнь рабы.

При этих словах я вздрогнула, несмотря на теплое октябрьское солнце. Они звучали каким-то зловещим предсказанием. Но мое любящее, доверчивое сердце твердило мне, что бабушка не права. Она вышла замуж пятьдесят лет назад по воле своего отца и, вскоре овдовев, была вынуждена вновь вступить в брак, чтобы дать кров своему ребенку и себе. Но мы с Ричардом – совсем другое дело. Брак будет естественным продолжением нашей детской привязанности. Все, что мне нужно, – это любить Ричарда и знать, что он любит меня. Это чувство проведет меня через все невзгоды. Большого я не прошу у жизни.

Видимо, что-то из этих мыслей отразилось на моем лице, потому что бабушка рассмеялась и поцеловала меня еще раз.

– Да, научить этому невозможно, – сказала она будто про себя. – Каждый должен делать свои собственные ошибки. До свидания, моя дорогая. Не забудь передать эти рецепты твоей маме.

Я обняла бабушку и прыгнула в коляску. Затем я помахала ей и улыбнулась. Я знала, что она изумительная, мудрая и храбрая женщина. Но об истоках ее храбрости я не задумывалась. Я не подозревала, что храбрость понадобится мне самой.

– Уже домой? – спросил Денч, когда мы тронулись.

– Да, – ответила я.

Было так интересно сидеть рядом с Денчем высоко в коляске и видеть колышущиеся под ветром поля Вайдекра. Мне нравился Денч, его тягучий суссекский выговор и всегда спокойное лицо, по которому совершенно невозможно было догадаться о его чувствах. Я безошибочно знала, как это всегда знают дети, что он ко мне очень хорошо относится.

– Рады вернуться к маме? – ласково поинтересовался он.

– Конечно, и к моему кузену тоже. Вы не знаете, он много ездил верхом эти дни?

– Кажется, много, – ответил он. – Но мой племянник говорит, что у него ужасно неповоротливые руки. Мистер Ричард может испортить лошадку. Не знаю, о чем думает милорд.

– Но это лошадь Ричарда, – немедленно ринулась я на его защиту.

– Вроде как, – намеренно не понимая моего восклицания, отозвался Денч. – А вы не пробовали на ней кататься, мисс Джулия?

– Леди часто до самой свадьбы не умеют ездить верхом, – повторила я слова моей мамы. – Пока их не научит муж.

– И вы даже не сажались на нее никогда? И не заходили в конюшню?

– Сажилась, – честно ответила я. – Но Ричард поймал меня.

– И что? – Денч явно ждал моего ответа, но я молчала.

Ричард вошел в конюшню как раз в тот момент, когда я попыталась взобраться на Шехеразаду, предварительно поманив ее яблоками-паданцами из нашего сада. Сначала она встревожилась, но, почувствовав мой вес, успокоилась и снова сунула морду к корзинке. Я едва держалась на ее спине, но ощущать под собой ее теплую кожу и тугую сеть мускулов было невыразимым блаженством. Когда она подняла голову, я увидела ее стройную шею и блестящий водопад гривы. Я просто обожала ее и, зарывшись носом в гриву, с наслаждением вдыхала ее чудный запах.

Я не услышала шагов около конюшни и даже не заметила, как дверь открылась.

– Слезай. – Голос Ричарда звучал угрожающе.

Я выпрямилась и с испугом оглянулась. Ричард вошел в конюшню и закрыл за собой дверь. В руках он держал седло и упряжь.

– Слезай, – повторил он.

Теперь в его голосе появились ласковые нотки, но меня ему было не обмануть. Я видела, как зло блестят его глаза.

Ухватившись за гриву, я соскользнула с лошади и, стоя на соломе, встретила с ним глазами.

– Ричард... – извиняющимся тоном начала я.

Отложив в сторону седло, он отпихнул меня подальше от лошади и с силой сжал мое запястье. Шехеразада вскинула голову и испуганно заржала. Тогда он резко повернул меня так, чтобы я оказалась между ним и напуганным животным.

– Шехеразада – моя лошадь, – прошипел он, приблизив свое лицо к моему. – Лорд Хаверинг подарил ее мне. И он меня учил кататься на ней. Ты можешь сколько угодно быть Лейси, но здесь за все платит мой папа. Может быть, лорд Хаверинг и дедушка тебе, но лошадь он подарил мне. И я предупреждал, что нельзя ее трогать, правда?

Мои губы дрожали так сильно, что я даже не могла говорить. Это было хуже того случая с водяными змеями в нашем детстве. Это было хуже всего, что случилось до сих пор.

– Ричард... пожалуйста, – жалобно попросила я.

– Я предупреждал тебя? – настойчиво переспросил он.

– Д-д-да, – заикалась я. – Но, Ричард...

– Итак, я предупреждал тебя, Джулия, – нетерпеливо повторил он. – Я сказал тебе, что ты станешь кататься на ней, когда я сам смогу научить тебя. И просил тебя держаться подальше от моей лошади.

Я не могла сдерживать нахлынувшие слезы. Они потекли по щекам, и мое лицо мгновенно стало мокрым, словно я попала под дождь. Я не сводила с Ричарда глаз, надеясь, что он увидит, как я напугана, перестанет так больно сжимать мою руку и заговорит со мной добрым голосом, как он делал всегда после наших ссор.

– Я говорил тебе это? – закричал он.

– Да, да, – прорыдала я.

Я не видела спасения. Мама была далеко в доме, Джем, наверное, сидел на кухне. Я находилась во власти Ричарда, а эта власть была немилосердна. Он действительно предупреждал меня. Он не разрешал мне прикасаться к его лошади, и я не послушалась его. Он предупреждал меня, что рассердится. А я имела глупость прийти к Шехеразаде. Что же теперь будет?

Внезапно во мне пробудилось чувство протеста.

– Но ты даже не любишь ее! – заговорила я. – Ты никогда не любил ее, так же как никогда не любил меня. Ты обещал, что научишь меня скакать верхом, но я не верю тебе! Все, чему ты научился, – это твое дурацкое пение! И больше ты ни на что не способен. Ты никогда не научишься ездить верхом!

Ричард схватил меня и, крутанув, поставил лицом к стене. Потом всей тяжестью навалился на меня.

– Я убью тебя! – прошипел он злобно.

Обе мои руки были прижаты к стене, и я буквально не могла шевельнуться. Он схватил с пола кнут и, опять зажав меня одной рукой, изо всей силы стегнул меня по спине.

Он намеревался задать мне порку, как задавал ему Страйд, что, впрочем, бывало крайне редко. Но я вывернулась из его рук, и удар пришелся мне по бедру. Хотя на мне был теплый жакет, я вскрикнула от боли и неожиданности. Три раза Ричард успел стегнуть меня, пока я не вырвалась окончательно и, нырнув под брюхо Шехеразады, не укрылась за ней. Она была напугана происходящим, била копытами и выкатывала белки.

Гнев оставил Ричарда, казалось, он сам готов был расплакаться.

– О Джулия! – всхлипнул он.

Но я была далека от прощения. Чувствуя себя в безопасности, я кинулась к двери, открыла ее и выбежала наружу. Я не побежала в дом, хотя его окна приветливо светились в вечернем сумраке. Вместо этого я кинулась туда, где была бы совершенно одна, – на сеновал над конюшней. Там я бросилась на пол и, зарывшись лицом в сено, разрыдалась. Я рыдала от боли и унижения, а также оттого, что моя собственная вспышка довела Ричарда до такого бешенства, что он даже пожелал моей смерти.

Я плакала, зажимая рукой рот, и не могла остановиться. Он ударил меня так больно! Он, видно, совсем не любит меня, раз может так обращаться со мной. Я тоже не стану больше любить его. Мы никогда больше не будем друзьями. Он слишком долго третировал меня. Эта злобная атака будет последней!

Сено щекотало мою щеку и постепенно становилось влажным и горячим. Я плакала, будто стараясь навсегда выплакать все слезы... И вдруг я почувствовала самое нежное в мире прикосновение – прикосновение руки Ричарда к моему плечу.

Он бережно – так бережно! – повернул меня к себе и заглянул в мои глаза.

– О малышка Джулия, – жалобно проговорил он и взял мое лицо в ладони.

Он стал нежно и бережно целовать меня, осушая мои слезы. Но я продолжала рыдать и не могла остановиться.

– Ричард, ты не должен так обращаться со мной, – заикаясь, еле выговорила я. – Это несправедливо. И я не буду больше любить тебя. Ты очень жестокий, Ричард.

– Я знаю, – виновато проговорил он. – Я знаю, что не должен был так делать. Но, Джулия, ты должна простить меня. Ты же знаешь, что я не имел в виду ничего плохого. Это вышло случайно.

– Случайно! – вскрикнула я. – Это было совсем не случайно! Ты ударил меня изо всей силы. Целых три раза, Ричард! Даже моя мама никогда меня так не била! И ты сказал, что хочешь убить меня!

– Я знаю, – повторил он своим полным обаяния голосом. – Я прошу у тебя прощения, Джулия. И клянусь, что никогда больше не обижу тебя! – С этими словами он опустил на колени. – Видишь, я на коленях умоляю тебя простить меня.

Я заколебалась. Боль от ударов стала проходить, и вид страдающего Ричарда был непеносим для меня.

– Скажи, что ты простила меня, – прошептал он, протягивая ко мне руки.

– Нет, – упрямо ответила я. – Ты был ужасно жесток, Ричард, ведь я же ничего плохого тебе не сделала, только села на твою лошадь.

Он помолчал минутку, все еще стоя на коленях.

– Настоящие леди должны прощать, когда перед ними извиняются, – наконец выпалил он. – Я же сказал, что я сожалею. И я действительно сожалею. И прошу у тебя прощения.

Долгие уроки моей мамы, объяснения бабушки, весь мир, в котором мы жили, и мое собственное любящее сердце смягчили мою обиду.

– Ох, Ричард, ладно.

И слезы без всякой причины снова хлынули из моих глаз. Он ласково обнял меня и стал вытирать их своим носовым платком.

Потом мы долго сидели в молчании, пока первые звезды не показались на небе.

– Я не люблю, когда другие трогают мои вещи, – тихо и примирительно заговорил Ричард.

– Я знаю. – Этими словами я полностью приняла вину на себя. – И обещаю никогда больше не прикасаться к Шехеразаде.

Я могла бы пообещать и больше, но тонкий серп месяца выглянул из-за тучки и заглянул мне в глаза. Мне послышался тот странный поющий звук, который я всегда принимала за музыку сердца Вайдекра. Эта ночь не казалась мне мирной и покойной, она была какой-то зловещей. Свет луны словно предупреждал меня о том, что любовь Ричарда к своей собственности заходит слишком далеко и я не должна так охотно уступать ему.

Но странный момент прошел, и снова я сидела на сеновале с товарищем моих детских игр.

– Мастер Ричард не любит, когда трогают его лошадь, не правда ли? – с любопытством спросил Денч.

– Не любит, – ответила я, отрываясь от дум.

Я больше никогда не подходила к Шехеразаде, и Ричард забыл свой гнев. Впрочем, последние дни я мало видела его.

– Собака на сене, – пробормотал себе под нос Денч. – Я считаю, что вы и без всякой учебы научитесь скакать верхом, мисс Джулия. В конце концов, вы ведь прирожденная Лейси.

– Нет, – твердо сказала я и выпрямилась. – Я не стану учиться скакать верхом, пока не вырасту, Денч.

– Ну и ладно, – услышав упрек в моем голосе, спокойно согласился он.

Мы въезжали в великий покой вайдекрского леса.

– Хотите подержать поводья? – предложил он мне.

– О, еще бы! – с жаром согласилась я.

Джем иногда позволял мне править нашей старой двуколкой, но сейчас впервые мне довелось держать поводья великолепной лошади Хаверингов.

– Берите, – великодушно разрешил Денч и стал следить, как мои маленькие руки бережно взяли за поводья, словно это были дорогие ленты. – Умелые руки, – одобрительно пробормотал он. – У вас руки как у миссис Беатрис.

Я кивнула, едва слыша его. Солнечный свет скользил по моему лицу, ветер, ласковый, как пение птиц, дул мне навстречу. Целая стая скворцов на все лады распевала над нами в ветвях деревьев, а за лесом на заброшенном поле виднелись грачи.

– Мы могли бы не ехать прямо домой, – предложил Денч, глядя на мое счастливое лицо. – Давайте объедем вокруг мельницы и вернемся домой через деревню.

Я заколебалась, потому что все еще помнила историю о том, как забирали детей. Но в конце концов, Ричард ходил через деревню к викарию на уроки, и мама никогда не запрещала мне там бывать.

– Хорошо, – согласилась я.

И мы свернули на деревенскую улицу, проехав мимо заржавленных, всегда открытых ворот Вайдекра. Деревенская улица была пуста, лишь несколько бледных лиц виднелись сквозь закрытые окна. Денч кивнул сапожнику и кузнецу, они помахали в ответ, и мы свернули на поросшую травой дорогу, которая вела к общественной земле. Неподвижно замерло в воде мельничное колесо, на нем повисла давно высохшая травинка.

– Можно пустить лошадь галопом, если вы хотите, – снова сказал Денч.

И, совсем ни о чем не тревожась, я ослабила поводья и почувствовала, как коляска поехала быстрее и стук копыт по земле участился.

– Нравится?

– О да! – прокричала я, перекрывая стук копыт, и лошадь, словно поняв мой восторг, понеслась во весь опор.

– Тпру! – неожиданно тревожно закричал Денч и выхватил у меня поводья.

От неожиданности я чуть не упала со своего сиденья, но он успел подхватить меня и водворить обратно.

«Что?..» – хотела спросить я, но, проследив за его взглядом, увидела стоящую невдалеке Шехеразаду, без седока, с болтающимися поводьями. Увидев коляску, она вскинула голову и поскакала к нам.

– Черт побери! – негромко произнес Денч. – Где же этот криворукий?

Шехеразада подошла поближе. Я выскочила из коляски и подхватила волочащиеся по земле поводья.

– Ричард! – прокричала я в сторону леса. – Ричард, где ты?

Никакого ответа. Только тревожно вскрикнула сойка да дятел вспорхнул с дерева и полетел прочь.

Я вопросительно оглянулась на Денча, его лицо было озабоченным.

– Криворукий, – опять пробормотал он и стал осматривать Шехеразаду. – С ней все в порядке. Он, видно, просто упал. А где он обычно катался?

– Не знаю, – беспомощно пожала я плечами. – На общественной земле, среди холмов. В лесу. Везде.

– Значит, и искать придется везде, – хмуро ответил Денч и оглянулся на покрытый пурпурным вереском простор общественной земли. – Мастер Ричард вполне мог отправиться домой, – продолжил он более спокойно. – Поднялся после падения и пошел.

Затем его лицо опять омрачилось, и он, подойдя к лошади, стал выпрягать ее из коляски.

– Дайте-ка, – коротко попросил он и взял у меня из рук поводья Шехеразады, поправил на ней седло и, оценивающе взглянув на меня, принялся укорачивать стремяна. – Вам придется скакать на ней домой. По дороге загляните на мельницу и, если там есть кто, скажите им, что Ричард упал с лошади и надо отправляться на поиски. Затем скачите к кузнецу Неду, он сам поймет, что надо делать. А я коротким путем доберусь до Дауэр-хауса, узнаю, не вернулся ли ваш кузен домой.

Я даже задохнулась от удивления.

– Но я не умею скакать верхом! Я же говорила вам. Ричард еще не научил меня.

Денч выругался сквозь зубы и посадил меня в седло, как он сделал бы это с любым деревенским парнем. Я оказалась в седле, сидя по-мужски, с задранной чуть не до колен юбкой и непривычно раздвинутыми лодыжками.

– Вы отлично справитесь, – уверенно произнес Денч. – Вы же Лейси.

Он вручил мне поводья и спокойно повернулся спиной, словно потерял интерес ко мне или был уверен в моей безопасности. Я сидела не дыша. Но ушки Шехеразады смотрели вперед, и она стояла подо мной как каменная. Земля в первую минуту показалась мне очень далекой, но я знала, что это родная мягкая земля моего Вайдекра, и немного осмелела. Наклонившись, я поправила юбки, попытавшись чуть прикрыть ноги, и выпрямилась. Шехеразада своим легким танцующим шагом тихонько двинулась вперед вдоль улицы. И тут я совершенно успокоилась. Мне показалось, что после долгого отсутствия я вернулась домой.

Что-то подсказывало мне, как надо сидеть на ней, как держать поводья и как направлять ее шаг. Возможно, я просто очень внимательно слушала тот первый урок, который преподавал Ричарду дедушка. Но в глубине души я знала, что дело не только в этом. Я происходила из семьи, многие поколения которой были превосходными наездниками, и скакать верхом на лошади по земле Вайдекра казалось мне чем-то знакомым. Править лошадьми, сидя в коляске, тоже очень приятно, но скакать верхом было просто верхом блаженства.

Странно, что Ричард... И тут я вспомнила, что Ричард пропал, что он лежит где-то раненый. Даже не думая, я тронула бока лошади пятками, и она прибавила шаг. Мои зубы застучали, и я ухватила за луку седла, но это не помешало мне беспомощно соскальзывать то в одну, то в другую сторону. Я вспомнила, как дедушка учил Ричарда слегка приподниматься на стремянах в такт бегу лошади. Без особой надежды я попыталась делать так же и сразу же поймала ритм ее шагов, мои зубы перестали стучать, и я почувствовала себя спокойно и уверенно. Мы быстро скакали, и вот уже показались очертания мельницы; я уселась покрепче в седло и потянула поводья. Шехеразада послушно остановилась.

– Мельник Грин, мельник Грин, – позвала я, награждая мельника титулом, которого он не слышал уже, наверное, лет десять, с того дня, когда у него в амбаре нашли несколько спрятанных мешков пшеницы.

Дверь бесшумно отворилась, и старая миссис Грин выглянула во двор.

– Его нет, – неохотно ответила она. – Все уехали на ярмарку искать работу.

Когда-то она была полной достоинства гордой женщиной, хозяйкой мельницы, семья которой имела свою собственную скамью в церкви. Но потеря средств к существованию сломила ее дух. Прокормить четырех взрослых сыновей и мужа требовало немалых денег, а заработка ни у кого из них не было. Никто из них в течение этих лет не видел в супе мяса и не ел фруктов, за исключением разве что диких ягод.

– Произошел несчастный случай, – обратилась я к ней. – Мой кузен Ричард упал с лошади и, возможно, лежит где-то в лесу или на общественной земле. Когда ваши мужчины вернутся домой, попросите их отправиться на его поиски, хорошо, миссис Грин?

Она мрачно смотрела на меня.

– Сын миссис Беатрис? Нет, – произнесла она с мрачным удовлетворением. – Я не сделаю этого. Мы не станем делать ничего в угоду Лейси. И тем более после тяжелого дня, проведенного в бесплодных поисках работы.

Я смотрела на нее, и внутри меня рос страх. Если Ричард лежит сейчас где-то раненый, возможно, со сломанными костями и совершенно один, он нуждается в помощи. Его надо побыстрее отыскать. А если миссис Грин не поможет мне, если я не подниму весь Экр, то понадобятся часы, чтобы найти его. Не думая ни о чем, кроме отчаянного положения Ричарда, я соскользнула со спины Шехеразады и бросила поводья на забор. Затем я подошла к мрачной старухе и умоляюще сложила руки.

– Да, он сын Беатрис, но он – мой кузен. И я люблю его больше всего в мире. Пожалуйста, помогите ему.

Взгляд ее потеплел, когда она увидела меня не хозяйкой Вайдекра, возвышающейся перед ней на лошади, а умоляющей о помощи девочкой на голову ниже ее.

– Ладно, – уступила она. – Они вернутся примерно через час. И я попрошу их сразу же отправиться на поиски.

Я почувствовала, как мои глаза наполнились слезами.

– Благодарю вас, – хрипло ответила я и пошла к оставленной лошади.

Используя выступ каменной ограды в качестве опоры, я взобралась на Шехеразду и повернула лошадь к Экру. Я чувствовала, что миссис Грин провожает меня взглядом, в котором светятся симпатия и сочувствие.

Когда мы свернули к Экру, я уселась поглубже в седло и пустила Шехеразду в галоп. Я приподнималась на стременах в такт ее бегу и не чувствовала ни малейшего страха, а только восторг от ветра, дующего в лицо, от ритмичного стука ее копыт, от ощущения скорости. В Экр мы ворвались с грохотом отряда кавалерии, и около кузницы я остановила мою кобылку ликующим возгласом.

– Нед Смит! – позвала я, и он мгновенно вынырнул из темной кузницы, на ходу надевая кожаный передник.

В его лице светилась радость. Он думал, что я приехала предложить ему какую-то работу.

– Нет-нет, у меня нет для вас работы, – заторопилась я. – Извините, пожалуйста. Ричард упал с лошади во время прогулки. Джон Денч отправился искать его и сказал, чтобы я попросила вас помочь ему.

Кузнец снял передник и бросил его на пустую наковальню.

– Отчего же нет, – угрюмо ответил он. – Многие согласятся помочь вам, если вы заплатите им пенни.

– Да. – Я неловко кивнула. – Я сожалею, что не могу предложить вам сегодня работу. Вы, наверное, услышали стук копыт и обрадовались. Боюсь, мы вряд ли сможем заплатить больше одного пенса на человека.

При этих словах он вскинул на меня глаза.

– А вы почему беспокоитесь о работе? – холодно спросил он.

– Потому что я – Лейси, – ответила я и, рассерженная его взглядом, продолжила: – Я знаю, что сейчас все идет у вас плохо, но мы были здесь сквайрами, и то, что плохо для вас, плохо и для нас. И мне очень жаль, что все так произошло.

Лицо кузнеца смягчилось, но он по-прежнему смотрел на меня сурово. Казалось, его глаза забыли, что такое улыбка.

– А, – отмахнулся он, но, желая быть великодушным, добавил: – Вы-то были тогда совсем грудным ребенком, и вас никто ни в чем не винит. Я соберу людей, и мы найдем вашего кузена. Не тревожьтесь.

– Спасибо, – сказала я.

– Вам понравилось ездить верхом? – спросил он, вдруг заметив, что я сижу в седле по-мужски и опираюсь на укороченные стремена.

– Очень, – просияла я в ответ. – Я попробовала и рысью, и галопом. И теперь не испытываю никакого страха.

– Вы скачете как мисс Беатрис, – негромко, будто про себя, продолжал кузнец. – И у вас такая же, как у нее, улыбка. В первую минуту, увидев вас, я вспомнил ее, когда она еще не сошла с ума.

«Когда она еще не сошла с ума» – в моем мозгу эти слова прозвучали как заклинание, объясняющее мне все.

– Она сошла с ума, – повторила я их вслух. – Что вы имеете в виду? Моя тетя Беатрис никогда не сходила с ума.

Он бросил на меня иронический взгляд из-под косматых бровей.

– Это вам так говорят, осмелюсь возразить. Мы здесь, в Экре, видели совсем другое. Но это старая история, и мало толку ее рассказывать.

– А что вы такое видели в Экре? – настойчиво спросила я, нагнувшись с седла и вопросительно глядя в глаза кузнецу.

Мне казалось, что одно слово об улыбке Беатрис могло бы объяснить мне все. И почему мы теперь такие бедные, и почему земля вокруг пустует и не родит ничего, кроме сорняков.

– Не сейчас, – отрывисто сказал он, и я заметила то же замкнутое выражение, которое видела у мамы, когда разговор заходил о Лейси и о страшном пожаре, лишившем нас всего. – Сейчас в вашей голове только заботы о кузене.

Да, он был прав. Я потрясла головой, чтобы отогнать тревогу, и повернула лошадь.

Улица Экра представляла собой сплошное месиво грязи и не подходила для галопа, поэтому Шехеразада преодолела ее веселой рысью. Но дорога к Холлу и Дауэр-хаусу сильно заросла травой, и я ослабила поводья и дала лошади перейти в быстрый галоп. В таком темпе мы доскакали до дома, и я увидела в окне тревожно глядящую на меня маму. Несомненно, я представляла собой непривычное зрелище: волосы растрепались, шляпка сползла и болталась на спине, глаза сияли восторгом.

– Джулия! – воскликнула она в ужасе. – Ради бога...

– Денч вез меня домой, и по дороге мы увидели Шехеразаду, – одним духом выпалила я. – Сам он отправился искать Ричарда, а меня посадил на лошадь и попросил поехать в Экр за людьми. Мама, а Ричарда нет дома? Он не вернулся?

– Нет, и я уже начала беспокоиться, – ответила мама. – Господи, что могло с ним случиться? Но, Джулия! Ты скачешь верхом? Откуда ты этому научилась?

– Я просто села и поехала, мама, – с триумфом объяснила я. – Как только я оказалась на ее спине, я сразу поняла, что надо делать. Шехеразада такая милая и добрая! Я знала, что на нее можно надеяться.

– Но эти люди из Экра... – растерянно проговорила мама. – С кем ты там говорила?

– С миссис Грин на мельнице, потом еще с кузнецом Недом. Они оба сказали, что помогут.

– О моя дорогая, – простонала мама, переполненная впечатлениями: я, скачущая верхом на лошади, я, отдающая приказы в Экре, и, конечно, раненый Ричард.

Но тут же я увидела, как распрямились ее плечи, и услышала твердый голос:

– Отведи лошадь в конюшню и вели Джему скакать в Хаверинг-холл. Пусть передаст ее милости, что Ричард, возможно, ранен и нам понадобится экипаж. И потом мигом возвращайся.

Мама повернулась и бросилась к дому, и я тут же услышала, как она зовет Страйда. Я чуть наклонилась вперед, и умненькая лошадка поняла, чего я хочу, и направилась к конюшне. Около дверей я спрыгнула с нее и почувствовала, как земля плывет у меня под ногами. Мои колени подогнулись, и вместо того, чтобы небрежно бросить поводья Джему, я осела на землю, полусмеясь, полуплача от боли. Джем подхватил меня и помог сесть, облокотившись о стену, а сам тут же стал удлинять стремяна у лошади, чтобы скакать в Хаверинг-холл.

– Может быть, вам помочь? – спросил он. – Я могу проводить вас в дом.

– Не надо, все в порядке, – солгала я.

По правде сказать, мои руки и ноги дрожали, как желе. У меня болела каждая косточка, и, воспользовавшись тем, что Джем стоит ко мне спиной, я украдкой осмотрела свои ноги. Они так болели, что показались мне стертыми в кровь, но, к счастью, кожа на них была просто немного раздражена грубыми швами седла.

– Господи помилуй! – завопила миссис Гау, уперев руки в бока и возвышаясь надо мной, как гора. – В каком вы состоянии, мисс Джулия! Сейчас же отправляйтесь в дом!

Я послушно попыталась подняться, но не смогла. Направив взгляд на суровое лицо миссис Гау, я протянула к ней руки.

– Я не очень хорошо себя чувствую, – виновато выговорила я и потеряла сознание.

На этом мои приключения в тот день и окончились. Миссис Гау была не слишком доброжелательна, но свое дело она знала. Она тут же велела Страйду отнести меня наверх и принесла ко мне в комнату тарелку супа, в который капнула бренди, и немного хлеба. Несмотря на тревогу за Ричарда, мои глаза слипались, и я тут же заснула.

И тогда я увидела сон.

Это был очень забавный сон, в котором все события прошедшего дня смешались и перепутались. Мне снилось, что все это происходило не со мной, а с девочкой, очень похожей на меня. С девочкой, которая никогда бы не потерпела жестокости от своего товарища по играм, с девочкой, которая ничего не боялась. С девочкой не очень спокойной и не слишком застенчивой. И совсем не тихоней. Этой девочкой могла бы быть я, если б я не была дочерью своей мамы. Если бы у меня не было похищено немного свободы.

Она сидела верхом на пони, он был гнедой масти и в свете октябрьского солнца отливал золотом, как наша Шехеразада. Она скакала на нем не по лесу, где я была сегодня, а по склонам дальних холмов. Она была мной, и это свой смех я услышала, когда она гнала пони на самый верх, и это мой крик восторга вырвался из груди, когда они достигли вершины. Я посмотрела направо и увидела отару овец – я знала: это мои овцы, – и пастух поднял руку в ленивом приветствии. Я подскакала к нему и велела ему выкупать овец в реке сегодня после обеда, и он кивнул и улыбнулся, будто я была сквайром и могла отдавать приказы и ослушаться меня было невозможно.

Я прищурила глаза и оглядела небосвод, будто и он также принадлежал мне, и сказала, что к вечеру разразится дождь. И пастух кивнул в ответ, будто я была, как всегда, права, и послушно сказал: «Да, мисс Беатрис» – и помахал на прощание.

Я перевернулась во сне на другой бок и услышала чей-то голос, произнесший странные слова: «Избранное дитя. Избранное дитя. Она всегда была избранным ребенком».

Тут я проснулась и открыла глаза. Мою комнату заливал яркий солнечный свет. Тени на полу говорили мне, что я спала всего несколько минут. Я протянула руку и потрогала тарелку с супом, она все еще была теплой. Я вспомнила о Ричарде и захотела встать и пойти узнать, нашли ли его, но моя голова кружилась, я легла обратно и провалилась в крепкий сон.

В этот раз я спала до самого полудня и пропустила возвращение Ричарда домой. Его нашел и доставил в Экр Денч, уложив в коляску и ведя лошадь на поводу. У Ричарда были сломаны ключица и левая рука, и Денч разорвал свою рубашку, чтобы наложить временную повязку. Мама, узнав о происшедшем, прислала в Экр карету Хаверингов, и Нед с одним из сыновей мельника положили Ричарда на коврик и подняли в карету. Он не испытывал никакой боли, так как Денч дал ему лауданума. Лекарство нашлось у миссис Грин, она берегла его уже много лет и даже не соглашалась продать, чтобы купить еды, а теперь отдала его просто так.

Дома Ричарда уложили в постель и послали в Мидхерст за хирургом. Прибыв, он туго забинтовал руку и ключицу и похвалил повязку, сделанную Денчем. Ричарду он велел оставаться в постели по крайней мере неделю.

Эти дни мы провели с моим кузенком в мире и согласии. Некоторое время у него была лихорадка, и я сидела с ним, протирала его лоб губкой, смоченной в уксусе с водой, и читала ему вслух, чтобы развлечь его. На четвертый день ему стало лучше, и он смог спросить меня, что все-таки произошло. Я рассказала ему о миссис Грин, о Неде Смите, о решении Денча послать меня за людьми в деревню.

– Как же ты добралась до Экра? – поинтересовался Ричард.

Он лежал на спине такой бледный, что его веснушки казались пятнышками шоколада на белой коже, и не смотрел на меня.

– Верхом, – ответила я и тут же почувствовала, как мое сердце покатилося куда-то вниз.

Я испугалась, что скакала на лошади Ричарда без его разрешения. Я ничего не могла сказать о настроении Ричарда, поскольку он не поднимал на меня глаз и мне видны были только его темные ресницы.

– Денч велел мне взять Шехеразаду и скакать в деревню, пока он ищет тебя в лесу. Это был единственный выход, Ричард.

Он по-прежнему не поднимал глаз.

– Денч велел тебе взять мою лошадь, – тихо повторил он. – Но, Джулия... – тут он опять помолчал, – ты же не умеешь ездить верхом.

– Я знаю, – с нервным смехом ответила я. – Я знаю, что я не умею. Но Денч посадил меня в седло, и Шехеразада была такая милая! Это, должно быть, ты так хорошо вышколил ее. – Тут я бросила короткий взгляд на Ричарда. Его лицо оставалось по-прежнему непроницаемым. – Она сама нашла дорогу домой. Я просто сидела на ней. Это было не по-настоящему. Я не правила ею, как правишь ты.

– Не по-настоящему, – опять повторил он. – Она что, шла шагом?

– Не весь путь.

– Не весь путь. – Он повторял слова за мной так, будто записывал их в какую-то книгу. – Она не шла шагом весь путь. Значит, некоторое время она шла рысью?

– Да, – быстро ответила я. Слишком быстро. – Мы ведь торопились.

– Она шла рысью. Ты сидела на лошади правильно или болталась из стороны в сторону, ухватившись за гриву?

– Я правильно сидела, – обиделась я. – И я даже пустила ее галопом.

Тут Ричард поднял голову и взглянул на меня. Его глаза показались мне темными, как центр грозовой тучи.

– Ты взяла без разрешения мою лошадь и скакала на ней галопом?

– Ричард! – отчаянно воскликнула я. – Я должна была! Должна была это сделать! Денч велел мне! Он пошел искать тебя, а я должна была позвать людей из Экра и потом ехать домой, чтобы рассказать обо всем маме. Я просто не могла отказаться. Денч знал, что надо делать, и он приказал мне!

– Денч, говоришь ты? – спросил Ричард.

– Да.

– Тебе следовало отказаться. – И маленькая морщинка прорезала его лоб.

– Но я не знала, что делать. А Денч знал, Ричард, и я сделала так, как он приказал мне.

– Он никогда не любил меня, – процедил Ричард, откинувшись на подушку и уставившись на голую стену напротив. Он словно видел перед собой бесстрастное лицо Денча, когда тот наблюдал его первый урок верховой езды. – С того самого первого урока. И даже еще раньше. Он хотел, чтобы Шехеразада принадлежала тебе. И он воспользовался первым же предложением, чтобы усадить тебя на нее.

Я ничего не говорила, потому что знала: все это неправда. Хотя гнев Ричарда так и не разразился, ледяной холод внутри и подступившая к горлу тошнота пугали меня. Я сидела у окна, прижавшись щекой к прохладному стеклу, и мечтала убежать из этой душной комнаты, убежать от навалившегося на меня страха.

– Это вина Денча, – сказал он.

– Да. Да.

В эту минуту я думала только о себе. Ричард замолчал, и я тоже замерла.

Он повернулся ко мне, и я с облегчением увидела счастливое выражение в его глазах. Он улыбался мне, словно лучший из друзей.

– Не смотри так испуганно, Джулия, – сказал он, будто в этом было что-то забавное. – Я не сержусь на тебя больше. Сначала я думал, что это твоя вина. Теперь я вижу, что виноват был Денч.

Я улыбнулась в ответ.

– Но ты уверена, что он приказал тебе? Он действительно приказал тебе взять мою лошадь? Ты не хитришь со мной?

– Нет! Нет! – заторопилась я. – Это была его идея.

– Хорошо. – И он улыбнулся мне своей ангельской улыбкой.

Он протянул мне руку, и я благодарно сжала ее своими ледяными пальцами. Послушная его движению, я соскользнула на колени рядом с его кроватью, и он, положив руку на мое лицо, стал гладить мне щеку. Затем поцеловал мой лоб как раз там, откуда шла головная боль, и при этом прикосновении я почувствовала, что мой страх и напряжение оставляют меня и боль куда-то отодвигается.

– Сейчас тебе лучше, правда? – спросил Ричард.

– Да, – покорно согласилась я.

– Я ненавижу, когда мы ссоримся. – Его голос звучал тихо и печально. – Для меня нет ничего хуже мысли о том, что ты эгоистична и любишь только себя. Ты должна любить меня, как истинная леди, Джулия. Ты должна быть чистой и несебялюбивой.

Я сморгнула слезы.

– Но я стараюсь, я все время стараюсь, Ричард.

Он улыбнулся тепло и ласково.

– Я знаю. Так и должно быть.

Тогда я положила голову на его подушку и вдохнула сладкий ореховый запах его волос. Ричард не сердился больше на меня.

Между нами был мир.

ГЛАВА 3

Выздоровление Ричарда и после лихорадки и после перелома шло без всяких осложнений. Хирург, приехавший к нам еще раз из Мидхерста, заверил, что дела пошли на поправку и в его услугах больше нет нужды. Пока Ричард был прикован к постели, он вел себя довольно капризно, но, когда он впервые спустился к обеду, одетый в дедушкин шлафрок, он снова был прежним ласковым мальчиком. И я решила, что его гнев из-за Шехеразады утих, поскольку был вызван болезнью, болью и задетым самолюбием. Все-таки я скакала верхом на лошади, которая только что сбросила его.

Ободряясь этим, я продолжала свои визиты на конюшню с корочками хлеба для Шехеразады, хотя и не мечтала скакать на ней снова. Поэтому я неприветливо глянула на Денча, болтавшего со своим племянником во дворе нашей конюшни, когда он сказал мне, что знает, где продается недорого дамское седло.

– Мне не позволяют ездить на ней, – объяснила я. – Эта лошадь принадлежит Ричарду, а не мне.

– Но он не умеет на ней даже держаться, – сердито возразил Денч. – Он боится ее, да и лошадь не любит его.

Скажите ему, что вы будете скакать на ней, пока его рука не заживет. Джем научит вас ухаживать за лошадью.

Джем просиял и радостно кивнул.

– Она нуждается в тренировках. Лошади не любят, когда ими пренебрегают. Запертая в конюшне все время, она будет скучать и беспокоиться. Скажите об этом мастеру Ричарду. Он может следить за вашими прогулками, если ему так хочется.

Слова Денча звучали так, будто это я делала одолжение Ричарду, катаясь на его лошади.

– Я скажу маме, что Шехеразаде нужны тренировки, – нерешительно согласилась я, – но сомневаюсь, что мне позволят скакать на ней.

– Жаль, – коротко бросил Денч.

– Но вы должны уметь постоять за себя, мисс Джулия, – заговорил Джем. – Вы все-таки Лейси.

Я ничего не ответила.

– Хотите повести ее во фруктовый сад? – предложил Джем.

– О да! – воскликнула я, и Джем пошел в конюшню.

И сейчас же оттуда выбежала Шехеразада, Денч торопливо отступил с дороги, но я осталась стоять на месте. Тогда она, подойдя ко мне, остановилась рядом и стала обнюхивать перед моего платья, будто именно за тем и спешила. Я наклонилась и прижалась к ее прекрасной умной морде щекой.

В это мгновение я уловила какое-то движение в окне библиотеки и замерла. Ричард наблюдал за нами. Инстинктивно я отодвинулась от лошади и, пристыженная, помахала ему рукой. Не ответив, Ричард отошел от окна.

– Он видел меня, – слабо сказала я. – Я не поведу ее в сад, Джем. Сделайте это сами.

Джем разочарованно присвистнул сквозь зубы, и они с Денчем обменялись недовольными взглядами, но ничего не сказали.

– Мне надо идти.

Я отвернулась от них, от чудесной ласковой лошадки и побрела к дому.

Это был спокойный, обычный день, единственным волнующим моментом которого стала наша партия в пикет, когда я на пуговицы выиграла у Ричарда сто четырнадцать фунтов. Он объявил себя банкротом и смешал карты. Затем, искоса глянув на маму, обратился к ней с вопросом, который будто только что пришел ему в голову.

– Тетушка-мама, а что лорд Хаверинг собирается делать с Денчем?

– С Денчем? – повторила мама в удивлении. – А что с Денчем?

Ричард выглядел пораженным.

– Естественно, он должен быть наказан, – уверенно заявил он, – после того как он подверг жизнь Джулии такому ужасному риску.

Мама немного помолчала:

– Я действительно была несколько шокирована в тот день. Но когда он привез тебя домой, я почувствовала такое облегчение, что ничего не стала говорить ему. Все делалось в такой спешке.

– Я ожидал, что вы больше заботитесь о Джулии, – продолжал Ричард все еще удивленно. – Разве она не упала в обморок, когда вернулась домой?

– Д-да...

– А если бы это случилось, когда она скакала верхом? Она могла сломать себе шею, – прервал маму Ричард. – Денч не должен был сажать ее на Шехеразadu.

Она только что сбросила меня, а я все-таки учился и езжу верхом уже несколько месяцев.

Мама выглядела напуганной.

– Да, мне следовало подумать об этом, – виновато заговорила она и повернулась ко мне. – Но ты выглядела такой уверенной на лошади и скакала на ней так хорошо! Было совершенно очевидно, что ты полностью контролируешь ее. Я даже подумала, что ты каталась верхом по выгону, стоило только Ричарду отвернуться.

– Нет! – вскричала я. – Я никогда не делала этого! Денч велел мне сесть на нее, и я послушалась его.

– Он поступил неправильно, отправив Джулию одну верхом на опасной взрослой лошади, – вмешался Ричард. – К тому же сидя по-мужски... И через Экр...

Мама нахмурилась.

– Должна признать, что я отнеслась к этому несколько беспечно, – призналась она. – Но я была так рада, что вы оба дома и в безопасности... Ты прав, Ричард. Я поговорю с мамой об этом.

И она наклонилась перекусить нитку на шитье. Затем подняла глаза и улыбнулась Ричарду.

– Что за светлая головушка у тебя, Ричард! Ты оказался совершенно прав.

Я тоже улыбнулась, отдавая должное уму и сердцу Ричарда, и он просиял в ответ уверенной улыбкой взрослого мужчины.

Мы увидели леди Хаверинг на следующий день, когда она по дороге в Чичестер заехала к нам осведомиться, не нужно ли для нас что-нибудь купить. Я видела, что мама подошла к экипажу и долго и взволнованно говорила что-то в окошко, и знала, как будет недовольна леди Хаверинг. Я только надеялась, что Денча не ожидает ничего более страшного, чем многословные тирады лорда Хаверинга. А к ним он относился совершенно спокойно.

Но все обернулось намного хуже. Дедушки еще не было дома, и в его отсутствие всем заправляла леди Хаверинг. Она тут же отменила поездку в Чичестер, вернулась обратно в Холл и прямо во дворе рассчитала Денча, выдав ему недельное жалованье и отказав в рекомендациях. От него она не пожелала выслушать ни единого слова.

Он сложил свои вещи и оставил комнату над конюшней, в которой прожил двадцать лет. В тот же день он ушел в Экр к своему брату, жившему там в отчаянной бедности. После обеда – куска ржаного хлеба и тарелки жидкой каши – он пошел в Дауэр-хаус, куда совсем недавно привез в коляске Ричарда и где мама благословляла и благодарила его.

Страйда не было, и миссис Гау вошла в гостиную с сообщением, что Денч дожидается у заднего входа. Мама смотрела нерешительно.

– Надеюсь, он не пьян и не станет буянить, – озабоченно сказал Ричард.

Эти слова подействовали на маму, и она, подойдя к письменному столу, вынула завернутый в бумагу флорин.

– Скажите ему, что я сожалею о том, что произошло, – неловко произнесла она. – Но и не могу вмешиваться в чужие дела. Передайте ему это от моего имени.

– Я скажу ему, – агрессивно отвечала миссис Гау. – Как он смеет надоедать вам в вашем собственном доме!

Она вышла, и, хотя обитая войлоком дверь в кухню была плотно закрыта, мы слышали ее визгливый голос, поносивший Денча, а затем и его крик. Я взглянула на маму. Ее лицо было пепельного цвета, и я поняла, что она боится.

– Ничего страшного, мама, – успокоительно заговорила я. – У нашей миссис Гау острый язычок, а Денч не дал ей спуска. Не надо бояться.

– Он злой человек, – возразил мне Ричард. – Мне совсем не нравится, что он пришел сюда. Может быть, он станет настраивать против нас деревню. Лорд Хаверинг говорит, что там и так живут одни бунтовщики. А тут еще Денч станет подливать масла в огонь.

Кухонная дверь громко хлопнула, и я увидела, как вздрогнула мама. Но я думала лишь о Денче, который хотел только добра и теперь остался без работы. Сейчас, потеряв последнюю надежду, он бредет домой в Экр, глядя на носки прохудившихся ботинок. В этих ботинках ему даже не дойти до ярмарки, чтобы поискать работу.

Извинившись, я выскользнула из комнаты. Быстро накинув плащ, я отворила дверь и выбежала на улицу. Далеко впереди маячила спина Денча, и я даже на расстоянии видела, как понуро сгорблены его плечи. Я побежала за ним.

– Денч, мне так жаль! – воскликнула я. Заслышав мои шаги, он остановился. – Когда вернется дедушка, я поговорю с ним. Бабушка просто не поняла, что произошло, и вы же знаете, как она вечно боится за меня.

Денч кивнул.

– Не надо ничего говорить, – остановил он меня. – Я никогда не подверг бы вас ни малейшей опасности, и ваш дедушка знает это. Но ее милость права, я не должен был позволять вам ездить на лошади по-мужски. Я совсем не подумал об этом. Но черт меня побери, если я знал, что нужно было делать. – Тут он оборвал себя. – Когда его милость вернется, он найдет для меня место. Но это плохая награда за двадцать лет службы.

– Извините нас, – повторила я. – Это несправедливо.

– А, ладно. – И впервые в его обычно бесстрастном голосе прозвучала горечь. – Я знаю, кого мне нужно благодарить за это. Мне не стоило отправляться искать его, когда он свалился с лошади, тогда и не было бы всей этой чепухи. И моей сестре не пришлось бы кормить еще и меня, когда у нее полон дом своих голодных ртов... Да вы не поймете, мисс Джулия. Идите-ка лучше домой. Я ни в чем не виню вас.

Я взглянула ему прямо в глаза, повернулась и пошла к дому, к нашей гостиной, залитой светом свечей, и к беззаботной карточной игре.

Но я не забыла, что Шехеразаде нужны прогулки, и вечером того же дня, когда мы с Ричардом отправлялись спать, я остановила его на лестнице.

– Ричард, ты не станешь возражать, если я попрошу у мамы разрешения прогуливать Шехеразadu по выгону и, может быть, немножко в лесу или по дороге? Я не буду, конечно, на ней скакать, просто погуляю с ней. Джем сегодня утром сказал, что ее нужно тренировать все время, чтобы она была готова к тому времени, когда ты поправишься.

– Ты хочешь этого? – глухо спросил Ричард.

– Очень, – начала я, но тут же спохватилась. – Но только если ты не возражаешь.

– А ты хочешь научиться скакать по-настоящему? Как только моя рука заживет, я смогу учить тебя.

– О Ричард, это правда? – воскликнула я и, схватив его за руку, принялась трясти, не помня себя от счастья. – Я так мечтала об этом! Я знала, что ты разрешишь мне это! О Ричард, какой ты милый, милый со мной! Когда твоя рука совсем пройдет, может быть, дедушка найдет для меня пони и мы сможем кататься вместе каждый день! И будем устраивать скачки! И... О Ричард!.. Возможно, он возьмет нас на охоту. И мы станем знаменитыми всадниками-сорвиголова, как была твоя мама!

Ричард рассмеялся, но смех его звучал несколько натянуто.

– Конечно, конечно, – отвечал он. – Не будем же мы с тобой сидеть дома. Ох, оставь, пожалуйста, мою бедную руку. Не обнимай меня! Что ты делаешь?

Я отступила и исполнила небольшой танец на освещенном пяточке площадки.

– О Ричард! – снова и снова восклицала я. – Как я тебе благодарна!

– Ладно-ладно, я всегда знал, что ты хочешь ездить на ней.

– Ричард, ты лучше всех на свете, – продолжала в восторге тарыхтеть я.

Но тут мы услышали мамины шаги и разбежались по своим спальням.

Я едва смогла заснуть от волнения, и мой сон был легким. Что-то окончательно разбудило меня перед рассветом. Я подняла голову и услышала шаги у самой двери.

– Кто там? – спросила я громко.

– Ш-ш-ш. – И Ричард заглянул ко мне в спальню. – Это я. Кто-то бродил около конюшни, и я встал, чтобы выглянуть из окна библиотеки.

– И кто там был? – сквозь сон поинтересовалась я.

– Слишком темно на улице, и я ничего не разглядел, – ответил Ричард. – Я открыл окно и окликнул его, но он убежал. Не знаю, кто это мог быть.

– А что он мог делать около конюшни? – встревожилась я. – О Ричард, а лошади в порядке? Может, нам разбудить маму?

– Я видел, что их головы торчат в стойлах, – успокоил меня он. – Наверное, это был Денч. Во всяком случае, очень похож на него. Он, наверное, приходил к Джиму и убежал, услышав мой голос. Он знал, какой прием его ожидает тут после той сцены, которую он устроил вчера.

– А что нам делать?

Мне было так тепло и уютно в моей постельке. Раз с Шехераздой все было в порядке, больше меня ничего не беспокоило.

Ричард широко зевнул.

– Спать, я думаю, так как все спокойно. Если это действительно был Денч, то он уже убежал. Завтра утром я расскажу о нем тетушке-маме. Сейчас не стоит ее будить.

– И утром я буду кататься верхом, – пролепетала я в сонном оцепенении. – Ты выйдешь учить меня?

– Конечно выйду, – снисходительно ответил он. – Сразу после завтрака. А теперь спи, малышка Джулия.

И я немедленно провалилась в глубокий сон. Но беспокойство за Шехеразду рано подняло меня, и, едва вскочив с постели, я накинула на себя платье и сбежала по лестнице. Миссис Гау уже встала и готовила на кухне наш утренний шоколад. Я сказала, что сама приду за своей чашкой, но сначала проведу лошадей.

– Шехеразада, – тихонько позвала я у двери конюшни, но ее головы в стойле не увидела.

Я опять окликнула ее и ощутила легкое беспокойство оттого, что не вижу и не слышу ее. Тут мои глаза привыкли к темноте, и я увидела, что она лежит неподвижно на соломенной подстилке. В первую минуту я подумала, что бедняжка заболела, но тут же увидела кровь на соломе. Глупенькая Шехеразада поранила себя.

– О Шехеразада, – с испугом сказала я и вошла к ней в стойло.

Она засучила передними ногами, пытаясь приподняться, но задние ноги отказывались служить ей. Я поняла, что ей плохо. Вся соломенная подстилка была пропитана кровью и мочой и казалась красной, о, такой страшно красной в свете наступающего дня. Она, должно быть, истекала кровью всю прошедшую ночь. Прекрасный хвост яркого медного цвета весь слипся от засохшей крови. Когда она опять попыталась приподняться, я увидела ее раны. На обеих задних ногах виднелись ровные кровавые разрезы. Будто от ножа. Я дико оглянулась вокруг, ожидая увидеть что-то острое в ее стойле – забытый плуг или разломанное ведро, которые могли оставить такие раны. Но ничего не обнаружила. Было похоже, что ее поразили ножом.

Ее ранили ножом.

Кто-то вошел в конюшню и поранил ножом самую лучшую нашу лошадь, лошадь Ричарда, чтобы он никогда не мог скакать на ней.

Я не плакала, но меня сотрясала страшная дрожь.

Затем я поднялась и медленно-медленно, едва волоча ноги, пошла к дому. Кто-то должен сообщить ему эту весть. Я так сильно любила Ричарда, что не допускала и тени сомнения, что сделать это должна я сама. И никто, кроме меня.

Это совершил Денч.

Ричард так сразу и сказал: «Это сделал Денч».

Денч, который знал, что жизнь устроена несправедливо.

В моей голове не укладывалось, как мог так поступить с беззащитным животным человеком, проработавший всю жизнь с лошадьми. Но мама, чье лицо было бледным и каким-то опрокинутым, объяснила мне, что бедность заставляет людей совершать странные и жестокие поступки.

Он кружил возле конюшни прошлой ночью, как сказал Ричард. Он затаил в душе злобу против Хаверингов и против нас. Он проклинал нас в нашей собственной кухне. Даже я должна была признать, что он в самом деле злой человек.

Мама послала Джема к Неду Смитсу, и тот, осмотрев Шехеразиду, сказал, что сухожилия никогда не заживают и что она не сможет больше стоять на ногах. Она не сможет больше стоять на ногах.

– Лучше убить ее, ваша милость, – говорил он, неловко стоя в холле, его грязные ботинки оставляли мокрые следы на полу.

– Нет! – быстро крикнул Ричард. Слишком быстро. – Нет! Не убивайте ее! Я знаю, что она останется калекой, но только не убивайте ее!

Широкое темное лицо Неда было каменным, когда он повернулся к Ричарду.

– Она ни на что не годится, – жестко сказал он. – Это рабочее животное, а не комнатная собачонка. Если на ней нельзя скакать, то лучше убить ее сразу.

– Нет! – повторял Ричард, и в его голосе звучала паника. – Я не хочу этого. Это моя лошадь. И я имею право решать, будет ли она жить.

Мама покачала головой и, взяв Ричарда за здоровую руку, повела его из гостиной.

– Нед прав, Ричард, – увещающим тоном говорила она и, обернувшись, кивнула Неду. – Она не сможет жить калекой.

Ричарда увели, а я осталась в холле. Нед бросил на меня грустный взгляд.

– Я сожалею, мисс Джулия.

– Это не моя лошадь, – жалобно пробормотала я. – Я только один раз скакала на ней.

– Угу, но я знаю, что вы любили ее. Она была славной лошадкой.

И он, неловкий в своих огромных ботинках, пошел к двери, около которой оставил свой деревянный молот. Взяв его, он вошел в конюшню, где лежала Шехеразада, слабая, словно новорожденный жеребенок, и убил ее одним сильным ударом молота между доверчивых

карих глаз. Затем явились какие-то люди из Экра, погрузили ее неподвижное тело на телегу и увезли прочь.

– Что они сделают с ней?

Я стояла у окна гостиной и не могла заставить себя не смотреть на происходящее. Что-то говорило мне, что я должна видеть все это. И неподвижное тело на телеге, и нелепо задранные и растопыренные ноги.

Лицо мамы было угрюмым.

– Думаю, что они съедят ее, – с отвращением в голосе сказала она.

У меня вырвался крик ужаса, и я бросилась наверх, в свою комнату. Лучше было бы пойти к Ричарду, но я знала, что ему сейчас нужно побыть одному. Он оставался в библиотеке, сидя спиной к окну, которое выходило во двор конюшни, чтобы не видеть, как моет опустевшее стойло Джем.

В Экре никто ничего не знал о Денче.

Так сказал Нед, подойдя к задней двери помыть руки и получить плату за свой труд. Наверное, это доказывает его вину, подумала я. Нед рассказал миссис Гау, что Денч исчез сразу, как только услышал, что лошадь убита.

– Он понял, на кого падет вина, – объяснил он.

– Конечно, а кто другой мог сделать это? – тут же перешла в наступление миссис Гау. – У кого еще в графстве могла подняться рука убить лошадь бедного крошки? Это разбило его сердце. Где теперь он возьмет другую? Я понятия не имею. Он же не может быть джентльменом, не имея лошади, не так ли?

– Он не может быть джентльменом, потому что не умеет ездить на ней, – раздраженно буркнул Нед.

– А ну, вон из моей кухни, – закричала кухарка. – Убирайся обратно в Экр к остальным бандитам! Все вы там преступники и убийцы!

Нед повернулся с кривой улыбкой и пошел в деревню, которую мой дедушка называл деревней беззаконников и которая находилась всего в полумиле от нашего дома, затерявшегося в парке.

Дедушка Хаверинг громко выругался прямо при нас всех, когда мама рассказала ему эту историю. Затем он повернулся к Ричарду и торжественно пообещал ему новую лошадь. Совсем новую, его собственную лошадь.

Но Ричард был безутешен. Он улыбнулся и поблагодарил моего дедушку, но спокойно сказал, что он не хочет другой лошади. Ни за что на свете.

– Она не могла бы заменить мне Шехеразаду, – объяснил он.

Взрослые переглянулись и согласились с ним. Мое сердце опять заныло от тоски по милой лошадке. Единственная прогулка на ней оставила у меня ощущение счастья.

Но больше всего мне было жалко Ричарда, ведь это его лошадь, которую он так любил, погибла.

Дедушка поместил объявление в газете, предлагающее награду за поимку Денча. Нанести вред лошади лорда было серьезным преступлением, и его могли послать на каторгу либо, что вероятней, повесить. Но никто не сообщил сведений о нем, а его семья клялась, что понятия не имеет, где он.

– Так я им и поверил, – саркастически заметил дедушка. – И вообще, чем скорее вернется наш драгоценный доктор Мак-Эндрю, тем спокойней я буду спать. Никакой джентльмен не может вести счастливую жизнь, имея такую команду висельников под боком.

Мама кивнула, явно стыдясь за Экр. Я почувствовала, как ей неприятно, что дедушка так отзывается о нашей деревне в моем присутствии. Она хотела, чтобы я не знала о глубокой вражде между деревней и Лейси.

Но я не могла не знать об этом. Мама никогда не бывала в деревне. Она использовала каждую возможность съездить в собор в Чичестере, чтобы не ходить в нашу приходскую церковь в Экре. Ботинки для нас заказывали в Мидхерсте, в то время как сапожник в Экре сидел без работы. Наше белье отсылали в стирку в Левингтон. Все это было очень странно, хотя и объяснялось только той фразой Неда, что Беатрис когда-то сошла с ума.

Ричард знал о наших напряженных отношениях с деревней. И говорил об этом открыто.

– Они просто подонки. Грязные, как свиньи в хлеву. Они не хотят работать даже на собственных огородах. И все как на подбор браконьеры и воры. Когда я стану сквайром, я велю очистить от них землю, а саму деревню сотру с лица земли.

Я кивала, молчаливо соглашаясь с ним, но знала, что говорит в Ричарде только бравада. Он боялся. Ему было всего-навсего одиннадцать лет, и он имел повод для страха.

Деревенские дети преследовали его. Им, так же как и нам, было прекрасно известно, что деревня и Лейси – заклятые враги. А после того как сбежал Денч, дела пошли еще хуже. Они улюлюкали и свистели, когда он проходил мимо с книжками под мышкой. Они насмеялись над его старым пальто, над рванными и слишком тесными ботинками. А если они ничего больше не могли придумать, то кричали друг другу, что тут есть кое-кто, кто называет себя сквайром, а сам не может усидеть на лошади.

Ричард молча проходил мимо, и глаза его сверкали ненавистью, как у кота. Он видел, что их целая толпа, и понимал, что, если он схватится с одним из них, остальные тут же придут товарищу на выручку. А взрослые тем временем будут с удовольствием наблюдать, как зверски избивают сына Беатрис.

Обо всем этом я только догадывалась. Ричард был слишком горд, чтобы рассказывать об обидчиках. Однажды он, правда, признался, что ненавидит ходить через деревню. И я сама заметила, что, если день стоит погожий и, значит, все деревенские дети гуляют на улице, Ричард выходит пораньше, чтобы пройти через общественную землю и подойти к дому викария с другой стороны деревни.

Маме он никогда об этом не говорил. Только однажды спросил у нее, что такое «маменькин сыночек». Она в это время причесывалась, а Ричард сидел рядом, играя ее лентами. Я же, по обыкновению, примостилась у окна и наблюдала за игрой последних листьев на зимнем ветру. Но при вопросе Ричарда я повернулась и внимательно посмотрела на маму.

– А где ты слышал эту фразу, мой дорогой? – ровным голосом спросила она.

– Они кричали ее мне вслед сегодня, когда я проходил через деревню, – пожал плечами Ричард. – Но я не обращаю на них внимания. Я никогда не обращаю на них внимания.

Мама протянула руку и погладила его по щеке.

– Все еще наладится, – тихо проговорила она. – Когда вернется твой папа, все сразу наладится.

Ричард поймал ее руку и поцеловал с галантностью взрослого кавалера.

– Я совсем не против его отсутствия, мне очень нравится, как мы тут живем.

В тот раз я промолчала. Промолчала я и потом. Но когда он однажды пришел домой с разорванным воротником, я поняла, что дела совсем плохи.

Я не боялась Экра, как мама и Ричард, и решила помочь своему кузену. Я чувствовала себя в деревне как дома и знала, что это часть моей земли. К тому же я не забыла улыбку Неда и то, как миссис Грин пожертвовала для Ричарда драгоценным флаконом лауданума.

Этот флакон я и использовала в качестве предлога, сказав маме, что должна отнести его обратно, а потом я подожду у викария, пока не закончится урок Ричарда.

На эти слова мама отозвалась удивленным взглядом, а Ричард благодарной улыбкой.

– Ты пойдешь через Экр? – испытующе спросила она.

– Почему бы нет? – бодро ответила я. – Я только навещу миссис Грин, а потом посижу с домоправительницей викария. И мы вдвоем с Ричардом вернемся домой.

– Что ж, хорошо, – согласилась мама.

Целый мир сомнений стоял за этими словами. Может быть, мама не хотела, чтобы я тоже боялась Экра. Может быть, не совсем отдавая себе отчет в этом, она стремилась вернуть прежние времена, когда Лейси и Экр доверяли друг другу. Но она согласилась, и я побежала надевать пальто и шляпку.

Это было прошлогоднее зимнее пальто, и мама всегда хмурилась, когда видела его. Оно стало ужасно коротким и тесным под мышками и в спине. А рукава были такими кургузыми, что мои руки вечно краснели от холода и мерзли.

– Прошу прощения, я, кажется опять немного подросла, – стремясь обратить все в шутку, сказала я.

– Раста, я не возражаю, – подхватила мама, и ее лицо просветлело.

Затем мы с Ричардом вышли, и она помахала нам в окошко.

Как только мы приблизились к деревне, я почувствовала беспокойство Ричарда. Он боялся за нас обоих. Переложив связку книг в другую руку, он ухватил меня покрепче, и так, уцепившись друг за друга, мы и пошли по деревенской улице, где каждый коттедж смотрел на нас, словно не доверяя, темными окнами.

Слева от нас был дом сапожника, и он, как всегда, лениво сидел у окна. Дальше располагался дом тележного мастера, во дворе стоял тот фургон, на котором они увезли нашу Шехеразаду. Они голодали, но оставались здесь, потому что им некуда было идти. В чужом приходе они не имели бы прав на работу и потому вынуждены были оставаться в своих холодных домах у погасших очагов.

Следующей стояла кузница с давно потухшим очагом. Да и кто мог привести сюда лошадь, когда ни у кого не осталось и курицы. Пока мы шли по улице, я глазела по сторонам, осматривая каждый коттедж и удивляясь, что так много людей могут жить в заброшенной деревне. Из еды у них была только дичь из леса и кролики с общественной земли. Но они даже не могли засеять свои грядки, поскольку у них не было семян. К тому же деньги требовались на одежду и на инструменты. Я так задумалась, как люди могут жить без денег – ну просто совсем без денег, – что даже не заметила подстерегавшей нас опасности.

Это была небольшая группа оборванных подростков. Их было не очень много – примерно дюжина, – но для нас с Ричардом они представляли серьезную угрозу. Они преследовали нас, как стая голодных волков, и смотрели на книжки Ричарда и мое старое пальтишко как на предметы невообразимой роскоши.

Когда мы дошли до двери викария, Ричард тяжело дышал.

– Никуда не ходи, Джулия, – вполголоса бросил он мне, пока мы ожидали, чтобы нам открыли дверь. – Подожди здесь, пока у меня не закончится урок. Эти дети смотрели на тебя очень странно, они могут сказать тебе что-нибудь плохое.

Мои колени дрожали, но я улыбнулась ему.

– Это просто маленькие детишки, и я должна повидать миссис Грин. Я недолго. Если они будут грубы, я сразу убегу. Могу поспорить, что ни один из них не догонит меня.

Ричард согласно кивнул. Он знал, что я бегая как заяц и босоногим голодным ребятишкам за мной действительно не угнаться.

– Но я бы все-таки хотел, чтобы ты подождала меня здесь, – нерешительно сказал он.

– Нет, я пойду.

Тут дверь отворилась, и мы расстались. Он не поцеловал меня в щеку на глазах прислуги викария и ватаги ребят, но его пожатие было теплым и заботливым, и это много значило для меня. Один этот жест придал мне храбрости встретиться с мучителями Ричарда, и я пошла по тропинке к воротам.

Там я остановилась и взглянула на детей оценивающим взглядом. Я была выше большинства из них, кроме троих самых взрослых: двух мальчиков и девочки с косичкой. Их лица были замкнутыми и угрюмыми, но девочка смотрела на меня во все глаза. Она разглядывала мое старенькое пальтишко так, будто я была принцессой, одетой на бал. Засунув руки в карманы, я так же спокойно рассматривала ее. Затем, выждав, я отворила калитку и вышла на улицу.

Это удивило их. Они не ожидали, что я расстанусь с такой защитой, и пропустили меня вперед. Но затем пришли в себя и пошли за мной шаг в шаг. Когда мы свернули на тропинку, ведущую к новой мельнице, и молчание леса окружило нас, они осмелели и начали улюлюкать мне вслед. Затем я услышала голос старшей девочки:

– Джулия Лейси! Джулия Лейси! Госпожа без кареты, госпожа без кареты!

Я сжала зубы, но заставила себя идти тем же ровным шагом.

Тогда она запела громче:

– Джулия Лейси, Джулия Лейси! Госпожа без лошади, госпожа без лошади!

Напоминание о милой Шехеразаде вызвало новую вспышку гнева во мне, но я продолжала идти так, будто ничего не слышу.

Тогда она завела новую частушку:

– Джулия Лейси, Джулия Лейси! Госпожа без отца, госпожа без отца!

Конечно, мне было немного страшно. Так же, как было страшно Ричарду. Но я знала то, чего он при всем своем обаянии и уме не знал. Что с ними нужно встретиться лицом к лицу и даже сразиться, иначе мы никогда не сможем жить в мире с деревней. Ричард мечтал о том, как он плугом пройдет по этой земле и отомстит за свои обиды. Но я хотела другого: жить в мире с этими людьми, которые тут прожили так же долго, как моя семья.

Я не хотела стирать Экр с лица земли, я просто хотела мира. Вернется ли дядя Джон богатым или таким же бедным, как был, я хотела приходить в Экр без чувства вины. И не испытывать страха.

Я прошла мимо мельницы и в конце тропинки, где была глубокая яма от старого дуба, который приказала выкорчевать тетя Беатрис, остановилась и повернулась к подросткам лицом. Они чуть подались назад.

– Как твое имя? – спросила я у девочки, смотревшей на меня злыми черными глазами.

– Клари Денч, – с вызовом ответила она, и я поняла, что она племянница Денча.

– А твое? – спросила я у мальчика, стоявшего рядом.

– М... М... Мэтью Мерри, – ответил он, заикаясь.

Мне пришлось прикусить язычок, чтобы не рассмеяться. Это заикание было таким смешным и ребяческим в устах большого мальчика. И я перестала бояться его.

– А тебя как зовут? – обратилась я к другому мальчику.

– Тед Тайк. – И он мрачно посмотрел на меня, ожидая, скажет ли что-нибудь мне его имя.

И хоть я никогда не слышала его прежде, дрожь пробежала по моей спине. Когда-то в прошлом Лейси сильно обидели его семью. Я не знала, в чем было дело, но этот плотный крепыш явно отдавал себе отчет в том, что мы с ним заклятые враги.

– А я – Джулия Лейси, – объявила я, словно не слышала только что, как они тянули на все лады мое имя. Слово «мисс» я сознательно пропустила. – Вы недобры к моему кузену, – обвиняющим голосом сказала я. – Почему вы обижаете его?

– А он послал тебя заступиться за него? – усмехнулась старшая девочка.

– Нет, – спокойно ответила я, – он пошел заниматься, как он ходит каждый день. А я пришла сюда навестить миссис Грин. Но вы преследуете меня, и я решила поговорить с вами. Скажите, чего вы хотите?

– Мы ничего не хотим от Лейси, – со внезапным взрывом ненависти заговорил мальчик, назвавший себя Тедом Тайком. – И не надо разговаривать таким сладким голоском. Мы вас хорошо изучили.

Все остальные закивали, и я немного испугалась.

– Но я не сделала вам ничего плохого, – попыталась защититься я, и мой голос предательски дрогнул.

Моя слабость придала им уверенности, и они подошли ближе.

– Мы прекрасно знаем Лейси, – зло заговорила Клари. – Мы все знаем о вас. Вы отняли права несчастных жнецов. Вы не даете нам работу. Вы прислали солдат в деревню. А все женщины Лейси – ведьмы.

Она словно выплюнула это слово, и я увидела, как все дети, даже самый маленький, скрестили пальцы в знак защиты от нечистой силы.

– Но это неправда! – Я старалась говорить твердо. – Я совсем не ведьма, и Ричард тоже. Вы болтаете чепуху. У вас нет причины обижать нас. Вы просто лжецы.

При этих словах Клари прыгнула на меня и сильно ударила в грудь. От неожиданного толчка я потеряла равновесие и упала в яму. Маленькие дети от радости засвистели, а грязное лицо Клари просияло от злого восторга.

Я тоже рассвирепела и, как развернувшаяся пружина, бросилась на Клари. Она не ждала от меня такой стремительности, я сбила ее с ног, и мы покатались по земле, царапаясь и щипаясь. Я почувствовала, как ее пальцы впились мне в рот, и он наполнился кровью. Тогда я ухватила ее за косичку и дернула изо всех сил. Вскрикнув от боли, она отпрянула назад, и я оседлала ее, на мгновение удивившись, какая она худая.

– Сдаешься? – требовательно спросила я, незаметно для самой себя повторяя манеру Ричарда в наших полудружеских-полусерьезных потасовках.

– Угу, – ответила она, и я тут же вскочила и подала ей руку.

Она, не думая, приняла ее и, оказавшись на ногах, к собственному удивлению, поняла, что мы стоим, взявшись за руки, словно бы подтверждая какую-то сделку.

– Итак, вы не дразните больше Ричарда, – изложила я свое первое требование.

Клари улыбнулась медленной скупой улыбкой, обнажившей почерневшие гнилые зубы.

– Ладно. – И протяжный суссекский выговор напомнил мне Денча и его доброту ко мне. – Пусть живет.

Мы смущенно расцепили руки. Она указала на мой кровоточащий рот и сказала безразличным тоном:

– У тебя идет кровь.

– Да? – Я постаралась говорить так же безразлично.

– Пойдем к Фенни, – предложила она.

И мы все отправились в глубь леса умыться и заодно охладить наши разгоряченные головы. В этот раз я шла, окруженная не враждебной толпой, а как своя в их компании. Я поняла, что добилась не только безопасности Ричарда, но и завоевала себе друзей.

Там были трое детей Смита: плотный восьмилетний Гарри, его сестра Джилли и младший братишка, который изо всех сил семенил позади нас, чтобы не отстать. Все называли его Малыш. Ему было четыре года. Когда он родился, никто не ожидал, что он выживет, и не позаботился дать ему имя. Так он и остался без имени. Просто Малыш.

Но это неважно, сухо пояснила мне Клари. Следующую зиму он наверняка не переживет. Он кашляет кровью в точности как его мать, которая уже умерла. Она умерла вскоре после родов, дав ему жизнь, и ее долго не хоронили, ожидая, что он умрет тоже и их положат в один гроб. Но Малыш выкарабкался.

Я посмотрела на него. Его кожа была бледная, как снятое молоко. Почувствовав мой взгляд, он улыбнулся мне такой светлой и доброй улыбкой, что мне показалось, будто в его глазах зажглись маленькие свечки.

– Ты можешь называть меня Малыш, – разрешил он мне.

– Ты можешь называть меня Джулия, – предложила я.

Меня вдруг охватила такая безнадежность, что заболело сердце.

– А я – Джейн Картер, – сказала другая девочка. – У меня есть сестра Эмили. Есть и еще одна сестра, но она сидит дома с ребенком. Еще у нас есть два брата. Один из них дурачок.

Я кивнула, пытаясь справиться с этим потоком сведений.

– Они ушли воровать кроликов, – дерзко заявила она.

Все остальные обменялись при этом быстрыми взглядами, ожидая, как я отреагирую на эти слова.

– Надеюсь, им повезет, – искренно сказала я. – Чтобы прокормить шестерых, нужно много еды.

Джейн кивнула, подтверждая этот очевидный вывод.

– Мы также ворует фазанов, – добавила она. – И зайцев, и куропаток.

Это уже был открытый вызов.

– На здоровье, – сказала я. – Я правда хочу, чтобы вам повезло.

Они кивнули, будто бы я прошла какое-то испытание и выдержала его с честью. Двое маленьких детишек сапожника подошли ко мне и сунули свои холодные ручки в мои руки.

Клари и я взглянули на яркое солнце в вышине и, не сговариваясь, побежали по тропинке на вершину холма. Она бежала довольно быстро для такой худенькой девочки, и остальные дети скоро отстали от нас, остались только Мэтью Мерри и Тед Тайк. Я старалась сдерживать дыхание, чтобы они не заметили, что я задыхаюсь, но тут Клари начала отставать, и я поняла, что она тоже устала.

Тропинка была сплошь усеяна камнями, и если мне было трудно бежать в моих прохудившихся башмаках, то каково было им босиком. Когда мы добежали до вершины, я уже еле дышала, неудобное пальто немилосердно жало мне под мышками и давило шею. Но я была первой.

– О-о-отлично бегаешь, – едва выговорил Мэтью, присоединившись ко мне.

– Мой кузен Ричард бежит еще быстрее, – сказала я и свалилась на землю, чтобы отдышаться, пока мы ждали Клари и всех остальных.

Мэтью сплюнул на землю.

– Мы н-н-не любим его.

Я хотела тут же ринуться на защиту Ричарда, но что-то подсказало мне, что лучше промолчать и сохранить мир в едва возникшей дружбе.

– Он очень хороший. Он мой лучший друг.

Мэтью кивнул.

– А наших лучших друзей уже нет в Экре.

– Почему? – непонимающе переспросила я.

Добежавшая Клари рухнула на землю рядом со мной, и рядом плюхнулся Тед. Девочка перекатилась на спину и уставилась в безоблачное зимнее небо.

– Они умерли, – холодно объяснила она. – Прошлой зимой умерла моя лучшая подруга Рейчел. Она долго болела.

– И мой друг Майк, – добавил Тед.

– И моя подруга, только я забыл, как ее звали, – вставил Мэтью.

– Салли, – сказала Клари. – Но она умерла не здесь. Приходский надзиратель увез всех детей, которых отобрал для работ в мастерских. Вот почему мы теперь самые старшие в Экре.

– Я слышала об этом, – кивнула я. – Но я не поняла, как это произошло. Куда их забрали?

Тед смотрел на меня, будто я была полной невеждой.

– На север. Даже дальше, чем Лондон. Там нужны дети для работы на огромных машинах, и приходский надзиратель пришел и отобрал самых крепких и здоровых ребят. Никто из них не вернулся, но мы слышали, что Салли умерла.

Я чуть было не сказала: «Как жаль», но поняла, что для настоящего горя пустые слова ничего не значат.

– Н-н-н-но меня они не забрали, – с гордостью сказал Мэтью.

Клари улыбнулась ему с почти материнской гордостью.

– Они подумали, что Мэтью дурачок, – объяснила она. – Когда он боится, он заикается еще больше, а они начали задавать ему вопросы громкими голосами, и он вообще не смог ничего ответить. И они оставили его здесь.

– С-с-с тобой. – Слова Мэтью сопровождал полный обожания взгляд.

– Да, я присматриваю за ним. И за всеми малышами тоже.

– Ты здесь прямо как сквайр, – улыбнулась я.

Тед сплюнул на землю так же грубо, как Мэтью.

– Никаких сквайров нам не надо, – сказал он. – Лейси не любили наших. И сквайры ни о ком никогда не заботятся.

– Почему ты так говоришь? – покачала головой я. – Ведь раньше, когда Лейси были богаты, все шло хорошо. Когда были живы мой папа и Беатрис. Только после пожара и их смерти все изменилось к худшему.

Стоило мне упомянуть имя Беатрис, и я увидела, как их пальцы сами складываются в старинное заклятие от нечистой силы. Я схватила Клари за руку.

– Зачем вы это делаете?

– Разве ты не знаешь? – изумленно спросила она.

– Что я должна знать?

– Не знаешь о колдовстве Лейси? И о Беатрис? – Это имя она произнесла шепотом.

– Что за ерунда... – начала я, но, оглянувшись вокруг и увидев внимательные лица, почувствовала, как по моей спине пробежал холодок.

– Беатрис была ведьма. – Клари говорила очень тихо. – Она знала, как заставить землю плодоносить, как заговорить погоду. Она могла вызывать бурю. Она могла насылать проклятия на деревья, и они падали как подкошенные. Каждую весну она брала одного юношу в мужа и каждую осень убивала его.

– Но это не так... – попыталась возразить я, но магия ее голоса подействовала и на меня.

– Это так, – настойчиво повторила Клари. – Один из тех, кого она взяла, был Джон Тайк.

– Мой дядя, – вставил Тед.

– И где он сейчас? – продолжала Клари. – Его нет.

– А Сэм Фростерли? Или Нед Хантер? Спроси про них в Экре – и увидишь, что тебе скажут. Всех их убила Беатрис.

Я была слишком поражена, чтобы отвечать.

– Но самый первый юноша, которого она взяла себе в мужа, когда была совсем еще девушкой, оказался не обычным человеком. Его мать была цыганкой, а отец – один из старых богов. Его даже никто не видел в человеческом облике. И ей не удалось погубить его. Он вернулся в другой мир и выждал, пока она забудет про него. И тогда он пришел за ней.

– Как? – спросила я пересохшими губами.

Я понимала, что это всего лишь сказка, из тех, что рассказывают долгими зимними вечерами, но я должна была дослушать ее до конца.

– Он явился в своем настоящем облике получеловека-полуконя. – Голос Клари был едва слышен. – И каждый его шаг вызывал огонь. Он проскакал по деревянным ступеням Вайдкр-холла, и там начался пожар. Он настиг Беатрис, схватил ее, перебросил через плечо и умчался с ней в другой мир. А дом весь сгорел. И земля перестала рожать.

Дети сидели притихшие, хотя они слышали эту историю не в первый раз. У меня слегка закружилась голова.

– Это все? – спросила я Клари.

Она покачала головой.

– Они оставили наследника. Этот ребенок должен унаследовать их могущество. Он заставит землю вновь плодоносить. Это будет избранное дитя.

– Кто же им будет? – Я и вправду забыла, что являюсь в некотором роде действующим лицом этой сказки.

– Мы не знаем. Все мы должны ожидать знамения. Это может быть твой кузен Ричард, а может быть, это ты. Ричард сын Беатрис. Но ты похожа на нее, и ты дочь сквайра Лейси. Да и Нед Смит сказал, что лошадь признала тебя.

Я покачала головой. Только теперь я заметила, что сильно похолодало и земля, на которой я сижу, совсем сырая.

– Все это чепуха, – упрямо повторила я.

Я ожидала взрыва негодования от Клари, но она лишь опустила глаза.

– Ты сама знаешь, что это правда.

И замолчала.

Я поднялась на ноги.

– Мне нужно идти.

– Домой обедать? – Клари тоже вернулась в привычный мир.

– Да, – ответила я, вспомнив о двух-трех блюдах, полагавшихся к обеду, а потом еще о пудинге и сыре.

– А что вы едите? – с тоской спросил Мэтью.

– Ничего особенного, обычную пищу.

– Вы пьете чай? – грустно поинтересовался Малыш.

– Да, – ответила я, не понимая причины этой грусти. – А вы что, нет?

– Нет, мы пьем только воду.

– И вы едите мясо? – спросила одна из дочек тележника.

– Да.

Внезапно мне стало стыдно, что всего в двух милях от нас живут вечно голодные люди. Я знала, что в Экре живут плохо, но не подозревала, что они голодают годами. Я не понимала, что эти дети никогда не испытывали чувства сытости и всегда хотели есть. Если я мечтала о садах и скачках, о балах и нарядах, то они мечтали только о еде.

Я повернулась и медленно направилась к деревне, следом стали подниматься на ноги Клари, Мэтью и другие. Клари догнала меня, и мы пошли рядом, словно старые друзья.

– До свидания, – сказала я, когда мы дошли до угла улицы.

– У доктора Пирса в саду есть яблоки, – вдруг произнесла она.

– Я видела, – кивнула я.

Она выжидающе смотрела на меня.

– Они еще на деревьях, он их не все собрал.

Я не понимала, к чему она клонит. Да, летние яблоки все еще висят на дереве, сморщенные и совсем невкусные.

Тут выступил вперед Малыш и сунул свою худенькую ручку в мою.

– Я все время смотрю на них, – протянул он своим тоненьким голоском. – Они мне так нравятся.

– Если бы мы посадили тебя на стену, – продолжала Клари, – ты могла бы стряхнуть их для нас... А потом пробежишь через сад и выйдешь, как обычно, через калитку.

– А почему ты сама этого не делаешь? – спросила я.

– Потому что если меня поймают, то сразу повесят, – с жестокой откровенностью объяснила Клари. – А если поймают тебя, то это даже не будет считаться воровством.

Я все-таки колебалась.

– Джулия не сделает этого, – заявил Тед. Ненависть ко мне, ко всем сквайрам делала его голос злым. – Она пришла, чтобы заступиться за своего кузена, а не для того, чтобы подружиться с нами.

– Нет, я полезу, – решительно возразила я.

– Ты перелезешь через стенку и украдешь яблоки викария? – недоверчиво переспросил он.

– Да, украду, – вызывающе подтвердила я.

Лицо Теда вытянулось от удивления. Мы все рассмеялись и гурьбой отправились к саду. Тед и Мэтью сцепили руки, а Клари помогла мне забраться на них. Выпрямившись, я ухватила за верх стены и немного подтянулась. И под самым своим носом неожиданно увидела самого доктора Пирса. Он стоял у стены и изумленно смотрел на меня.

– Мисс Лейси? – Он явно не верил своим глазам. – Что вы тут делаете?

Я растерялась и молча постаралась быстрее ретироваться.

– Мэтью, Тед, ловите меня, – прошипела я сдавленным голосом и сверзилась вниз.

Я свалилась прямо на ребят, они тоже попадали в разные стороны, и мы принялись смеяться. Я хохотала до того, что уже не могла остановиться.

– Что ты там увидела? – нетерпеливо спрашивала Клари, заранее улыбаясь.

– Там стоял сам доктор Пирс, – едва выговорила я. – Прямо у стены. Он посмотрел вверх... и сказал: «Мисс Лейси! Что вы тут делаете?»

Клари прямо покатила со смеху. Ей даже пришлось сесть на землю. Мы все продолжали хохотать, даже маленькие ребятишки, явно не понимавшие, в чем дело.

– Мне... надо... идти... – наконец выговорила я. – Только теперь к калитке.

Эти слова вызвали новый приступ смеха, и мы повалились друг на друга, как пьянчужки.

– Пожалуйста, не ходите со мной, – попросила я, утирая слезы, выступившие от смеха. – Мне надо немного успокоиться.

– Приходи к нам опять, – произнесла Клари, все еще улыбаясь. По ее грязному личику пролегли полосы, она тоже дохохоталась до слез. – Мы принимаем тебя в свою банду, из тебя выйдет отличный воришка, Джулия Лейси.

Я кивнула им на прощание и, открыв калитку, пошла по тропинке к опрятному домику викария. На полдороге я остановилась и набрала в грудь побольше воздуха, чтобы перестать смеяться. Я не знала толком, что за человек доктор Пирс, и не предполагала, что меня могут ожидать неприятности.

На мой стук дверь приоткрылась. Увидев меня, домоправительница гостеприимно распахнула ее. И я ступила в тот мир, к которому принадлежала.

Навстречу мне вышел доктор Пирс и приветливо кивнул, словно видел меня сегодня впервые.

– Добрый день, мисс Лейси. Пришли за вашим братиком? Как раз вовремя. Мы только что закончили занятия.

Я непонимающе уставилась на него, но тут же поняла, в чем дело. Доктор Пирс был человеком, избегающим в жизни неприятностей. Если он мог не замечать их, то он предпочитал так и делать. Его действительно не интересовало, зачем я пыталась забраться на стену его сада и что означали взрывы смеха, доносившиеся с другой стороны.

– День добрый, мистер Пирс, – вежливо присела я.

Из дверей библиотеки появился Ричард, быстро оделся, мы попрощались с викарием и пошли домой.

Дети уже разбежались по домам, погода изменилась, солнечное утро превратилось в пасмурный ветреный день. И мы с Ричардом, не сговариваясь, припустили в Дауэр-хаус.

– Ты повидалась с миссис Грин? – спросил он меня на бегу.

– Нет, – ответила я с одышкой, так как очень устала после беспокойного и радостного утра.

– Почему? – требовательно спросил Ричард.

Как только я появилась на пороге дома доктора Пирса, он сразу заметил и царапины на моем лице, и растрепавшиеся волосы. И конечно, догадался, что произошло нечто необычное. Но спросить меня прямо не захотел.

– Я все расскажу тебе позже, – ответила я.

Мне нужно было обдумать, что рассказать Ричарду, а о чем стоит умолчать. Подспудно я чувствовала, что не надо пересказывать ему истории, которые сочиняли в деревне про его маму, это могло бы расстроить его. И сама не знаю почему, но я не хотела передавать ему ту сказку об избранном ребенке, которую ребята сложили о нас с ним. О том, кто будет истинным наследником.

Ричард уловил колебание в моем голосе и резко остановился. Схватив за руку, он с силой повернул меня лицом к себе и заглянул мне в глаза.

– Рассказывай сейчас же, – приказал он.

Я услышала грозные нотки в его голосе и беспрекословно подчинилась. Стоя под дождем, я рассказала Ричарду обо всех событиях сегодняшнего утра, о прогулке в лес и драке с Клари. Я передала ему каждое слово, сказанное ребятами, но умолчала обо всем, что было связано с Беатрис. Я также не упомянула о том, что, победив Клари, поставила условие, чтобы Ричарда оставили в покое. И о том, как Мэтью презрительно сплюнул, услышав его имя. И о том, как я собиралась стянуть яблоки.

Ричард выслушал меня внимательно и не перебивая, хотя дождь поливал его кудрявую голову так же немилосердно, как и мою, отчего он стал еще больше, чем обычно, похож на падшего ангела.

– Хорошо, Джулия! – тепло улыбнулся он, когда я закончила свой рассказ. – Ты храбрая девочка. Я рад, что ты больше не боишься Экра и сможешь всегда ходить со мной в деревню.

Я просияла от его похвалы.

– Я, конечно, не стал бы обращать внимание на их выходки, но хорошо, что ты теперь будешь чувствовать себя спокойно.

С этими словами он ухватил меня за руку, и мы побежали дальше. Я хотела было возразить ему, сказать, что это он боялся, что я подралась с ребятами из-за него, но что-то удержало меня. Я вспомнила слова бабушки о том, что воспитанные люди всегда должны держаться в тени и вести себя скромно, и промолчала. В моей душе царили мир и спокойная гордость за себя. Дождь продолжал поливать нас всю обратную дорогу, и когда мы ворвались на кухню, мокрые с ног до головы и в грязной обуви, то схлопотали нагоняй от разгневанной миссис Гау за то, что наследили на ее безукоризненно чистом полу.

ГЛАВА 4

Таким было начало нашей дружбы с Клари Денч. Знакомство с ней излечило меня от суетных стараний стать юной совершенной леди. Не потому, что Клари разоблачила передо мной пустоту этого желания, но лишь потому, что в дружбе с ней я нашла убежище и спасение от догматов моей мамы и от моих намерений быть безупречной дочерью в настоящем и такой же безупречной женой в будущем.

С Клари я могла быть самой собой. Мне нравилось ее полное равнодушие к различиям в нашем образе жизни, равнодушие к нашей первой драке и ко всем последующим стычкам. Мы находили огромное удовольствие в общении друг с другом и не задавались вопросом, почему это так. Было чрезвычайно приятно выходить по утрам из дому вместе с Ричардом и, придя в деревню, оставлять его заниматься с викарием, а самой бежать к Клари и проводить два-три великолепных часа в ее компании.

Мы часто спускались к Фенни, и, когда мы проходили мимо мельницы, старая миссис Грин теперь встречала меня улыбкой. Иногда мне удавалось принести с нашей кухни щепотку чая, и она заваривала нам чудесный горячий напиток, а потом даже пыталась предсказать нашу судьбу по чайным листьям. Это делалось, конечно, в шутку, я не думаю, что она умела ворожить по-настоящему. Скорее, она копировала манеры цыган, которые каждую зиму разбивали табор на общественной земле и обязательно наведывались в деревню, предлагая на продажу вырезанные из дерева цветы и самодельные игрушки.

Если погода была теплой, мы срывали с себя одежду и бросались в реку. Ни одна из нас не умела толком плавать, но если Клари придерживала мой подбородок над водой, то мне удавалось проплыть несколько ярдов, отчаянно фыркая и оглашая округу далеко не изысканным хохотом.

У Клари дела с плаванием обстояли несколько лучше. Уже через неделю после наших первых занятий она могла переплыть Фенни, а вскоре научилась плавать под водой.

– Я, должно быть, родилась с жабрами, – сказала она как-то со смехом, – мне кажется, я никогда не утону.

Хотя в это время я грелась на солнцепеке, при этих словах меня охватила странная дрожь, мне показалось, что какая-то огромная тень загородила солнце, и мурашки побежали у меня по коже.

– Что с тобой? – спросила Клари, стоя по пояс в воде. – У тебя сейчас такое странное и испуганное лицо.

– Ничего, – торопливо пробормотала я. Перед моими глазами вдруг возник образ утонувшей Клари, будто она лежит глубоко под водой и волны шевелят ее распущенные волосы. – Ффф, какая ужасная картина мне представилась. Клари, Клари, выходи скорей из воды.

– Выхожу, выхожу, – успокоила она меня и, выбравшись на берег, улеглась рядом со мной.

– Пообещай мне одну вещь, – серьезно обратилась я к ней. В моих глазах все еще стояла та страшная картина. – Пообещай, что ты никогда не станешь плавать одна.

– Почему, Джулия? – Моя подруга повернулась ко мне и оперлась на локоть. – Почему ты так странно смотришь на меня? – Но, увидев выражение моего лица, тут же закричала: – Хорошо, хорошо, обещаю. Но мне хотелось бы знать почему.

– Я видела... – начала я, но тут напряжение оставило меня, и страшную картину будто смыло из моей памяти. – Мне показалось, будто я что-то увидела.

– Это предвидение, – важно произнесла Клари. – Один раз я слышала, как моя мама разговаривала с миссис Грин о тебе и Ричарде. Они сказали, что тот из вас, кто будет насто-

ящим наследником, и будет обладать даром предвидения. Этот дар снизойдет на него, когда он вырастет.

– Настоящим наследником будет Ричард, – заявила я и, перекатившись на живот, сорвала и принялась жевать травинку.

Ее сок был сладким, как нектар.

– В деревне говорят, что это будешь ты, – сказала Клари. – Потому что ты просто копия Беатрис, когда она была девочкой и приезжала сюда со своим отцом. Ты ужасно похожа на нее.

Я села и стала натягивать платье.

– Нет, – твердо проговорила я, пытаясь застегнуть пуговицы. – Я не хочу этого, даже если мне подадут на тарелочке богатое наследство. Ричард – сын Беатрис, вот пусть он и хозяйничает в Вайдекр-холле. Ричард будет сквайром, а я – его леди. Я выйду за него замуж. Вот как я себе представляю наше будущее.

– А-а, – протянула Клари и медленно улыбнулась. – Скажи, Джулия, а вы уже целовались?

– Нет, по-настоящему нет, – ответила я. – Думаю, что у знатных людей все происходит иначе, Клари. Он мне просто как брат. Иногда мы очень дружны с ним, иногда ненавидим друг друга. Но это совсем не так, как в книжках.

– Тогда жизнь знатных не для меня, – разочарованно заявила Клари. – Мы с Мэтью вечно ходим, держась за руки, и постоянно целуемся. И мы всем рассказали о нашей помолвке и даже вырезали наши имена на дереве. Но он такой слабенький. – В ее голосе прозвучала заботливость взрослой женщины. – Я бы так хотела, чтобы в деревне было много денег. Я боюсь за него. Всю прошлую зиму он сильно кашлял, и его бабушка сказала, что она вряд ли вылечит его.

– Но может, он найдет работу полегче? – попыталась я утешить подругу. – Ты говоришь, что он очень умный. Вдруг он станет клерком в Мидхерсте! Или даже в Чичестере! Я бы хотела, чтобы ты жила в красивом городском доме, Клари.

Мы обе рассмеялись, но Клари покачала головой:

– Я ни за что не брошу Вайдекр. Но мой Мэтью и вправду очень умный и мог бы стать даже клерком. Когда мы были еще маленькими, он сам научился читать и всегда читал своим неграмотным соседям и писал для них письма. Еще он умеет сочинять стихи, и они такие же прекрасные, как в книгах.

Я охотно согласилась с ней и повернулась, чтобы Клари наконец застегнула мне платье. Подходило время моего визита к викарию, и мне следовало выглядеть более или менее прилично.

Клари была очень наивна. Я посмеялась над тем, как простодушно она поверила, что я истинная наследница и обладаю даром предвидения. Но легенда о хозяйке Вайдекра и взгляды, которыми смотрели на меня в деревне, сопровождали меня все мое детство, пока я росла и старалась быть самой обычной девочкой. Все эти годы меня не оставляла мысль о Беатрис и о боге тьмы, который явился за ней.

Я старалась выбросить из головы эту историю, не сомневаясь, что это всего лишь значительно приукрашенный народной фантазией рассказ о пожаре в Вайдекр-холле. Но легенда словно притягивала меня. Я не могла не верить словам о старом мудром божестве, которое единственное могло справиться с Беатрис.

С Беатрис, которая была прекрасной и жестокой богиней-разрушительницей. Эти образы не имели ничего общего с мамиными рассказами о тех днях, когда Гарри и Беатрис – брат и сестра – работали на земле в гармоничном союзе. Я приказывала себе забыть легенду, но образ лошади, оставляющей пламенеющие следы на полу террасы, вставал в моих снах каждую ночь.

Именно тогда я впервые увидела совсем новый, необычный сон.

Раньше я видела во сне только себя, хоть и надеялась, что наяву ничего из того, что мне снилось, со мной не случится. Но в этот раз героиня моего сна не была мной. Я чувствовала, что смотрю ее глазами, но это была посторонняя женщина.

Впервые я увидела этот сон вскоре после того, как Клари рассказала мне легенду. Но затем я видела его снова и снова, и каждый раз все ярче и ярче становились его цвета, все громче и отчетливей звуки. С каждым разом мое сердце билось чуточку быстрее от ужаса и восторга. И однажды, накануне моего шестнадцатилетия, я увидела мой сон так ясно и отчетливо, что это почти граничило с явью.

Во сне я шла по пустому дому. Большому, прекрасному дому. Мне он был совершенно незнаком, но, несмотря на это, я ощущала его самым родным, драгоценным местом в мире. Он, без сомнения, принадлежал знатным людям, жившим на богатой, плодородной земле. Но сейчас в нем царил безмолвие, и единственным звуком, нарушавшим глубокую тишину, были мои собственные шаги.

Я переходила из комнаты в комнату, как привидение, даже как тень привидения. И смотрела на все вокруг немигающим кошачьим взором, словно стараясь запомнить каждый дюйм моего возлюбленного дома и не надеясь когда-нибудь увидеть его снова. Каждая мелочь впечатывалась в мое сознание, будто я готовилась отправиться в изгнание.

Все было тихо, но это молчание на самом деле было наполнено голосами давно ушедших людей, только я не могла понять, кто они такие. В воздухе было эхо горьких слов и обидных упреков, иногда слышался хлопок закрываемой двери. И вот весь дом снова стоял пустой. Он принадлежал мне.

Проходя из комнаты в комнату, я притрагивалась к вещам, осторожно, как жрица в храме. Вот мои пальцы погладили резные перила на полукруглой лестнице, сладко пахшей воском и деревом. Чуть поодаль стояло в золоченой раме зеркало, и я повернулась, чтобы взглянуть в него. Но в темном старинном стекле возникло чужое отражение.

Это было лицо незнакомки, женщины, которую я прежде никогда не встречала. И несмотря на это, мне были знакомы рыжевато-каштановые волосы, и раскосые зеленые глаза, и странная полусумасшедшая улыбка. Я долго глядела на отражение незнакомки и потом с тайной удовлетворенной улыбкой опустила глаза.

Далее я увидела огромный, махагонового дерева стол. Положив на его холодную полированную поверхность ладони, я почувствовала, как дерево согревается от моего живого тепла. В центре стола стояла красивая серебряная ваза с увядшими чайными розами. Едва я коснулась цветка пальцем, как лепестки осыпались на стол, словно хлопья снега. Вдруг послышался голос – он напоминал голос моей мамы, но я никогда не слышала от нее такого тона. Он произнес: «Ты разрушительница, Беатрис» – с выражением глубочайшего презрения.

В стороне на полу стояла огромная китайская ваза, наполненная сухими розовыми лепестками и заостренными зернышками лаванды. Наклонившись, я зачерпнула ладонью горсть лепестков и понюхала их. Затем опустила руку, и они просыпались на пол. Это было не важно. Скоро все это не будет иметь никакого значения.

Вдалеке давно уже слышался шум бури, теперь она перевалила через округлые спины холмов и подступила к нашим лесам. Я подумала о двух детях, маленькой девочке и мальшечке, которых увозят в страшной спешке из этого дома, а дождь барабанит по крыше кареты, и лошади в страхе ржут и задирают головы. Я знала, что они будут в безопасности. Плоть от плоти моей, кость от моей кости. Они унаследуют Вайдекр, и один из них сумеет совершить то, что не удалось мне. Он научится слышать биение великого сердца Вайдекра. Он овладеет магией земли. Это будет избранное дитя.

Тисненные обои мягко подались под моими пальцами. Бархатные драпировки на окнах были шелковистыми и нежными, как шерсть новорожденного тельца. Я прижалась лбом к толстому стеклу окна и улыбнулась.

В доме царствовала тишина. Я слышала, как в гостиной часы тонко и мелодично вели свою песню: тик... тик... тик... А в холле старинные дедушкины часы басовито поддакивали: ток... ток... ток... Теперь я услышала еще один новый звук. И я насторожилась, как крыса в норе.

Это был топот ног, многочисленных босых ног, бегущих к дому. Я так и думала, что услышу его. Я ждала этого. Я знала этот сон и знала, что случится потом. И я ничего не могла предотвратить. Для меня не было спасения. То, что ждало меня, было моей судьбой, жестокой, но справедливой. Поскольку я была Беатрис. Беатрис Лейси из Вайдекра, женщиной с дикой улыбкой на искривленных губах, напряженно всматривающейся в темноту. Я осталась одна в доме, ожидая людей, которых приведет получеловек-полубожеество, скачущий на огромном вороном коне, оставляющем пылающие следы. Он заберет меня с собой в другой, таинственный мир.

Я в ужасе проснулась и непонимающе огляделась вокруг. Сон оставил после себя чувство странного удовлетворения. Та женщина, Беатрис, была довольна, потому что хотя окружающая жизнь гибла, но гибла по ее воле. Постепенно я пришла в себя, я не была больше медноволосой красавицей, я была просто Джулией Лейси в ветхой ночной рубашке, лежащей в знакомой холодной комнате.

Тогда я успокоилась и удобней устроилась в постели. Сон ускользнул от меня, а вместе с ним и богатство красок и восторг ощущений. Это был сон и ничего, кроме сна. Но он оставил по себе тоску и странную неудовлетворенность моей покорностью Ричарду и маминым догмам. Женщина по имени Беатрис никогда бы не позволила запереть себя в четырех стенах, она забрала бы себе Шехеразаду и скакала на ней каждый день. Она не стала бы наблюдать, как ее собственность пропадет втуне, она взяла бы займы денег и начала работать. И ее опыт и уверенность в своих силах сотворили бы чудо.

Я вздохнула. Я была другой. Я была слишком спокойной и податливой, мне даже в голову не приходило ослушаться маму. И я слишком всерьез воспринимала нашу детскую помолвку с Ричардом, чтобы позволить себе независимость в решениях.

Но тут я вспомнила, какой сегодня день, и забыла все свое недовольство. Я мигом прыгнула с кровати и подбежала к окну посмотреть, что там за погода. Затем я уселась, завернувшись в шаль, и стала ждать свою порцию утреннего шоколада и то, что за этим следует.

Я предвидела некоторые перемены в своей жизни. После завтрака мама вошла ко мне в комнату, неся свои черепаховые гребни и коробочку со шпильками. Усадив меня перед зеркалом, она стала расчесывать копну моих русых кудрей. А я размышляла о том, что теперь мои платья станут чуточку длиннее и я превращусь в настоящую молодую леди. Насколько это, конечно, будет соответствовать нашим возможностям: без денег, без лондонского сезона, без балов.

Ричард нетерпеливо забарабанил в дверь.

— Можно мне посмотреть?

— Конечно нет, — смешливым голосом ответила мама. — Ты должен терпеливо сидеть в гостиной и в почтительном молчании ожидать нашего выхода.

— Я не хочу, чтобы Джулия выглядела по-новому, — требовательным тоном сказал он.

— Но она должна выглядеть как леди, а не как сорванец, — твердо объявила мама. — А теперь уходи-ка отсюда, Ричард.

Услышав медленные шаги по лестнице, мы с мамой встретились в зеркале глазами и улыбнулись друг другу.

– К сожалению, я не смогу причесать тебя как положено, – сказала мама, словно извиняясь. – Но парикмахеры все очень дорогие. Я бы так хотела, чтобы у тебя был свой первый бал и торжество, но на это не приходится рассчитывать. Так что давай будем рассматривать сегодняшнюю вечеринку у нас в доме как торжественный выезд.

Я кивнула, совершенно не огорченная. Меня больше занимало то, что я видела в зеркале перед собой. Мама заплела мои волосы и уложила их круглой косой вокруг головы. С каждой стороны она выпустила по густой пряди и подстригла их, уложив затем с помощью пальцев мягкими волнами. Она трудилась над моими волосами, не поднимая глаз, и не видела результата, пока не заколола последнюю шпильку. Но когда мама взглянула на меня, улыбка исчезла с ее лица и она побледнела.

– Что случилось? – спросила я, улыбаясь и чувствуя себя на вершине блаженства.

– Ничего, – выдохнула мама. – Ты как-то очень быстро выросла, а я даже не заметила этого. Когда я была молоденькой девушкой, было принято пудрить волосы. Но мне кажется, что красивей оставлять их естественными. Особенно красиво это смотрится летом, когда волосы немного выгорают и делаются светлее.

И, поцеловав меня, она торопливо вышла из комнаты, будто спешила. Взглянув еще раз в зеркало, я прекрасно поняла, чем вызван ее внезапный уход.

Я знала, кого она увидела перед собой.

Она увидела Беатрис.

Передо мной было лицо из моего сна. Волосы, обычно уложенные на уши, скрывали чистые линии моего профиля и овал лица. Теперь же ничто не мешало разглядеть высокие скулы и странно раскосые глаза, которые я унаследовала от своей тети. Но пока еще мое лицо было по-детски округлым и неопределенным. «Пожалуй, только через несколько лет, – подумала я, глядя в зеркало, – я стану по-настоящему хорошенькой. Но если так случится, то это будет красота Беатрис».

Меня это ничуть не встревожило, ибо мне было всего только шестнадцать лет и больше всего на свете я хотела быть красивой. Если я унаследую знаменитую красоту Беатрис, то о чем же еще можно мечтать.

В мой день рождения мне не хотелось думать ни о чем грустном. Я ждала обычных, простых радостей. Мне нравилось, что я стала достаточно взрослой, чтобы носить волосы зачесанными наверх.

– Джулия! Ты еще не готова? – донесся до меня голос Ричарда. – Если ты не поторопишься, мы не успеем к обеду вернуться из Хаверинг-холла.

– Иду! – откликнулась я и выбежала из комнаты.

Конечно, в глубине души я надеялась, что Ричард упадет в обморок от восторга при моем появлении. Для этого я была достаточно молода, глупа и тщеславна. Но, увидев меня, он только нахмурился.

– Очень мило. Но уж больно взросло. Наверное, теперь мы не сможем бегать к дедушке через лес, а станем ездить туда в коляске, как все скучные взрослые?

Я усмехнулась, и мое разочарование растаяло, как первый снег.

– Нет, – сказала я. – Мы еще можем бегать через лес. Но если моя прическа распадется, то тебе придется помочь мне закалывать волосы шпильками, поскольку сама я еще не умею это делать.

– Думаю, это не труднее, чем завязывать узлы, – рассмеялся Ричард, и мы шагнули в утро, искрящееся, словно персиковое вино.

Вайдекр блистал, как драгоценный подарок для меня. Ночью прошел дождь, и сейчас каждая травинка и каждый лист блестели капельками росы. Изгороди стояли покрытые первой ажурной зеленью, будто кто-то набросил легкую газовую вуаль на черные ветки. Бледные облака виднелись на горизонте, и благоухающий ветер Вайдекра дул мне в лицо. Слева

вздымались до самого неба холмы, покрытые молодой травой и испещренные меловыми тропками. А впереди сплошной стеной стоял густой лес Вайдекра.

Без единого слова мы с Ричардом направились к лесу и стали спускаться вниз к реке. Фенни шумела и бурлила от весеннего половодья, мимо стремительно мчались ветки, прошлогодние листья и сучья. Мы помедлили на ее берегу, бросив по небольшой ветке и проследив, как мгновенно унесла их река сначала к мельнице, затем мимо плотины, мимо деревни и дальше на юг, к самому морю.

Мостом нам всегда служил ствол поваленного дерева, но сейчас его захлестывала вода, и мне пришлось подобрать юбки, чтобы не замочить их. Как и предупреждала меня мама, к новым длинным платьям еще предстояло привыкнуть.

– Подожди, Ричард, – нетерпеливо окликнула я своего кузена. – Помоги-ка мне управиться.

Он хмыкнул и подержал мое пальто, пока я подоткнула повыше юбку.

– Ты все-таки сорванец, – улыбаясь, сказал он, – а не молодая леди.

– Нет, я – леди, – рассердилась я, и перед моими глазами встали картины из сна. – Но не могу же я каждую минуту быть ею.

Теперь идти мне стало значительно легче, и скоро мы уже стояли на террасе Хаверинг-холла, и бабушка поздравляла меня и хвалила мою новую прическу и была так великодушна, что ничего не сказала по поводу моего забрызганного грязью подола. Затем мы все вместе выпили чаю, и бабушка велела приготовить для нас карету.

– Мы можем вернуться пешком, леди Хаверинг, – вежливо предложил Ричард.

Бабушка улыбнулась.

– Моя внучка стала сегодня совершеннолетней, – сказала она. – И ей следует вернуться домой только в карете.

Поэтому к нашим дверям мы подкатали в некогда роскошной, но сейчас несколько обветшавшей карете Хаверингов с фамильным гербом на дверях.

– Вы – мои вторые важные посетители за сегодняшний день, – воскликнула мама, выйдя нас встретить. Ее глаза сияли. – У нас гости. Марш наверх переодеваться, да поживее! И ни в коем случае не появляйтесь в моей гостиной в таком виде.

И она со смехом скрылась за дверью, спасаясь от наших расспросов.

Ричард ринулся на кухню. Там царил хаос. Яркое пламя пылало в камине, белый чепец миссис Гау съехал набок, а лицо ее было распаренным и встревоженным.

– Кто к нам приехал? – осведомился Ричард. – Миссис Гау, кто у нас сегодня обедает?

– Потерпите – и увидите! – поддразнила она его, шлепая огромный кусок теста на посыпанный мукой стол. – Мисс Джулия, ваша мама велела вам переодеться в лучшее платье, да и вам, мастер Ричард, велено надеть воскресный костюм.

– Наверное, лорд Хаверинг, – предположила я.

Но миссис Гау, словно не обратив внимания на эту догадку, крепче сжала губы и принялась раскатывать тесто.

– Леди де Курси, – настал черед Ричарда.

– Отправляйтесь-ка к себе. – В ее голосе зазвучали мягкие нотки, которые появлялись всегда, когда она говорила с Ричардом. – Разве вы не видите, что я просто с ног сбилась. Ступайте переодеваться, мастер Ричард, а вы, мисс Джулия, будьте хорошей девочкой, выгляните во двор посмотреть, не вернулся ли Джем из Мидхерста, он должен привезти фрукты, овощи и дичь с рынка. Мне они уже скоро понадобятся.

Я послушно вышла во двор, а Ричард остался на кухне и продолжил свои расспросы. Джем еще не возвратился, и миссис Гау настолько рассвирепела, что и Ричарду пришлось поскорее убраться с кухни. Тогда мы заглянули в холл. Там на столике лежали мужская шляпа и рыжевато-коричневые дорогие кожаные перчатки. Мы прислушались к голосам, доносив-

шимся из гостиной, и слышали смех мамы. Я никогда прежде не слышала, чтобы она так смеялась, ее голос звучал как флейта.

Ричард нагнулся было к замочной скважине, но тут на лестнице возник Страйд, и нам пришлось срочно ретироваться.

– Кто там, Страйд? – шепотом спросила я, бочком пробираясь мимо него.

– Чем скорее вы оба переоденетесь к обеду, тем скорее все узнаете, – дал он холодный ответ.

У себя в спальне я быстро сбросила запачканный наряд и достала из комода новое шелковое платье кремового цвета. «Новое для тебя», – сокрушенно сказала про него мама. Оно было перекроено из платья одной из ее сводных сестер и уже слегка поблекло на швах. Но спереди оно еще было совершенно новым и блестящим, того прекрасного кремового цвета, какой имеет самая сердцевинка цветка первоцвета. Я казалась в нем выше и немного старше, и оно волнующе шелестело на каждом шагу. Я встала на цыпочки, чтобы получше разглядеть все это великолепие в своем маленьком зеркале. Мне даже показалось, что в этом платье глаза у меня стали зеленее и еще более вздернулись к вискам. Тут Ричард стукнул ко мне в дверь, я повернулась на каблуках, и мы поспешили вниз.

Нашим гостем оказался Джон Мак-Эндрю.

Я догадалась об этом в первую же секунду, как только дверь открылась. Не потому, что он, высокий и слегка сутулый, стоял очень близко к камину, будто ему было холодно после индийского солнца. Нет, скорее по маминому лицу, которое раскраснелось и сияло от счастья, словно у девочки. Такой я ее никогда прежде не видела.

– Джулия! Это...

– Мой дядя Джон! – прервала я маму и вбежала в комнату, протягивая к нему руки.

Он просиял в ответ на мою радость и, схватив меня за плечи, притянул к себе для объятия. Затем поцеловал меня в лоб и отстранился, чтобы как следует рассмотреть.

И вдруг его улыбка растаяла, а глаза стали холодными. Он смотрел на меня так, будто видел перед собой врага, а не племянницу. Поверх моей головы он бросил взгляд на маму, которая даже привстала со стула, на ее лице был написан страх.

– Что случилось, Джон? – тревожно спросила она.

– Она напомнила мне... она напоминает мне... – пытался объяснить он, подбирая слова и не отводя от меня глаз.

Я невольно, будто в поисках защиты, отступила к маме.

– Нет! – резко сказала мама. Я даже вздрогнула от такого тона. – Она совершенно не похожа на Беатрис!

При звуке этого имени дядя Джон незаметно выдохнул.

– Ничуть не похожа! – повторила мама упрямо. – У нее совсем другого цвета волосы, другие глаза. Все совершенно другое. Вы просто слишком долго отсутствовали, Джон, и образ Беатрис запечатлелся в вашем мозгу. Джулия ни капли не напоминает Беатрис. Она моя дочь. Она совершенно такая же, как я. Временами слишком избалованная, но все дети одинаковы. И это ничего не значит. Джулия моя маленькая дочка! Если бы вы видели ее вчера, когда у нее была другая прическа, вы бы вовсе не заметили никакого сходства.

Дядя Джон пожал плечами.

– Конечно, – согласился он, убежденный силой здравого смысла, звучащего в словах мамы. – Конечно. Просто то, как она вбежала в гостиную... И ее голос, и улыбка, и посадка головы... Но она научилась грациозности от вас, Селия, я уверен.

– Мне приятно слышать это, – благодарно отозвалась мама, – но я лично считаю эту девочку далеко не образцом хороших манер.

Он улыбнулся, и тепло, заблеставшее в его глазах, заставило меня порадоваться за маму. Я сразу поняла, что он любит ее. И если в самую первую минуту этот усталый, с

желтым лицом, нездоровый человек разочаровал меня своим видом, то теперь передо мной предстал веселый и умный дядя Джон, старающийся казаться серьезным, – такой, каким я знала его по рассказам мамы.

– Дядя Джон, – лукаво сказала я, – тут у нас еще кто-то...

Он резко повернулся к своему сыну, и его плечи поднялись, словно готовясь принять давно обещанную самому себе ношу. Он приветливо протянул руку вошедшему за мной Ричарду и улыбнулся ему.

– Ричард, – сказал он. – Я так рад видеть тебя. – Он обнял сына за плечи, крепко прижал его к себе, а затем повернулся к маме и рассмеялся. – Селия, все эти годы я представлял вас себе в сопровождении маленьких детей. А теперь вижу, что Ричард, оказывается, почти с меня ростом, а Джулия достает мне до плеча.

Мама с готовностью рассмеялась, но я видела, что небольшое колебание дяди Джона не прошло незамеченным для нее.

– А сколько одежды они износили за эти годы! – смеясь, воскликнула она. – А сколько башмаков стоптали!

– Да, я вижу, что мне для их воспитания понадобятся все мои рубины и бриллианты! – просиял дядя Джон.

– А у вас, сэр, есть рубины и бриллианты? – быстро спросил Ричард.

– Целые копи, – был ответ.

– Мы их быстренько потратим, – пообещала мама. – Присядьте, Джон, отдохните, пока Страйд не пригласит нас к обеду. И рассказывайте ваши новости. Своих слонов можете распаковать позже.

Обед был лучшим из того, что могла приготовить миссис Гау в такой спешке, и его подали на фамильном серебре Хаверингов с их монограммой, и пили мы из наших лучших хрустальных бокалов. Посуду прислала с Джемом леди Хаверинг, когда тот во второй раз был отправлен к ней с известием, что вернулся Джон Мак-Эндрю. Она даже передала с ним бутылку охлажденного шампанского, которое мы пили за наше будущее.

– Нам следует поговорить, Селия, – сказал дядя Джон в конце обеда, когда мама приказала Страйду убрать со стола.

– Мы можем поговорить попозже. – И она с теплой и заботливой улыбкой взглянула на его утомленное лицо.

– Не стоит, – улыбнулся в ответ Джон. – Я действительно устал и не могу не признать это. В Индии у меня бывали приступы лихорадки, и я сильно ослабел после них. Но есть вопросы, касающиеся всей нашей семьи, и я хотел бы, чтобы мы обсудили их без промедления. Давайте перейдем в гостиную и устроим военный совет.

– Против кого мы собираемся воевать, дядя Джон? – спросила я, пока мама распоряжалась, чтобы принесли свежих поленьев для камина, и мы все расселись вокруг стола.

– Думаю, что мы объявим войну прошлому, – серьезно ответил он. – Прежним неправильным идеям и прежним неправильным поступкам. Я хочу, чтобы мы восстановили Вай-декр, и это было бы нашей серьезной победой. В Индии мне, должен признать, посчастливилось, – начал дядя Джон вместо вступления. – Мне удалось оказать серьезную услугу одному из независимых раджей. – Тут он криво улыбнулся. – Так сложились обстоятельства, что селения, вверенные моему попечению, миновала серьезная эпидемия, которая прошла по Индии. И раджа подарил мне за это огромный участок земли, где растет превосходный чай и различные растения, из которых делают специи. Кроме того, там имеется маленький рудник, который теперь является весьма прибыльным.

– Рудник? – поднял голову Ричард. – А что там добывают?

– Опалы, – ответил дядя Джон. И с иронией добавил: – Судьба предоставила мне еще одну возможность стать богатым человеком. Первое свое состояние я потерял в Вайдекре. Вторым надо будет распорядиться получше.

– Опалы! – тихо повторил Ричард и облизнул губы, словно съел что-то вкусное.

– Я вернулся домой, чтобы начать работать, – уверенно продолжал дядя Джон. – Чтобы принести пользу и земле и людям. Вайдекр имеет плохую репутацию, а его жители известны как смутьяны и не могут нигде найти работу. Никто не станет держать у себя поджигателей. Но это не их вина. Это вина Беатрис, – продолжал он спокойно. – Нищета в Экре, ненависть между нами и ними – недоброе наследство для детей.

– Дядя Джон, – прервала я его. – Я ничего не понимаю.

Он взглянул на маму.

– Вы ничего им не рассказывали?

– Как мы и договорились, – ровно ответила она. – Мы с вами договорились, что не станем отягощать их этими заботами, пока они маленькие. Я не рассказывала им только о пожаре и разорении Лейси, хотя они много раз просили меня об этом. Я думаю, что сейчас им можно рассказать нашу историю в общих чертах.

Мне показалось, что последние слова она произнесла с ударением.

– Что ж, очень хорошо, – кивнул Джон. – Вы, должно быть, слышали, что имением в полном согласии совместно управляли сквайр, отец Джулии, и его сестра, Беатрис. Но это не совсем так. Они отяготили поместье долгами, сделанными для того, чтобы изменить майорат в вашу, дети, пользу. Селия и я не были согласны с этим. Крестьяне разорились, и целые семьи стали голодать. Они взбунтовались, и однажды ночью огромная толпа двинулась на Вайдекр-холл. Мы получили предупреждение и, взяв вас, покинули дом. Но Беатрис предпочла остаться. Она погибла в пожаре. Отец Джулии умер в ту же ночь от апоплексического удара. У него всегда было слабое сердце, это было наследственной болезнью.

Ричард и я обменялись изумленными взглядами.

– О... – проговорил Ричард. – Мою маму оставили совсем одну в пустом доме, лицом к лицу с бунтовщиками?

– Да, – ровно ответил дядя Джон. – Таков был ее выбор. Мы с ней уже довольно давно перед тем не жили как муж с женой, и я не считал своим долгом остаться с ней и защищать ее. Я должен был думать о вас. Если бы Беатрис захотела, она могла бы взять экипаж и уехать следом за нами. Но она предпочла остаться.

На столе стояла ваза с увядающими подснежниками, и они напомнили мне мой сон, осыпающиеся чайные розы в серебряной вазе на огромном столе и голос моей мамы: «Ты разрушительница, Беатрис».

Они оставили ее в порыве ненависти. Я знала это. Я только не понимала почему. Но я помнила ощущение покоя и мира в брошенном доме, радость оттого, что все наконец уехали и дом пуст. Что вся бесконечная работа, ложь и обманы более не нужны. И я помнила, как жадно глядела Беатрис на дорогу, ожидая прихода толпы.

– У них был предводитель? – спросила я вдруг, вспомнив легенду о полубоге-получеловеке.

– Никого не нашли, – последовал ответ.

Я подняла глаза и встретила взгляд дяди Джона, устремленный на меня. Я поняла, что он открыл нам не всю правду. Беатрис все знала, она знала и того человека, которого сейчас называют в Экре полубогом. Но меня приучили с уважением относиться к тайнам взрослых, и мне ничего не было известно наверняка.

– Что это означает для нас? – спросила я.

– Это означает, что я хочу дать нашему имению еще один шанс, а всем нам – новую жизнь. У меня есть некоторые идеи о выращивании здесь новых культур – овощей и фруктов,

которые мы могли бы продавать в Чичестере или Лондоне. И я хотел бы, чтобы мы делились прибылями с крестьянами. Пусть они встретят наступающий век новыми людьми. Я видел революцию во Франции, – продолжал дядя Джон с энтузиазмом, его глаза заблестели. – И я верю, что действительно наступает другое время, время науки и прогресса, время, когда люди отбросят прочь прежние суеверия и страхи. Когда они станут вместе работать и прибыль делить поровну. Эти дни уже не за горами, и пусть Вайдекр встретит их одним из первых.

Пораженные услышанным, мы долго сидели молча.

– Джулии нужен настоящий первый сезон в Лондоне, – тихо заговорила мама.

Джон кивнул.

– И мы должны отстроить Вайдекр заново, – добавил Ричард.

– Отстроить поместье, разбить парк и снова сделать эту землю плодородной, – подтвердил Джон.

– И в деревне больше не должно быть бедных, – вставила я, думая о детях Экра.

– Это наша первая задача.

И мы опять все замолчали, захваченные грандиозными мечтами, которые могли скоро стать явью.

– В этом я рассчитываю на всех вас, – снова заговорил Джон. – Я, конечно, найду управляющего, но мне понадобятся ваши помощь и поддержка. Ведь это ваше наследство, дети.

– Значит, я не буду учиться в университете, сэр? – жадно поинтересовался Ричард.

Джон улыбнулся, и его глаза неожиданно потеплели.

– Обязательно будешь, – твердо ответил он. – Прошли те времена, когда сквайры знали только, когда сажать пшеницу и когда убирать ее. Ты поступишь учиться в Оксфорд, Джулия проведет свой сезон в Бате, а потом в Лондоне. Учиться хозяйствовать ты сможешь в течение летних месяцев.

– Хорошо, – ответил Ричард.

Дядя Джон посмотрел на меня.

– А вас это устраивает, мисс Джулия? – спросил он шутливым, дружеским тоном.

– Да, – просияла я в ответ. – Конечно. У меня есть друзья в деревне, и я мечтаю о том, чтобы они не жили больше в такой ужасной бедности. Я буду очень, очень счастлива, если это случится.

Дядя Джон обменялся взглядом с мамой.

– Отлично, – сказал он. – Тогда я могу распаковать мои сумки и посмотреть, не забыли ли я привезти вам подарки из моих странствий.

За ужином мы снова собрались вместе. Мы все еще чувствовали себя неловко с дядей Джоном, мама была нервной и влюбленной, я – смущенной и замкнутой, только Ричард оставался, как всегда, обворожительным и раскованным. Дядя Джон уселся во главе стола на место Ричарда и с любовью улыбнулся нам. Он наконец распаковал свои вещи и вручил нам с мамой несколько ярдов чудесных светлых шелков на платья.

Когда Страйд закончил убирать со стола и вышел, дядя Джон достал из кармана изящную бархатную коробочку и с поклоном протянул маме.

– Что это, Джон? – спросила мама и открыла ее.

Там оказалось ожерелье из прелестных одинаковых жемчужин, выловленных где-то в южных морях далеко от Вайдекра.

– Ах, какая прелесть! Они розовые! – воскликнула мама, поднеся ожерелье к свече.

– Да, это розовый жемчуг, – удовлетворенный произведенным впечатлением, сказал дядя Джон. – Я помнил, что вы любите жемчуг, Селия. И не мог устоять перед искушением и не купить его. Там еще лежит пара таких же серег.

– Где вы раздобыли такую прелесть? – спросила мама. – В Индии?

– Это была чертовски трудная работа. – Лицо дяди Джона оставалось совершенно серьезным. – Нырять каждое воскресенье после службы в церкви в кишасщее акулами море.

Мама звонко рассмеялась, как девушка, и приложила ожерелье к своей шее. Мне было интересно, не захочет ли дядя Джон помочь маме застегнуть его. Но он предпочел сидеть спокойно, а не разыгрывать роль влюбленного перед нашими блестящими от любопытства глазами.

– Жемчуг великолепен, – сказала мама с восторгом. – Может быть, мне лучше спрятать его до лучших времен?

– Нет! – ответил дядя Джон. – Со временем у вас появятся украшения гораздо красивее, я обещаю вам это. А этот подарок должен радовать вас каждый день.

Мама улыбнулась ему светлой улыбкой.

– Тогда я и буду носить его каждый день, – ответила она. – А если ожерелье не будет гармонировать с моим нарядом, я стану носить его под воротником. Самый большой подарок для меня – это то, что вы наконец с нами.

Их глаза встретились, и они замолчали.

– Я слышал, что ловля жемчуга – чрезвычайно опасное занятие, – заметил Ричард.

– Совершенно верно, – взглянул на него дядя Джон. – Но иногда жемчуг бывает на мелководье, и ныряльщики достают его без всякого риска для жизни. В противном случае я не купил бы его.

Ричард не отводил глаз от стола, словно видел перед собой что-то новое и чрезвычайно интересное.

– Дядя Джон, – обратилась я к нему. – А что там за коробка?

– И в самом деле, что это за коробка? – улыбнулся он. – Будто бы ты не видишь, малышка, что на ней написано твое имя?

Он передал мне коробку, и я развернула ее. Там оказался прекрасный набор акварельных красок, и я поблагодарила дядю Джона, а мама заметила, что лучше бы он поберег деньги, ибо рисовальщица из меня никудышная.

– Зато Ричард рисует прекрасно, – мягко добавила она. – Он очень интересуется архитектурой и античной скульптурой.

– В самом деле? – И дядя Джон поощрительно улыбнулся своему сыну.

– Но возможно, такие великолепные краски и мольберт вдохновят тебя, Джулия, – добавила мама.

– Вполне возможно, – пообещала я.

Встав с места, я подошла к дяде Джону и поцеловала его в лоб, в знак благодарности и в качестве извинения, что я не совсем такая племянница, какой он меня воображал.

– А что дядя Джон подарил тебе, Ричард? – спросила я его, увидев в его руках огромную коробку, высотой до плеча.

Он разорвал обертку, и там оказались какие-то странные палки и дюжина тяжелых мячей. Ричард непонимающе вертел их в руках, вопросительно глядя на отца.

– Это палки и мячи для поло, – ответил на его невысказанный вопрос тот. – Ты видел когда-нибудь, как в него играют, Ричард?

Мой кузен покачал головой.

– О, это замечательная игра для хорошего наездника и чертовски опасная для неважного! Мы найдем пару лошадей, пока не купим что-нибудь подходящее для тебя, и сразимся!

Не думаю, что кто-нибудь, кроме меня, заметил внезапную бледность Ричарда. Глаза дяди Джона сверкали, когда он объяснял Ричарду правила игры, в это время Страйд уже водрузил на стол фрукты, десерт и портер. Мама тихо улыбнулась, подала мне знак, и мы вышли.

Мама сразу направилась к зеркалу над камином и стала поправлять волосы, улыбаясь своему отражению. Это были первые следы тщеславия, которые я заметила в ней, и я тихонько улыбнулась. В зеркале, освещенном лучшими восковыми свечами из Хаверинг-холла, отражалось очаровательное, сияющее счастьем лицо. Радость от приезда дяди Джона разгладила морщинки на ее лбу и вокруг глаз, и только серебряные нити в волосах выдавали ее возраст. Она увидела, что я наблюдаю за ней, и, смущенно покраснев, отвела взгляд.

— Я так рада, что они наконец заговорили о лошадях, — сказала мама. — Я боялась, что они не найдут общего языка. Так хотелось бы, чтобы они стали друзьями.

Я кивнула и подошла к окну. Раздвинув тяжелые занавеси, я взглянула на залитую загадочным лунным светом дорогу, на темный лес. Ветер завывал над деревьями, словно плакал о жизни, прошедшей зря.

Я замерла, прижавшись лицом к холодному стеклу. Я чувствовала, что дядя Джон рассказал нам не всю правду. Беатрис прекрасно знала — я поняла это из своего сна — человека, приведшего сюда толпу с факелами. Они пришли из Экра, и она заслужила их гнев.

Но мне также было известно, что теперь их ненависть к Холлу угасла. Они забыли то время, когда тень Беатрис, упавшая на человека, означала смерть и когда все молодые люди боялись ее. Они помнили только улыбающуюся девочку, благословившую их поля и луга. И, глядя в залитый лунным светом сад, я мечтала быть той девочкой. Всем сердцем я стремилась вернуть Экр к жизни и сделать землю плодородной. В этот вечер я впервые хотела стать избранным ребенком.

Когда дверь отворилась и вошли дядя Джон и Ричард, я даже вздрогнула от неожиданности. Ричард вопросительно поднял бровь и выглянул в окно. Но он ничего там не увидел.

Мы поздно пошли спать в тот вечер. И мне не снились ни Холл, ни бунтовщики, крадущиеся в темноте к поместью. Я видела во сне новые наряды и бальный зал. Я была обычной девочкой, которая становится молодой леди.

ГЛАВА 5

Жизнь с дядей Джоном оказалась далеко не сплошным праздником, что мы с Ричардом и обнаружили в ближайшие же несколько дней. Он вызвал нас обоих в гостиную и устроил нам небольшой экзамен, чтобы выяснить наши знания. Когда я хвастливо сообщила, что выучила латынь и греческий из-за плеча Ричарда, то тут же, к своему огорчению, получила две страницы перевода. В своем прекрасном французском я была совершенно уверена, но из фраз, которыми забросал меня дядя Джон, я едва поняла одну двадцатую и с трудом, запинаясь, пролепетала ответ. Успехи бедного Ричарда были еще менее ощутимыми, и он вышел из гостиной весь красный, бормоча что-то о людях, которые вспоминают о тебе через десять лет и сразу начинают вести себя словно индийские набобы. Он тут же куда-то исчез, а я пошла с его учебниками в гостиную с чувством удовлетворенной гордости.

В тот же вечер дядя Джон объявил, что собирается поехать в Лондон поработать у своего отца, старшего директора корабельной компании «Линии Мак-Эндрю».

– Я дам там несколько консультаций, касающихся торговых связей с Индией, – объявил он. – Но до отъезда я хотел бы назначить управляющего в Вайдекре. – Тут он обратился к моей маме: – Селия, мне привезти вам что-нибудь из Лондона? Может быть, ткани на платье?

Мама сокрушенно глянула на свое поношенное черное платье.

– Да, в новых платьях у меня действительно отчаянная нужда. Да и Джулия, бедняжка, не имела ни одного нарядного платья в своей жизни. Но я не вполне доверяю вашей осведомленности в вопросах моды, Джон.

– Может быть, привезти вам малиновое сари? – предложил без улыбки дядя Джон. – В Индии женщины только их и носят. Вы с Джулией были бы в них совершенно восхитительны, уверяю вас.

– Возможно, – рассмеялась мама. – Но я, пожалуй, предпочту что-нибудь более традиционное и для себя и для Джулии. Пожалуй, я лучше обращусь к моей прежней портнихе в Чичестере. А вы, Джон, поскорее возвращайтесь. И не слишком утомляйтесь на работе.

Уже на следующее утро после завтрака дядя Джон объявил о своем отъезде.

– Не могу сказать, как долго я пробуду в Лондоне, – сказал он, одеваясь. – Но думаю, что вы найдете, чем развлечь себя без меня. Ричард, если ты не станешь заниматься более усердно, у тебя не будет шансов поступить в Оксфорд. И винить за это тебе будет некого, кроме самого себя. – Он отворил дверь, и все мы вышли на весеннее солнышко. – До сих пор ты занимался недостаточно серьезно. Не могу сказать, что я доволен твоими успехами. Джулия знает латынь ничуть не хуже, чем ты, а она не брала никаких уроков.

Ричард улыбнулся отцу своей ангельской улыбкой и сказал:

– Мне очень жаль, сэр. Теперь я стану работать серьезнее. Пример моей кузины послужит мне укором. Но она всегда отличалась умом и сообразительностью.

Дядя Джон улыбнулся великодушной похвале Ричарда, уселся в коляску, помахал нам на прощание рукой и уехал в Лондон.

Но доброе настроение Ричарда продолжалось, только пока коляска не исчезла из виду. Тогда он объявил, что идет заниматься в гостиную, и я собралась было идти за ним вслед.

– Но уж не с тобой, – грубо возразил он. – Ты все время болтаешь и отвлекаешь меня. Ступай к своей маме. Ты же слышала, что сказал папа, а сама собираешься мешать мне.

– Ричард! – изумленно воскликнула я. – Но я хотела помочь тебе.

– Я в твоей помощи не нуждаюсь, – хвастливо заявил он. – Хорош бы я был, если бы знал меньше тебя. Не ходи за мной, Джулия. Мне надо заниматься. Так велел мой папа.

Я ушла, не сказав ни слова, но страшно обидевшись. Я знала, что учить слова без меня он будет вдвое дольше. Маме я ничего не стала рассказывать, но, когда мы закончили шить, я

попросила разрешения пойти на кухню и приготовить любимые сладости Ричарда в награду за его неожиданное усердие. За обедом я подала ему приготовленные собственными руками взбитые сливки и заслужила горячую благодарность и ласковое объятие. Спать я пошла согретая его улыбкой и довольная собой. Я чувствовала, что поступила как настоящая леди, ответив добром на обидные слова. Так всегда и нужно поступать. И в доме тогда воцарится мир. Но не в душе.

Джона не было в течение долгих трех дней, но в пятницу утром, вынырнув из тумана, его коляска подкатила к нашему дому. Мы с мамой торопливо бросились ему навстречу.

– Селия! – только и воскликнул дядя Джон, и они так просияли, увидев друг друга, что все мгновенно стало ясно.

Затем он увидел меня и улыбнулся.

– И мисс Джулия здесь! – радостно сказал он. – Пойдемте-ка скорее в дом! Вы замерзните на улице. Сегодня утром такой ужасный туман. Мне пришлось заночевать в Питерсфилде, поскольку не было видно дороги. Если бы не это, я вернулся бы домой еще вчера.

Мама поскорее увела его в гостиную и велела затопить пожарче камин и подать горячий кофе. Дядя Джон протянул ладони к огню и слегка вздрогнул.

– Я полагал, что возвращаюсь домой весной, а здесь холоднее, чем в Индии в сезон муссонов.

– Джулия, пойди, пожалуйста, наверх и принеси вязаный жакет дяди Джона, – попросила мама. – Может быть, капельку бренди, Джон?

Я побежала к нему в спальню за жакетом, а потом на кухню к Страйду, сказать тому насчет бренди, но, когда я возвратилась в гостиную, дядя Джон уже повеселел и краска возвратилась на его щеки.

– А где Ричард? – поинтересовался он, попивая кофе.

– На занятиях, – ответила мама. – С тех пор как вы уехали, он занимается очень серьезно. Не забудьте похвалить его, Джон! Он воспринял ваш упрек близко к сердцу.

– Может быть, мне сходить позвать его? – предложила я. – Иногда он задерживается, но сегодня захочет вернуться пораньше.

– Да, пожалуйста, – ответил дядя Джон. – Я привез наброски нового Вайдекр-холла, и мне не терпится поскорее показать их вам. И это еще не все! – воскликнул он, обращаясь к маме. – У нас есть управляющий! Я посадил его по дороге в деревне. Ты, вероятно, встретишь его, Джулия. Его зовут Мэгсон, Ральф Мэгсон.

При этом имени в моей голове послышался странный шум, словно хрустальный звон, будто на деревьях выросли стеклянные листочки и звенят на ветру. Казалось, это поет туман и сами холмы подступают к нашему дому с песней. Я потрясла головой, но шум не исчез.

– Как быстро! – удивилась мама. – Как вам это удалось?

– У меня необыкновенный талант к найму работников, – хвастливо заявил дядя Джон, и мама рассмеялась. – Просто повезло, – признался он. – Я поместил объявление в газете, и два человека откликнулись на него. Но Вайдекр все еще пользуется плохой репутацией, и предложения не были интересными. И тут вдруг является еще один желающий и учиняет мне буквально допрос. Да-да, – улыбнулся дядя Джон. – Он принялся расспрашивать меня о моих намерениях относительно Вайдекра. Когда же я сообщил ему, что не преследую цель быстрого обогащения и получения прибылей любой ценой, а, наоборот, заинтересован в разумном ведении хозяйства и участии всех в прибылях, он благосклонно объявил мне, что согласен занять этот пост. Я было заколебался, но он сказал: «Доктор Мак-Эндрю, я единственный человек, который вам нужен».

– Довольно странно! – заметила мама. – Что он имел в виду?

– Когда-то он жил в Экре, хоть и уехал отсюда еще ребенком, – принялся объяснять дядя Джон. – Похоже, что у него остались здесь друзья, и он заявляет – и, должен признаться, я ему верю, – что он сумеет убедить крестьян работать на Лейси. Но он подчеркнул, что не стал бы работать на кого угодно, и именно поэтому так пристрасстно расспрашивал меня о моих намерениях.

Мама все еще колебалась.

– А когда он уехал отсюда? – спросила она.

Дядя Джон услышал в ее голосе тревогу и успокаивающе улыбнулся.

– Я спросил его об этом, дорогая. Он приблизительно нашего возраста, а уехал отсюда ребенком, еще до инцидента, в котором погиб старый сквайр. Его не было в Экре, когда здесь хозяйничала Беатрис и когда начался мятеж. Кроме того, – добавил он, – хоть он и радикал, но далеко не безрассудный. Он имеет предубеждение против частной собственности и богатых, но так рассуждают многие разумные люди. Он много путешествовал, и у него широкий кругозор. Мне кажется, что он мечтает вернуться на свою родину и хотел бы жить в процветающей деревне. Мы нашли между собой много общего.

– Где он будет жить? – спросила я.

– Там есть семья по фамилии Тайк? – ответил он вопросом на вопрос.

– Да.

– Он интересовался именно их коттеджем, – сказал дядя Джон. – Наверное, когда он был ребенком, это был самый лучший коттедж в деревне, и он сохранил память о нем. Ты знаешь Тайков, Джулия?

– Там остались только Тед Тайк и его мать, – сказала я. – Коттедж для них слишком велик. Отец Теда погиб в прошлом году от несчастного случая: он был убит падающим деревом. И сейчас они еле сводят концы с концами. Если предложить им коттедж поменьше, тот, что у церкви, и немного денег в придачу, то они с удовольствием согласятся.

Дядя Джон внимательно смотрел на меня, будто что-то взвешивая.

– А чей коттедж стоит у церкви? – спросил он тем же тоном, каким спрашивал у нас латынь.

– Раньше там жили Льюисы, – ответила я, – но год назад они уехали в Петворд, где их брат держит магазин.

– Обычная история для Экра, – заметил дядя Джон маме вполголоса.

– Джулия знает деревню лучше, чем любой из нас, – сказала она.

– Итак, если ты встретишь мистера Мэгсона, расскажи ему все, что ты только что сказала нам, – обратился ко мне дядя Джон. – И если он сумеет уладить это ко всеобщему удовольствию, то пускай селится у Тайков.

– Можно, я пойду, мама? – спросила я.

– Иди, дорогая. Только надень пальто с капюшоном, на улице сильный туман. Кто бы мог поверить, что уже весна.

Я надела шляпку и зимнее пальто с капюшоном и вышла на улицу. Из окна казалось, что снаружи уже стемнело, но на самом деле было светло. Мне нравилось идти в тумане, все звуки вокруг были приглушены, я даже не слышала своих шагов. Еще вчера листья громко шелестели на ветру, а сегодня они молчали, мокрые и тяжелые. Тихо шумела Фенни, и самым громким звуком было: кап... кап... кап... Это падала вода с веток деревьев. Ни справа, ни слева не было видно полей, подступающих к дороге, и я только догадывалась об их огромном сером пространстве. Даже очертания холмов тонули в тумане, все сливалось с низко нависшим над землей пасмурным небом. Казалось, что мир опустел и остались только я да капли, падающие с деревьев.

Эта прогулка была словно маленькой экскурсией в сон, в одиночество, которое страшит каждого. В мир, где единственным живым существом являетесь вы сами и нет никого,

кроме вас. Но меня это, как ни странно, совсем не пугало. Я не боялась оставаться одна в Вайдекре. Какой бы глупой девочкой ни казалась я своей маме, как бы ни раздражала я Ричарда, здесь я твердо стояла на земле.

Здесь были неуместны слова, а я обычно была так неловка с ними. Здесь можно было только понимать либо не понимать землю. Когда я оставалась в Вайдекре одна, я чувствовала себя Лейси.

Я почти сожалела, что туман растаял и показались первые домики Экра. Вдруг из тумана выскользнула какая-то тень, и я чуть не вскрикнула от неожиданности.

– Это я, – прозвучал голос Клари. Она говорила несколько невнятно из-за овсяного печенья, которое было зажато у нее в кулаке и которым она набила рот. – Привет, Джулия. Ты пришла посмотреть на него? – Ее глаза блестели от волнения. – Он уехал в Мидхерст купить кое-что на рынке.

– О ком ты говоришь? – спросила я, почти зная ответ.

– О Ральфе. Вернулся Ральф. Он купил большую корзину всякой еды для наших людей, но сказал, чтобы мы не ели все сразу, а то заболеем. А каждому ребенку он дал по овсяному печенью. Сейчас он поехал в Мидхерст купить молока, бекона, сыру и эля. Когда он вернется, у нас будет праздник. Мой папа сказал, что с приездом Ральфа в Вайдекре все пойдет по-другому.

– Он приехал с дядей Джоном, – сообщила я. – И будет управлять поместьем. А кто он, Клари? И почему он так долго здесь не жил?

Ее глаза озорно блеснули.

– Ты не знаешь, кто он? И не знаешь, что он сделал? – недоверчиво спросила она. – О! О! – И она чуть взвизгнула от восторга. – Джулия, не смотри на меня так, пожалуйста. Я не могу тебе все рассказать. Спроси у него самого.

– Это что-нибудь связанное с прежними днями? – интуитивно догадалась я. – Он знал Беатрис или Гарри? Он работал здесь раньше?

Клари подавилась смехом и последним кусочком печенья.

– И не спрашивай, я все равно ничего не расскажу.

– А где он был все это время? – продолжала я расспрашивать ее. – Дядя Джон сказал, что он из Экра.

– Он был контрабандистом, – сообщила Клари страшным голосом. – И он был предводителем хлебного бунта. Он много лет прожил с цыганами и умеет колдовать и предсказывать судьбу. Когда дела в деревне были совсем плохи, он присылал сюда деньги. И он... – Тут она оборвала себя. – Больше я тебе ничего не скажу. Спроси у него сама.

– И спрошу, – решительно сказала я. – Мне надоели твои загадки.

Мы уже дошли до ворот домика викария, и я протянула руку к звонку.

– Подожди меня, – попросила я Клари. – Я схожу за Ричардом, и мы погуляем вдвоем.

– Не-а, – покачала она головой. – Я не хочу с ним гулять. Увидимся в следующий раз, когда ты придешь к нам.

Я кивнула. Конечно, я не могла отрицать, что Ричард вел себя высокомерно. Я пыталась познакомить его с нашими сверстниками в деревне, чтобы мы дружили все вместе, но он задира нос и держался барином. Меня удивляло, что манеры Ричарда, такие обворожительные у нас дома, здесь делали его смешным и безобразным. Я думала, что он совсем не пытается понравиться ребятам. Он смотрел на них так, словно прикидывал в уме, что плохого они могут ему сделать.

– И к тому же я буду помогать Ральфу в подготовке праздничного обеда, – добавила Клари.

Она кивнула в сторону деревни, и я увидела, как около одного из домов суетятся люди, ставят там столы и скамейки. И тут я впервые заметила, как вьется дымок над одной из труб Экра.

Я замедлила шаги, и Клари шутливо подтолкнула меня к дому.

– Ступай, ступай, хоть это и не твой праздник. Ты ведь у нас принадлежишь к знати.

В ответ я скорчила ей рожу и пошла по тропинке к деревне.

На мой стук дверь отворилась, и экономка впустила меня внутрь. Ричард все еще занимался, и я подождала его, угощаясь горячим кофе и сладкими бисквитами. При этом я думала, что, пожалуй, мне ясно, почему у доктора Пирса седые волосы и почему он так редко улыбается. Есть сладкие бисквиты, когда всего в нескольких шагах от тебя умирают от голода люди, было, конечно, нелегко. Смерть каждого прихожанина он отмечал в церковной книге, каждый гроб опускали в могилу в его присутствии. И на неизбывное горе этих людей не находилось ответа в его теологических книгах.

В Дауэр-хаусе мы жили все-таки изолированно от Экра, его же дом стоял в самом сердце деревни, и от жестокости Лейси – и жестокости всех, кто разделил страну на богатых и бедных, – ему было не убежать.

Дверь открылась, и вошел Ричард.

– Джулия! – обрадовался он. – Я не ждал тебя сегодня.

– Я решила встретить тебя, потому что вернулся дядя Джон. Он привез рисунки нашего будущего дома! И еще он привез нового управляющего!

– А ты уже видела его? – с любопытством спросил Ричард. – Что он собой представляет?

– Он еще не был у нас. Дядя Джон высадил его в деревне. Этот новый управляющий когда-то жил здесь, и Клари сказала мне, что они устраивают праздник по случаю его возвращения. Он сейчас в Мидхерсте покупает продукты для всей деревни, а детям он дал по овсяному печенью. Они, кажется, сразу полюбили его.

– Думаю, они полюбили бы всякого, кто стал бы раздавать им бесплатно еду, – презрительно сказал Ричард. – Иначе с этой деревней не управиться. Надеюсь, мой папа выбрал нужного человека.

– Мы можем на него посмотреть, – предложила я. – Клари сказала, что он скоро должен вернуться назад.

Ричард кивнул и открыл передо мной калитку. И мы пошли вдоль улицы, с удивлением глядя, как до неузнаваемости изменился Экр всего за один день. Мне пришла на ум сказка о волшебном поцелуе принца, оживившем Спящую красавицу и все королевство. Ральф Мэгсон, видимо, был волшебником, если оживил деревню одним своим появлением.

Жители деревни составили из нескольких столов один огромный стол позади дома миссис Мерри, и теперь почти все женщины суетились вокруг него. Впервые я услышала в Экре смех.

Двери коттеджей хлопали, люди то вбегали, то выбегали оттуда, кто с деревянной тарелкой, кто с парой ложек. Дорожный сундук, который, как я догадалась, принадлежал Мэгсону, стоял позади дома открытый, и в нем виднелись коробки чая, сахара, большой круг сыра и окорок. Это было большим соблазном для людей, но я знала, что воров в Экре нет. Трубы печей в домах дымились и будто посылали небесам сообщение: «Ральф Мэгсон вернулся домой». И среди всей этой суеты, командуя, распоряжаясь и смеясь, стоял новый управляющий имением, стоял неподвижно, как древнее божество.

Это был мужчина лет сорока, с темными, поседевшими на висках волосами, заплетенными сзади в короткую косичку. Он был похож на моряка или даже скорее на пирата. Кожа у него была смуглой, как у цыгана, а множество белых морщинок около глаз свидетельствовало о том, что он провел долгие годы под открытым небом и привык зорко всматриваться в даль.

У меня в голове вдруг зашумело, и я не могла отвести от него глаз.

– О господи, – произнес позади меня Ричард. – Все это похоже на майский праздник.

В эту минуту новый управляющий наклонился и жестом показал какому-то мужчине на сумку с продуктами, чтобы тот отнес ее к столу. И тут я поняла, почему так неподвижно стоял он все время. Мэгсон оказался калекой. У него не было ног, они были отрезаны чуть ниже колен, и дальше были приделаны деревянные протезы. Он обладал необыкновенно широкими плечами и грудью, оттого, вероятно, что ему все время приходилось удерживать равновесие. Я не слышала ничего, кроме поющего голоса у меня в голове, и не видела ничего, кроме него. Я забыла, о чем хотела его спросить, и вдруг произнесла голосом ужасно жалобным и, что еще хуже, очень громко:

– О, Ральф!

Он повернулся на мой голос и неожиданно страшно побледнел. Наши глаза встретились, и шум у меня в голове стал таким громким, что я не слышала даже голоса Ричарда, спрашивающего меня, в чем дело. Сейчас я была Беатрис. Толпа между нами поредела, и я видела только Ральфа и смотрела на него любящими глазами.

– О, Ральф! – повторила я снова.

Странная, почти виноватая улыбка появилась на его лице, когда он услышал этот голос. Мэгсон быстро, с привычной сноровкой заковылял ко мне на своих деревянных ногах, и толпа расступилась перед ним, словно это был принц Стюарт, вернувшийся из изгнания.

Он смотрел на меня так тревожно, будто от меня зависела его судьба, будто ему пришлось собрать всю свою храбрость, чтобы подойти ко мне.

– Кто вы? – спросил он, не отводя глаз от моего лица.

Его голос вдруг разрушил то очарование, которое владело мной, и я осознала, что нахожусь в центре огромной толпы, а рядом стоит разгневанный Ричард и дергает меня за рукав.

– Я – Лейси, мисс Джулия Лейси, – ответила я.

Слова были обычными, и говорила я вновь своим собственным голосом, совсем не похожим на тот грудной, чувственный голос, который только что произнес: «О, Ральф!»

– Лейси? – переспросил он.

– Дочь сквайра Гарри Лейси из Вайдекр-холла, – церемонно представилась я. – А это мой кузен, Ричард Мак-Эндрю.

Мэгсон медленно наклонил голову.

– Дочь Гарри, – повторил он и недоверчиво глянул на меня. – Кто бы подумал, что у этого болвана может быть такая дочь? Но вы – Лейси, и это главное. Но как вы похожи... – Тут он оборвал себя, но я прекрасно поняла, что он подумал о Беатрис.

Потом Мэгсон повернулся к Ричарду.

– А вы, значит, сын Беатрис? – спросил он.

Ричард напрягся, и я положила руку на его рукав. Я не хотела, чтобы он ссорился с мистером Мэгсоном. Никто не умел лучше, чем Ричард, очаровывать людей одной своей улыбкой. Но ему также прекрасно удавалось быстро наживать себе врагов. Он был заносчивым мальчиком, страдающим от нашей бедности и всегда готовым вступить за свою честь. Меня это восхищало, но сейчас мне совсем не хотелось, чтобы он высокомерно говорил с мистером Мэгсоном.

Мистер Мэгсон не был похож на человека, который безропотно стерпит бесцеремонный тон.

– Ричард, – тихо сказала я. – Это мистер Мэгсон, новый управляющий твоего отца.

Ричард кивнул.

– Я – сын доктора Мак-Эндрю, вашего работодателя, – высокомерно сказал он Ральфу.

– Вы совершенно не похожи на Лейси, – задумчиво ответил тот. – Все они были гораздо светлее.

– Откуда вы знаете Лейси? – отрывисто спросил Ричард. – И что привело вас в Экр? Ральф небрежно улыбнулся, будто не сочтя вопрос Ричарда заслуживающим ответа. – Прошу прощения, – бросил он Ричарду. – Меня ждут.

И, повернувшись спиной к моему кузену, стал забираться на телегу. Там тоже лежали съестные припасы.

Он взял поднос с белыми булочками и с доброй улыбкой передал его жене возчика.

– Осторожно, Маргарет, он тяжелый.

Ричард издал гневный возглас и, оттолкнув одного из сыновей Грина, вскочил следом.

– Слушай, ты, – прошипел он.

Слышали его лишь немногие, но все устались в нашу сторону. Я не успела остановить Ричарда и теперь не решалась вмешаться.

– Это моя земля, – взбешенно продолжал он. – И мои люди, и если ты попытаешься встать между мной и ими, то ты пожалеешь об этом. Я – наследник Вайдекра, и я буду здесь сквайром. Когда я задаю вопросы, то требую, чтобы на них отвечали. И чтобы меня называли по имени. Понял, Мэгсон?

Во время этой гневной речи Ральф продолжал передавать женщинам снесь, и теперь в его руках оказалось блюдо с овсяным печеньем. Поворачиваясь, он ненароком толкнул им Ричарда, и тот упал с телеги. Я кинулась было помочь ему подняться, но Сонни Грин схватил меня за руку. Ральф сам мгновенно прыгнул с телеги и, почтительно придерживая Ричарда за локоть, помог ему встать. Лицо моего кузена было багровым, и он даже не находил подходящих слов, чтобы выразить свой гнев.

– Извини, парень, – безмятежно произнес Ральф. – Я не видел, что ты стоишь сзади меня. – Он все еще продолжал держать Ричарда за локоть и при этих словах чуть придвинул его к себе. – Ты можешь стать наследником, но ты никогда не будешь здесь сквайром, если жители не полюбят тебя.

Ричард смотрел на него с каким-то странным выражением, которого я не могла понять.

– Пожалуйста, давай уйдем.

Я вырвала руку из хватки Сонни и подошла к Ричарду. Но он даже не слышал меня, не сводя горящих злобой глаз с Ральфа.

– Вы оскорбили меня! – воскликнул он.

Лицо Ральфа на мгновение напряглось, но потом приняло обычное выражение.

– Нет, что ты, – спокойно ответил он. – Сейчас ты немного разгорячен, но когда успокоишься, то поймешь, что был не прав.

И он повернулся спиной к Ричарду, словно наследник Вайдекра был просто расшалившимся школьником и не заслуживал долгих разговоров.

Ричард ринулся за ним, но я все же успела удержать его за руку. Он был вне себя от гнева.

– Ричард, на тебя все смотрят, – прошептала я.

Это на него подействовало. Он сбросил мою руку, но не стал нагонять мистера Мэгсона. Оглянувшись вокруг, он увидел любопытные взгляды, устремленные на него. Тогда, сделав глубокий вдох, он взял меня за руку, и мы стали пробираться вперед. Толпа расступалась перед нами, и мы выглядели словно король и королева в бродячем театре. Ричард шел, ничего не видя перед собой, я же бросала на людей извиняющиеся взгляды.

Клари Денч открыто рассмеялась, и я поняла, до чего смешны мы оба со стороны. Если бы я была меньше встревожена за Ричарда, я бы и сама громко расхохоталась. Мы шли точно знатные особы в горностах, но как только оказались на пустынной дороге, Ричард тут же выпустил мою руку.

Я ожидала, что он разразится гневной тирадой, но он оставался спокоен.

– Ричард, я уверена, что Мэгсон это сделал не нарочно, – начала я.

Ричард бросил на меня ледяной взгляд.

– Он сбросил меня с телеги, – тихо сказал он. – Я никогда не прошу ему этого.

– Мэгсон просто случайно задел тебя, – возразила я. – И тут же спрыгнул сам, чтобы помочь тебе подняться. Кроме того, он сразу же извинился.

Но Ричард был поглощен своей обидой.

– Этот тип оскорбил меня, – пробормотал он вполголоса. – Мэгсон еще пожалеет об этом.

– Но он – новый управляющий, которого нанял твой отец, – предупреждающе напомнила я. – Мэгсон нужен дяде Джону. И если он окажется подходящим человеком, то будет нужен нам всем. Мы же видели сегодня, какой переполох он произвел в Экре. По-моему, он единственный человек, который может спасти нас.

– Мне это безразлично, – сказал Ричард. – На свете есть более важные вещи. Он оскорбил меня на глазах всего Экра. Он должен быть наказан.

С этим я не могла согласиться.

– Нет ничего более важного, чем Вайдекр, – тихо сказала я. – И труд Экра.

Ричард на минуту замедлил шаги и посмотрел на меня. Туман по-прежнему клубился вокруг, пряча вершины деревьев. Я дрожала от холода и сырости. Глаза Ричарда словно горели в темноте.

– Он оскорбил меня, – повторил он снова. – Перед Экром. И я этого так не оставлю. Ему придется извиниться передо мной.

– Ричард! – продолжала я свои попытки утихомирить его. – Все обстоит совсем не так трагично, как тебе представляется.

– Это дело чести. Ты не понимаешь этого, потому что ты девочка. Но мы с папой знаем, как важно держать в руках толпу. Я сразу же все ему расскажу.

Пока я размышляла, можно ли считать Экр «толпой», а мистера Мэгсона частью этой «толпы», Ричард быстро пробежал через сад, рывком открыл дверь и исчез в доме. Я сделала все, что могла, чтобы смягчить его гнев, но теперь я могла дать волю своим чувствам. Я доверяла людям Экра. Я доверяла своему первому впечатлению о мистере Мэгсоне. Я не считала, что Ричарда оскорбили. Он вел себя как дурак. И я совсем не думала, что его драгоценная честь нуждается в отмщении.

Но затем ход моих мыслей переменился. Я вспомнила советы бабушки и пример моей мамы, которые всегда руководствовались тем, что долг настоящей леди – быть на стороне своего мужа. Есть много вещей, которые мужчины понимают, а женщины нет. Если Ричард действительно думает, что затронута его честь, то не мое дело спорить с ним. И если я стремлюсь быть истинной леди – а я стремлюсь к этому, – то мне лучше оставить мои независимые рассуждения. И если я хочу быть хорошей женой Ричарду – а я хотела быть ею больше всего на свете, – то я должна научиться безоговорочно держать его сторону, что бы я там ни думала.

И пока я стояла в саду, погрузившись в размышления, я вдруг почувствовала, что моя рука замерзла. Я потеряла одну перчатку в Экре. По дороге назад Ричард держал меня за руку, и я не заметила этого. А это были мои единственные теплые перчатки – красновато-рыжей кожи, – раньше принадлежавшие одной из маминых сестер и почти новые. Леди Хаверинг нашла их среди вещей дочери и отдала мне, и я не должна их терять. Я быстро повернулась и побежала обратно.

Едва я успела пройти несколько ярдов, как услышала, что меня зовут, и мое сердце подпрыгнуло от мысли, что это может быть Ричард. Но это оказался дядя Джон. Я остановилась, поджидая его.

– Мне нужно вернуться в деревню, я потеряла перчатку, – объяснила я.

– Я тоже собираюсь в Экр, – ответил он. – Ричард говорит, что они несколько повздо-
рили с мистером Мэгсоном.

– Да, – коротко подтвердила я.

– Ты была в Экре? Что ты могла там делать, Джулия? – удивился дядя Джон. – Там же
чуть не произошла драка. Что ты могла там делать, Джулия?

– Ничего подобного там не было, – возразила я. Дядя Джон совершенно не понял
Ричарда, мой кузен не мог сказать ему такую очевидную ложь. – Ричард задал мистеру Мэг-
сону вопрос, а тот не ответил. Тогда Ричард вспрыгнул на телегу, а наш новый управляющий,
не заметив этого, нечаянно столкнул его на землю. Но затем сразу же спрыгнул сам, помог
Ричарду встать и извинился. Вот и все.

Джон испытующе смотрел на меня.

– Это правда, Джулия? Все было именно так?

– Конечно, – ответила я. – Мистер Мэгсон, может, был немного непочтителен, и Ричард
расстроился из-за этого. Ничего более серьезного не случилось.

Дядя Джон заметно повеселел.

– Слава богу, – сказал он. – Ричард преподнес все это так, будто в Экре поселился
какой-то неистовый якобинец. Ральф Мэгсон показался мне вполне надежным человеком,
но если он не умеет вести себя мирно, то ему не место в Вайдекре.

– Он сразу нашел общий язык с людьми, – сказала я, вспомнив о том, как Мэгсон мягко
говорил с Маргарет Картер. – Они с Ричардом просто не поняли друг друга. Вот и все.

– Отлично, раз так, я просто прогуляюсь с тобой, Джулия, – дружелюбно предложил
дядя Джон. – Я дал мистеру Мэгсону немного денег на самые неотложные нужды Экра. Ты
не знаешь, он справедливо распределил их между всеми?

Не сумев сдержаться, я громко расхохоталась.

– Так он же устроил для них пир!

Дядя Джон сам уже мог убедиться в этом, поскольку мы подошли к деревне и перед
нашими глазами предстала суматоха праздничных приготовлений.

Внезапно я замерла. Дверь коттеджа Денчей открылась, и оттуда вышел высокий чело-
век с огромной кастрюлей дымящего супа в руках. Я не могла сдержать изумленного воз-
гласа, когда он поравнялся с нами.

Это был исчезнувший Джон Денч, дядя Клари, человек, убивший лошадь Ричарда,
Шехеразаду, грум Хаверингов, доверивший мне скакать на ней. Я узнала его в ту же секунду,
когда увидела его.

Но я не знала, что делать.

– Эй, смотри под ноги, – предостерег его дядя Джон, и тут Денч остановился и удив-
ленно глянул на нас.

Он, конечно, сразу же узнал меня и по великолепному пальто дяди Джона понял, что
перед ним стоит знатный человек. Он испуганно огляделся по сторонам, словно собирался
бросить кастрюлю и бежать. Но потом опять посмотрел на нас и увидел, что мы с дядей
Джоном одни. Он смотрел как раненый зверь, и краска сбежала с его лица.

– Кто это? – требовательно спросил дядя Джон.

Конечно, ему была отлично известна вся история о Шехеразаде. И он мог запомнить
имя преступника и теперь задержать его, а затем отправить в Чичестер. Денч впился взгля-
дом в мое лицо, все вокруг притихли и, затаив дыхание, ожидали моего ответа. Внезапно
Денч попытался что-то сказать, но не смог выдать из себя ни звука.

– Это Дэн Тейлер, – сказала я. Мой голос звучал громко и уверенно. – Раньше он жил
здесь, но теперь работает в поместье... поместье... э, в Питерсфилде.

Тут Клари возникла рядом со своим дядей и слегка подтолкнула его.

– Там уже заждались супа, – объяснила она и послала мне прямой неулыбающийся взгляд.

– А это Клари Денч, – продолжала я без остановки. – Вон там Сонни Грин, мистер и миссис Грин, Нед Смит с Генри, Джилли и Малыш. Вот Мэтью Мерри и его бабушка, миссис Мерри, а рядом с ней миссис Тайк и ее сын Тед. Вон сапожник Питер с женой и своими двойняшками. Вы, наверное, знаете Джорджа-тележника, а вот его девочки Джейн и Эмили.

Я перечислила по именам их всех. Дядя Джон кивал и улыбался, женщины приседали перед ним, а мужчины стягивали свои картузы. Многие имена были знакомы ему, но он улыбался и тем, кто приехал в последние годы, и тем молодым людям, которых он помнил детьми.

Я оглянулась вокруг. Денч исчез.

– Не присоединитесь ли и вы к нашему обеду, мистер Мак-Эндрю? – вежливо спросил подошедший к нам Ральф. – Мы приглашаем вас и мисс Лейси.

– Спасибо, мы уже отобедали, – так же вежливо ответил дядя Джон. – Мы вернулись из-за перчатки мисс Джулии. Она потеряла ее где-то здесь.

Одна из малышек Денча вынырнула из-под стола, держа мою перчатку как трофей, и подала ее мне.

– Спасибо, Салли, – улыбаясь, поблагодарила я.

– Вижу, что вы тут уже освоились, – обратился дядя Джон к Ральфу. – Я, конечно, предполагал, что вам здесь обрадуются, но не думал, что станут встречать как вернувшегося героя.

– Люди в Экре никогда не забывают своих друзей, – улыбнулся Ральф, и мне показалось, что его слова адресованы мне. – У них хорошая память.

– Очень рад, – искренне сказал дядя Джон. – Вам будет легче работать, если люди будут вам доверять. – Тут он немного помолчал. – Я предполагал, что вы распределите между всеми те скромные средства, что я вам дал, а вы устроили пир на всю деревню.

Ральф Мэгсон откинул назад свою темноволосую голову и рассмеялся.

– Я знал, что вы будете недовольны, доктор Мак-Эндрю, – весело воскликнул он. – Но, прошу вас, предоставьте некоторые вещи мне. Я ведь не собираюсь учить вас лечить людей, а вы, пожалуйста, не учите меня управлять Экром. Для них важны не деньги. И даже, может, не пища. Все это время они испытывали тоску по радости, осмелюсь выразить уверенность, что вам знакомо это чувство. И работать с ними мы сможем, только когда поймем их проблемы. Самое главное сейчас – это дать им немного надежды на будущее.

Дядя Джон помолчал, затем, оглянувшись вокруг и увидев радостные лица, рассмеялся.

– Это не совсем то, что я планировал, – признался он. – Но может быть, вы и правы.

– Вы должны доверять мне, – просто ответил Ральф. – Мне очень дорог Экр, и, пока ваши интересы не расходятся с его интересами, вы можете доверять мне.

И они улыбнулись друг другу.

– А сейчас мы оставляем вас, – сказал дядя Джон. – Не заглянете ли вы, мистер Мэгсон, в Дауэр-хаус после обеда?

Ральф кивнул, и мы повернулись, чтобы уйти. Но тут дядя Джон остановился перебраться парой слов с миссис Грин, и Ральф тихо обратился ко мне:

– Вы – умница, мисс Джулия. Умница.

Я подняла на него глаза и увидела теплую улыбку, заставившую меня смутиться и заняться разглядыванием собственных ботинок. Мне не следовало лгать, и теперь я не собиралась радоваться этому. Поэтому я ничего не ответила, и мы постояли некоторое время в молчании, при этом я совсем не испытывала неловкости, а, наоборот, чувствовала какой-то восторг. Я могла бы стоять рядом с этим человеком целый день.

– Мистер Мэгсон, – вопросительно обратилась я к нему.

– Да, мисс Джулия.

– Почему вас так любят в Экре, мистер Мэгсон? – Рискнув поднять на него взгляд, я увидела, что он озорно усмехается.

– Мне кажется, что вам это должно быть известно, мисс Джулия, – последовал ответ. – Зная каждого в Экре и имея дар предвидения, вы не должны задавать мне такие вопросы, мисс Джулия.

Я недоуменно посмотрела на него.

– Мне сказали, что вы обладаете даром предвидения. Разве это не так?

Я опять покачала головой.

– Чей это был голос, когда вы впервые увидели меня? – резко спросил он.

– Не знаю, – сказала я.

Его глаза сузились, словно бы он знал, что я лгу, и я покраснела.

– Вернее, я знаю, но это звучит так глупо... Я бы не хотела говорить об этом.

Он удовлетворенно рассмеялся, что заставило дядю Джона обернуться и с улыбкой посмотреть на нас обоих.

– Никто в мире не заставит вас отвечать на мой вопрос, если вы сами не хотите, – уверенно сказал Ральф. – Но на ваш вопрос я дам вам правдивый ответ.

Его голос звучал так легко, будто мы говорили о самых обычных вещах.

– Я был здесь в ту ночь пожара, и это я привел бунтовщиков в Холл, и это я поджег его и убил Беатрис. Меня зовут Ральф Мэгсон, я был ее первым любовником и ее убийцей. В те дни меня звали Каллер.

Я громко охнула, но улыбка Ральфа Мэгсона не стала от этого менее уверенной. Он с поклоном отвернулся от меня и пошел к своему месту во главе стола, где его уже ждали.

Я стояла там, где Мэгсон оставил меня, словно в столбняке, и дяде Джону пришлось дважды окликнуть меня и тронуть мой локоть, прежде чем я услышала его.

Мэгсон наблюдал за мной. Уже уходя домой, я чувствовала его взгляд и почти виноватую улыбку, предназначенную для меня, только для меня одной. Когда мы вышли на улицу, освещенную слабым, едва пробивающимся сквозь туман солнцем, я вздрогнула, будто оказалась в грозовой ночи под дождем.

Я знала эту улыбку. Я видела ее прежде. Она была в том сне, в котором я даже не видела его лица. Но я не сомневалась, что в следующий раз я увижу Мэгсона на огромной вороной лошади и он поднимет меня и вонзит нож мне под ребра, но сделает это так нежно, словно совершает акт любви. И хотя маленькая девочка проснулась в своей постели с криком ужаса, я знала, что женщина из моего сна не боялась его. Она улыбкой ответила на его улыбку.

ГЛАВА 6

– Итак, каков он? – спросила мама с вежливым интересом. – Я имею в виду вашего нового управляющего. Он сможет принести нам пользу?

Страйд поставил на стол перед дядей Джоном графинчик с портвейном, но мы с мамой все еще медлили и не вставали из-за стола.

– Надеюсь на это, – ответил дядя Джон, наливая в рюмку темно-коричневый портвейн. – В номере отеля он мне казался гораздо зауряднее, чем в Экре. Я думаю, он вам понравится, Селия. Он очень своеобразный человек, и я могу всецело довериться ему как в денежных вопросах, так и в управлении хозяйством.

– Очень хорошо, – сказала мама, улыбаясь, – поскольку я рассчитываю на то, что вы все трое будете проводить много времени дома. И если у нас будет хороший управляющий, то вы, Джон, сможете заняться своим здоровьем и я увезу Джулию в Бат со спокойной совестью.

– Он был груб со мной, – угрюмо сказал Ричард. Он произнес эти слова, полуотвернувшись от своего отца в сторону мамы, которая всегда так преданно защищала его интересы. – Он столкнул меня с телеги прямо на дорогу на глазах всего Экра.

Мама подняла взгляд на Джона.

– Забудь это, – невозмутимо посоветовал тот и, подняв свой стакан, посмотрел на Ричарда сквозь вино.

Ричард сразу опять обернулся к маме.

– Перед всем Экром, – повторил он.

Мама открыла было рот, чтобы что-то сказать, но промолчала.

– Забудь. – Джон наклонился вперед, и его голос прозвучал строже. – Вы с мистером Мэгсоном не поняли друг друга, а в Экре никто ничего и не заметил. Я специально поинтересовался, не случилось ли там чего-то неприятного. Никто даже ничего не видел.

Мне пришлось опустить голову, чтобы скрыть свое выражение лица. В Экре никогда не замечали неприятностей.

– Ральф Мэгсон – человек с широким кругозором, и я прислушиваюсь к его суждениям, – продолжал дядя Джон. – Он не станет заострять на этом внимание. Потому я советую тебе забыть этот инцидент скорее. Тебе нужно наладить с ним хорошие отношения.

Ричард кинул гневный взгляд на своего отца и повернулся к моей маме.

– Мне он не нравится, – каким-то чужим голосом проговорил он. – Он оскорбил меня, и он не должен здесь работать.

Мама посмотрела на Ричарда, и ее лицо приняло необыкновенно нежное выражение.

– Я знаю, что ты беспокоишься о нас, – сказала она мягко. И перевела глаза с его юного рассерженного лица на Джона. – Ричард очень ответствен для своих лет. Он думает о нашем спокойствии.

– Это замечательно, что он так ответствен, – добрым голосом ответил Джон. – Но теперь я здесь и обеспечивать ваше благополучие стану сам.

Мама согласно кивнула и улыбнулась Ричарду. Он послал ей ровный немигающий взгляд, и я поняла, что он чувствует себя преданным. Мама, которая всегда так рьяно охраняла его интересы, вдруг открыто последовала совету дяди Джона.

– Хорошо ли новый управляющий разбирается в хозяйстве? – спросила она, попивая ратафию. – Кто он в прошлом?

– Он арендовал землю в Кенте, – объяснил дядя Джон. – Но лендлорд лишил его этой аренды и выгнал с земли. – (Разговор продолжался так, будто Ричарда за столом не было.) – Эта потеря заставила его задуматься, он стал размышлять о правах богатых людей и о правах арендаторов и бедняков. Конечно, он придерживается радикальных взглядов, но я и не

возражаю против этого. Я рад, что у меня будет работать человек, которого заботят не только прибыли, но и благополучие людей. Другой человек, я думаю, и не задержался бы в Экре.

– Возможно, – охотно согласилась мама. – Если он сделает столько, сколько обещает...

Дядя Джон через стол успокаивающе улыбнулся ей:

– Жители Экра прямо сбились с ног, стараясь угодить ему. И если его популярность не уменьшится, то, думаю, он сумеет убедить их засадить свои огороды пшеницей для Лейси. Правда, Джулия?

– Да, – коротко ответила я.

– Странно, что я прежде не слышала о нем, – задумалась мама. – Он, должно быть, оставил Экр много лет назад, раз его имя мне незнакомо. Но если он уехал совсем молодым юношей, то откуда же у него такая популярность среди людей?

Я начала ерзать на стуле, и Ричард, выйдя из своей угрюмой задумчивости, бросил на меня внимательный взгляд. Тот самый вопрос, которого я так боялась, возник в первый же вечер. Я держала жизнь Ральфа в своих руках. Стоит мне только повторить то, что он рассказал мне в Экре, и его тут же увезут в Чичестер и повесят. Неважно, что пожар произошел четырнадцать лет назад. Он был поджигателем и до сих пор разгуливает на свободе. Все зависело только от меня.

Он выдал мне тайну, которая грозила смертью не только ему, но и многим жителям Экра. Он поставил меня в положение, в котором я должна была выбирать между преданностью интересам моей семьи и любовью к Экру. И он говорил со мной так свободно и ничего не боясь, словно знал заранее, какую позицию я займу.

На глазах всего Экра Ральф признался, что он поджигатель и убийца, и я не закричала и не выдала его. Я не бросилась к дяде Джону. И я не отвела дядю Джона потом в сторону, чтобы сообщить ему ошеломляющую новость. Теплая улыбка Мэгсона, его спокойная доверчивость и любовь к нему Экра покорили меня. И сейчас я должна была выбрать: солгать ли моей маме или выдать мистера Мэгсона, чужака и убийцу.

Я никогда не лгала маме.

И я надеялась никогда не лгать ей впредь.

– Я слышала, что он уехал совсем молодым, – ответила я. – Причина же его популярности в том, что он часто посылал деньги голодающей деревне. Когда служил моряком.

Ричард смотрел на меня, храня безучастное выражение лица. По моей бледности, по тому, как я теребила скатерть, он, конечно, понимал, что я вру. И вру из рук вон плохо, руководимая желанием защитить мистера Мэгсона. Человека, которого он только что назвал своим врагом.

– Как благородно, – легко заметила мама, кутаясь в шаль.

– Да, и очень не похоже на правду, – отозвался в тон ей дядя Джон.

Я резко повернулась и взглянула ему в лицо.

– Что вы имеете в виду? – побледнев, спросила я.

– Ровным счетом ничего, моя дорогая Джулия, – слегка удивленно протянул дядя Джон. – Всего лишь то, что это весьма респектабельная версия нереспектабельной жизни. Думаю, что он был не моряком, а контрабандистом. И услуги, которые он оказал родной деревне, действительно были значительны. – Тут он улыбнулся, заметив мой испуг. – Не надо так пугаться. Это не имеет значения. Пока у нас в стране действуют абсурдные законы, контрабанда была, есть и будет впредь. И если он успешно командовал отрядом отчаянных контрабандистов, то справится и с группой жнецов, не правда ли?

– О! – сказала я. – Я только повторила то, что слышала в деревне. Но если он раньше и был контрабандистом, то, наверное, сейчас его уже не могут наказать за это?

Дядя Джон поднялся, чтобы открыть дверь перед нами с мамой.

– Не думаю, что законы очень благосклонны к тем, кто имел серьезные провинности в прошлом, – сказал он, пройдя вместе с нами в гостиную. – Но вряд ли в Экре найдется кто-нибудь, кто захочет выдать его. Я тоже не стану это делать. Все, что я, пожалуй, предприму, это в частном порядке поинтересуюсь у лорда Хаверинга и двух-трех судей в Чичестере, нет ли описания мистера Мэгсона среди тех, кто разыскивается властями. Я ничего не имею против отставного контрабандиста, но не потерплю на своей земле разбойника или бунтовщика.

– Спасибо и на этом, – насмешливо сказала мама, усаживаясь в кресло у камина. – Почему Экр не может жить нормальной жизнью? Действительно, Джон, вы не могли найти нормального управляющего, которого не надо было бы опасаться?

– Лучший сторож получается из заядлого браконьера, – улыбнулся дядя Джон. – Наш Экр всегда был весьма необычным местом, моя дорогая. И я боюсь, что так будет вечно. Но если здесь станут распоряжаться по справедливости, то, думаю, его лучшие сыны вернутся сюда. Сегодня мы видели тому пример, да, Джулия? Тот человек, который приехал из Питерсфилда ради сегодняшнего праздника?

От Ричарда не ускользнул мой виноватый вид. Я поняла это, едва наши глаза встретились. Но я сидела напротив камина у маминых ног и мне некуда было спрятать лицо.

– Кто там был из Питерсфилда? – тут же заинтересовался он.

– Я не запомнил его имени, – ответил дядя Джон. Но тут же вспомнил: – Тейлер. Дэн Тейлер, не так ли, Джулия?

– Да, – односложно бросила я, не отводя глаз от огня.

– Кто это? – резко спросил Ричард.

– Разве ты не знаешь? – удивился дядя Джон. – Я было подумал, что вы двое прямо специалисты по нашей деревне. По крайней мере, Джулия кажется настоящим экспертом. Кто это был, Джулия?

– Это... это... – мямлила я под тяжелым взглядом Ричарда.

– В деревне нет никакого Тейлера, – уверенно сказал он.

– Нет, есть, – быстро возразила я. – Среди батраков, которые живут далеко от деревни, в лачугах. – Я была уверена, что Ричард никого не знает среди батраков, которые жили на самой окраине общественной земли. Он ни разу там не бывал.

– Никогда не слышал о таком, – упрямо стоял он на своем. – Кто этот человек?

Глаза всех были устремлены на меня. Солгав однажды, теперь я должна была громоздить одну ложь на другую. Если они узнают, кем на самом деле был тот человек с кастрюлей, Ричард никогда не простит мне этой лжи. Но если я скажу правду, для Денча не будет спасения.

Гнев Ричарда я смогу пережить, я даже вынесу молчаливое разочарование мамы, но если я произнесу имя Денча, дядя Джон немедленно пошлет своего кучера, чтобы арестовать его. И его будут судить, а потом повесят. Я не могла допустить, чтобы такое случилось.

Хотя я довольно слабо защищала мистера Мэгсона, сейчас я должна была справиться лучше. И я, откинув назад голову, прижалась к маминым коленям, чтобы набраться сил. Ричард почувствовал мою растерянность и забросал меня вопросами.

– Где вы встретили этого батрака, Джулия? – При этом он многозначительно смотрел на маму, как бы напоминая ей, что мне нельзя разрешать гулять по деревне, полной бандитов. – Он подходил к тебе, когда я был у викария? Он дружит с кем-нибудь из деревенских детей? Почему ты никогда не рассказывала нам о нем?

– Я встретила его, когда гуляла с Клари, Мэтью и другими ребятами, – спокойно сказала я.

Дядя Джон удовлетворенно кивнул, но Ричард чуял запах лжи, как гончие чуют запах крови.

– Когда это было? – требовательно спросил он. – Ты никогда прежде не рассказывала мне о нем. И с каких это пор дети из Экра болтают с батраками?

– Ох, я не знаю! Не помню! – с внезапным раздражением вскричала я.

И, испугавшись, что они вот-вот добьются от меня правды, я заставила себя встать и сделать несколько торопливых шагов к двери.

– Что он делал там сегодня, этот загадочный Тейлер? – наседал на меня Ричард. – И как он сумел так быстро добраться до Экра?

– Может быть, мы наконец оставим эту тему! – вскричала я недовольно, поскольку уже не помнила себя от страха. Я боялась, что не выдержу и проговорюсь маме и дяде Джону. А когда я увидела изумленный взгляд мамы и тот виноватый вид, с которым она посмотрела на дядю Джона, я ринулась вперед очертя голову. – Хватит, Ричард! Ты и мама обращаетесь со мной, будто я ребенок! Вы прямо допрашиваете меня! Мама! Извини, пожалуйста, можно, я оставлю вас?

Как раз в эту минуту в дверях возник Страйд с чайным подносом в руках и, увидев меня, торопливо выходящую из комнаты, остановился, недоумевая, то ли ему придержать передо мной дверь, то ли продолжать нести поднос.

– Мисс Джулия! – с упреком проговорил он.

Я бросила на него яростный взгляд и увидела, как вытянулось его доброе лицо.

Тогда я вихрем вылетела из комнаты и захлопнула за собой дверь.

Тут я остановилась и без сил прислонилась головой к косяку. Никогда прежде я не разговаривала с мамой таким тоном. Утверждение, что она допрашивает меня, было полной нелепостью! А грубость на глазах у дяди Джона! Ох! И я тяжело вздохнула.

Не успела я отойти от двери, как услышала голос Ричарда, звучащий мягко и просительно:

– Пожалуйста, не расстраивайтесь, тетушка-мама! Не обижайтесь, сэр! Джулия прежде никогда не вела себя так. Тетушка-мама может подтвердить это. Нет на свете более воспитанной девочки, чем моя кузина. Я никогда не видел ее такой.

Я тихо вздохнула, услышав заступничество Ричарда. Я накричала на него, а он тут же принялся меня защищать. Тут я вспомнила, что подслушивать некрасиво, и отошла прочь от двери.

Я могла бы пойти в свою комнату или посидеть в пустом обеденном зале, но там мне все равно было бы беспокойно. Мне необходимо было видеть небо Вайдекра, и только ветер наших лесов мог остудить мой гнев и утешить мое смущение. Я открыла входную дверь и выскользнула на улицу.

Безразличная к своему наряду, я уселась на каменные ступеньки крыльца и жадно вдохнула свежий воздух. Всю весну вечера стояли жемчужно-палевые, и только сегодня после туманного и промозглого дня наступал такой же туманный и темный вечер. Но птицы безудержно пели и пели в вышине, не смущаясь ни холодом, ни темнотой, зная своими отважными сердцами, что все равно наступила весна и пришло время их песен.

Гнев и смущение потихоньку оставляли меня. Все было правильно. Да, я солгала, и солгала не один раз. Но я сделала это в защиту Экра и человека, обратившегося к Лейси за помощью. Пусть все плохое останется в прошлом. Ни Ричард, ни я не станем вспоминать его. Ральф Мэгсон обещал возродить новую жизнь в Вайдекре, и если моя маленькая ложь – пусть даже она не такая уж маленькая, – поможет этому, значит, я поступила правильно.

Я простила себе мою ложь насчет Денча, и то, что я скрыла от дяди Джона прошлое Мэгсона, я тоже не посчитала за вину. Я доверяла суждению дяди Джона, и если он считал мистера Мэгсона подходящим управляющим для Экра, значит, так оно и было. Он похвалил характер Ральфа и собирался проигнорировать некоторые грехи его молодости. Я не могла

выдать мистера Мэгсона и не смела судить о нем. И я почувствовала, что тяжесть в моем сердце тает и растворяется, как утренний туман над полями Вайдекра.

Должно быть, я проявила себя как грубая, плохо воспитанная девчонка, и это перед мамой и человеком, которого она уважала больше всего на свете. Я извинюсь перед мамой и дядей Джоном, а Ричарду я скажу всю правду. Он сможет понять меня. И если он не станет на меня сердиться, то все остальное я приму с легкостью.

Так я сидела, и мир Вайдекра словно омывал меня, неся покой моей душе. И снова я была Лейси из Вайдекра, осознающая, где ее дом.

Дверь позади меня отворилась, и на улицу вышел Ричард. Он почти наткнулся на меня, ничего не видя в темноте.

– А, вот ты где, – произнес он. – Тебе придется пойти и извиниться перед ними.

– Знаю, – спокойно сказала я и улыбнулась ему. – Ну не скандалистка ли я? Но я прямо не знала, что мне отвечать.

– Я чувствовал, что ты совсем запуталась в своем вранье, но не мог понять, в чем дело.

С этими словами Ричард опустился рядом со мной на ступеньки, и я прильнула к его плечу. Его присутствие сразу словно согрело меня.

– Что это за таинственный Дэн Тейлер? – спросил он. – Ты несла полную околесицу, каждый, кто знает тебя, сразу бы догадался, что ты врешь. Что ты пыталась скрыть?

– О, Ричард, – вздохнула я. – Я знаю, что нехорошо врать тебе. Или обманывать маму и дядю Джона. Но я боялась сказать им правду.

Он тихонько сжал мою руку.

– Какую правду? Что за великая тайна у тебя на сердце, Джулия?

– Это был Денч, – торопливо проговорила я. – Джон Денч, грум Хаверингов. Он, видно, прятался все это время в Экре или где-то поблизости. Может быть, в Мидхерсте. А сегодня пришел на праздник. Мы почти столкнулись с ним на улице! Это было ужасно! Я так испугалась, что дядя Джон велит арестовать его.

Ричард обнял меня за плечи, и я уютно положила голову ему на плечо. Его теплый запах успокаивал меня, как напуганного зверька.

– Но дедушка Хаверинг предложил за него награду, – тихо сказал Ричард. – Ты сама маленькая преступница, Джулия, потому что помогаешь укрывать его.

Я безмятежно кивнула. Рука Ричарда стала гладить мою щеку, и я почти мурлыкала от удовольствия.

– Знаю, – проговорила я. – Но ведь он был так добр с тобой, он учил тебя скакать на лошади, тревожился в тот ужасный день, когда с тобой случилось несчастье. К тому же теперь я знакома с Клари Денч и знаю, как любит она своего дядю. И я просто не смогла назвать его имя дяде Джону и смотреть, как его забирают в тюрьму.

– Значит, ты солгала, – подытожил Ричард. Его голос оставался нежным.

– Да, – согласилась я. Но я больше не таяла от его прикосновений. И в моем голосе послышалась тревога. – Это все было так давно. Я не смогу вынести, если эти ужасы начнутся в Вайдекре снова.

– И ты назвала моему папе фальшивое имя. – Голос Ричарда был мягким, как шелк. – И солгала тетушке-маме и мне?

– Да. Но я знала, что ты поймешь, Ричард. И я рассказала тебе правду, как только смогла. Сейчас я рассказала тебе все. Я не лгала тебе, Ричард.

– Это правда, – справедливо заметил он. – Ты сказала мне правду, как только смогла. Но одного ты не сказала.

– Чего, Ричард? – Мой голос звучал очень тоненько. – Я все расскажу тебе. Ты же знаешь, у меня нет секретов от тебя.

Рука Ричарда больше не ласкала меня. Она держала меня так, чтобы я не могла вырваться. И хоть голос его был нежным и ласковым, я чувствовала себя так, как чувствует кролик перед удавом.

– Джулия, ты что, забыла, почему дедушка Хаверинг хотел арестовать Денча? Ты разве не помнишь, что он сделал с моей лошадью?

– О нет, Ричард! – вскричала я. – Как я могла забыть это? Я целую неделю плакала из-за Шехеразады и из-за тебя. Ты помнишь, как я была расстроена? Конечно же, я ничего не забыла. – И я тут же оборвала себя, почувствовав, что от моего ответа все стало еще хуже. – Я ничего не забыла, но не могу сказать, что все время помнила об этом, – попыталась я исправить. – Я могла думать только о бедной Клари и о Денче, который должен был все время где-то прятаться. Все в деревне были сегодня так веселы и беззаботны, что я чувствовала бы себя ужасно, если бы испортила этот праздник. И все слушали меня и смотрели на меня, Ричард! Я не могла в тот момент сказать правду.

Пальцы Ричарда на моем плече стали словно стальными и впились в мягкую плоть моего тела, как клещи. Но он ничего не говорил.

– Ричард, ты делаешь мне больно. Не держи меня так крепко.

– Хорошо, – ответил он с улыбкой, но эта улыбка была страшной.

В темноте я не видела его лица, но чувствовала, что оно горит от гнева. Я сделала ошибку, когда солгала, но я была вдвойне не права, когда попыталась объяснить все Ричарду. Я чувствовала, как земля ускользает из-под моих ног, и знала, что нет пути к спасению.

– Ты заслужила, чтобы я наказал тебя, – негромко сказал Ричард. – Ты помогла скрыться человеку, который искалечил мою лошадь, искалечил так сильно, что ее пришлось убить. Ты увидела его и обманула моего папу, чтобы дать ему возможность скрыться. Я знаю, почему ты так сделала, мисс Лейси из Вайдекра. Чтобы чувствовать себя там королевой! Ты сама сейчас сказала, что все смотрели на тебя и слушали тебя. Ты хотела, чтобы они думали: «Ах, какая милая, какая славная и добрая, настоящая принцесса!» И ты совсем не думала обо мне и о том, что сделал Денч с моей лошадью?

– Но, Ричард! – пораженная, сказала я. – Ты все искажаешь. Это было совсем не так!

– Ты хочешь быть любимицей Вайдекра! – Его хватка на моем плече жгла меня, как раскаленное железо. – Ты хочешь превратиться в драгоценную маленькую мисс Лейси из Вайдекра, в надежде, что они полюбят тебя и станут считать сквайром, а обо мне забудут! Вот о чем ты думаешь! Я знаю!

– Нет, Ричард! Нет! – повторяла я снова и снова.

– Ты пытаешься украсть у меня Вайдекра! – обвиняющим тоном сказал он.

– Да нет же, Ричард! Мне это даже в голову не приходило! Когда меня спрашивают об этом, я всегда говорю, что ты будешь сквайром! И что это ты избранное дитя.

– Что? – Его голос моментально изменился.

– Ничего, ничего, – торопливо продолжала я. – Это только легенда, глупая деревенская легенда.

Ричард смотрел на меня и ждал, и мне пришлось продолжать:

– У них есть такая легенда. Они верят, что один из нас настоящий наследник Беатрис и обладает ее даром предвидения и ее властью над землей. И они не знают, кто из нас им станет. Но я всегда говорю, что это ты.

Ричард внезапно отпустил меня, но так сильно при этом толкнул, что я упала навзничь и ударилась головой о каменную ступеньку. На мгновение я будто ослепла и не слышала ничего, кроме шума в ушах.

– Ричард!

– Это я! – прошипел он в страсти. – Это я им буду! Пока я сижу как приклеенный у доктора Пирса, ты бегаешь по всей деревне, заводишь себе там друзей и внушаешь им, что ты

настоящая наследница. Прежде ты никогда мне об этом не говорила! Ты обманщица, Джулия! И ты посягаешь на мои права! Это моя земля! Я – сын Беатрис и настоящий наследник!

Я не могла вымолвить ни одного слова. Я была потрясена, что Ричард так обращается со мной, и у меня от удара кружилась голова. Запустив пальцы в полосы, я нащупала растущую шишку. Мне было больно от удара и от обиды, но я ничего не могла сказать в свою защиту. Ричард был не прав, совершенно не прав, но он имел веские основания для своего гнева. Помочь в укрывательстве Денча было именно тем, что могло бы привлечь ко мне сердца всех жителей Экра. И я действительно не рассказала Ричарду легенду об избранном ребенке.

– Извини, Ричард... – начала я.

Но ничего хорошего это мне не принесло. Он повернулся на каблуках, рывком открыл дверь и исчез в доме, захлопнув ее за собой. Пытаясь подняться, я нечаянно засунула пальцы в дверную щель, и, когда она захлопнулась, их так больно прищемило, что я даже вскрикнула. Я ухватила распухшие пальцы, сжала их так сильно, как могла, чтобы прекратить боль, и зарыдала, как ребенок. Он, конечно, не хотел причинить мне боль, я знала, что он не хотел. Просто он захлопнул дверь слишком быстро. Но боль заставляла меня рыдать от жалости к себе.

Я долго сидела одна, баюкая пальцы, но боль не проходила, и я боялась, что она никогда не пройдет. Слезы уже перестали течь, и боль в ушибленном затылке мало-помалу стихала. Я оставалась здесь, на холодном камне ступеней, выискивая в глубине своего существа силы успокоиться и примириться с происшедшим. Ричард был моим женихом, и бабушка сама сказала, что он не всегда будет любить меня. Я пообещала себя ему, и он получил право – почти законное право – обращаться со мной как ему заблагорассудится. Шишка на голове и распухшие пальцы не были чем-то непоправимым. И я старалась убедить себя, что я не оскорблена, что я не ранена и что меня ни в чем не обвинили. И если я хочу выйти замуж за Ричарда – а я именно этого хотела, – тогда я должна научиться с покорностью принимать самые грубые черты его характера. Он имеет право на грубость.

Так я говорила себе, постепенно успокаиваясь. Месяц показался на небе и залил все вокруг бледным призрачным светом. Внезапно я услышала стук копыт, и затем калитка в сад отворилась и вошел мистер Мэгсон, балансируя без костылей. Увидев меня с красными, опухшими глазами и мокрыми от слез щеками, он удивленно остановился. Наверное, я была похожа на нищенку, хоть и сидела на пороге собственного дома.

– Что случилось? – мягко спросил он и бросил взгляд на уютно освещенные окна гостиной. – Выставили за дверь? Или дуетесь?

Я помолчала минутку и затем с коротким смешком, больше, впрочем, похожим на рыдание, ответила:

– Видимо, дуюсь, поскольку меня никто не выставлял.

Мистер Мэгсон понимающе кивнул и взялся за ручку двери для опоры. Другую руку он протянул мне, чтобы помочь подняться, и я, не подумав, подала ему больные пальцы. Но при первом же его прикосновении я с криком отдернула их назад.

– Я прищемила руку дверью, – объяснила я.

Он помог мне встать и придержал за локоть, потому что я зашаталась.

– Голова закружилась? – спросил он.

– Я стукнулась о ступеньки, – сообщила я ему еще одну новость и пощупала ушибленное место.

Шишка выросла еще больше и стала очень мягкой на ощупь.

– Да уж, когда вы дуетесь, то делаете это на совесть! – с удивлением заметил он. – Вы что, в гневе бились головой о ступени?

– Конечно нет, – отрезала я. – Это вышло случайно.

– А ваши пальцы?

– Это тоже вышло случайно, – невольно выдала себя я.

– Каким образом вы умудрились стукнуться затылком? – продолжал расспрашивать он. Я чувствовала, что краснею до корней волос.

– Я уже сказала вам, что это была случайность, – упорствовала я.

Ричард – мой будущий муж, и мой долг беречь его репутацию и свою гордость. Даже если он будет бить меня, я никому об этом не расскажу.

– Ричард дома?

– Нет, – быстро ответила я. – Это была случайность. – Мне пришлось опереться о стену, чтобы привести мысли в порядок. – Прошу прощения, мистер Мэгсон, я не совсем поняла вас. Конечно, Ричард дома, дома и мама, и дядя Джон. Могу ли я пригласить вас в гостиную?

Мистер Мэгсон кивнул. Он не поклонился мне, подобно джентльмену, но подал руку с грацией, которой мог бы позавидовать настоящий аристократ. Я с легкой улыбкой приняла ее, и мы вошли в дом.

В холле был один Страйд.

– Мисс Джулия! – сказал он с упреком. – Что это на вас нашло в гостиной? И что вы с собой сделали?

Я бледно улыбнулась, смущенная его тревогой обо мне.

– Я не очень хорошо себя чувствую, Страйд, – ответила я. – И пойду спать. Пожалуйста, извинитесь за меня перед мамой и дядей Джоном. Сегодня я больше не стану спускаться вниз. И пожалуйста, передайте дяде Джону, что к нему пришел мистер Мэгсон.

Страйд кивнул и провел мистера Мэгсона в библиотеку. А я медленно поплелась к себе в комнату.

Я скинула одежду и легла. Холодное полотно подушки приятно остужало голову, и мне сразу стало будто бы легче. Я лежала на спине, придерживая больные пальцы, ожидая, когда пройдет головная боль и когда перестанет страдать сердце. Мне было очень одиноко и очень грустно.

Затем я заснула.

Мне кажется, этот сон начался в ту же минуту, как я уснула.

Я знала, точно знала, что это был сон. Но некоторые моменты в жизни кажутся менее реальными, чем был он.

Широко раскрытыми глазами я следила за огнем в камине. Здесь, в этой комнате, я никогда не бывала раньше, но все здесь казалось знакомым до мелочей. За окном стужались сумерки, небо было темным, и где-то гроыхала гроза. Поблизости гремел гром, сверкали вспышки молний, но я не боялась, совсем не боялась. Будто бы я уже умерла и мне нечего больше бояться.

Вдруг послышался треск открываемого окна, и чья-то тень заслонила очередную вспышку молнии. Я неторопливо повернула в ту сторону голову, но не стала звать на помощь. Открыла рот, но не стала кричать. Вместо этого я замерла, продолжая следить за пламенем в камине и ожидая того, кто пришел ко мне.

Он медленно подошел ко мне и отодвинул стул, на который я опиралась, чтобы я могла свободно лечь на пол. Я дрожала от каждого его прикосновения, но не двигалась.

Этот странный знакомый незнакомец моего сна наклонился и поцеловал меня в ключицу. Он растегнул на мне платье и поцеловал сначала одну грудь, ее темный, как смородина, сосок, потом стал целовать другую. Я застонала от наслаждения, совершенно не знакомого спящей в кровати девочке.

Во сне опытные руки женщины гладили его грудь, затем живот, пока она не ощутила тяжесть этого человека на себе. Но он отвел ее руку в сторону и стал целовать ее живот,

опуская черноволосую голову все ниже и ниже и царапая ее нежную кожу колючей щетиной. Затем он стал ласкать ее языком.

Женщина во сне выгибала от наслаждения спину и стонала, а девочка металась головой по подушке и вскрикивала – она хотела позвать маму. Но этот сон никак не удавалось сбросить, и девочка была полна непонятного страха. Одежда свалилась на пол, этот приглушенный звук разбудил ее, и она села в кровати. В пустой комнате раздалось только одно слово.

– Ральф! – простонала она.

Это был голос Беатрис.

Улегшись снова, я отвернулась к стене и сразу заснула. Снов я больше не видела. Но утром я взглянула на потолок и стены моей спальни, как будто никогда не просыпалась здесь прежде. Сама не знаю почему, я ожидала увидеть над головой огромный балдахин. Я едва могла узнать свою комнату, я не узнавала себя.

Я знала, что видела ночью какой-то сон, но помнила только то, что мне совсем не было страшно. Ужас каким-то странным образом перешел в наслаждение. Я видела свою подушку на полу и сброшенное одеяло. Это означало, что я металась и беспокоилась во сне, но страха я не могла припомнить. И мне пришла в голову мысль, что страха не было потому, что я встретила человека по имени Каллер, человека с самой теплой на свете улыбкой и самыми добрыми глазами.

Я знала: что бы он ни сделал, он делал это с любовью.

Я подняла с пола подушку и засунула ее под голову. Раздался стук в дверь, и кухарка принесла мне утренний шоколад. Я медленно выпила его, глядя через окно на утреннее небо.

Вчерашний туман исчез, и вместо него по небу плыли легкие полосы светлых облаков. Солнце светило сквозь них ярко и весело. Наконец-то дядя Джон почувствует вкус любимого им английского лета, подумала я с радостью, но тут же скорчила легкую гримаску неудовольствия. Я вспомнила вчерашний вечер.

Должно быть, он сердится на меня из-за моей грубости. Я была невыносимо груба с мамой, Ричард обиделся на меня. И вся радость – от колышущихся верхушек деревьев, ровного свежего ветерка, высокого неба – померкла так же быстро, как растаял туман на солнце. Я встала с кровати и пощупала шишку на голове. Она была величиной с голубиное яйцо, и даже легкое прикосновение к ней заставило меня сморщиться от боли. Но я взяла себя в руки и осторожно причесалась, собрав волосы на затылке. Затем я накинула пеньюар, подошла к двери спальни и прислушалась.

Было очень рано. Прислуга уже работала на кухне, но мамин утренний шоколад еще стоял на подносе. Я спустилась по лестнице и подошла к двери на кухню. Не успев войти, я услышала голос миссис Гау, раскатывавшей тесто для булочек на посыпанном мукой столе.

– Я всегда говорила, что эта девочка очень своевольна. – Она обращалась к Страйду, который, стоя рядом, полировал суконкой подносы и столовые приборы. – Она была так близка со своей мамой, и теперь, когда хозяин вернулся домой, она ревнует ее.

Тут я поняла, что они говорят обо мне.

– Но зато наш мальчуган – просто золото, – продолжала миссис Гау. – Вот будет славно, когда он войдет в возраст и станет сквайром. Наверняка он отстроит Холл заново, и вернутся прежние светлые денечки.

– Но он не Лейси, – отрезал Страйд. – И Холл – это дом мисс Джулии.

Я на цыпочках отошла назад и хлопнула дверью, чтобы они подумали, что я только что вошла. Я совсем не собиралась подслушивать, это получилось случайно. Быстро пройдя по коридору, я вошла на кухню.

– Доброе утро, – сдержанно поздоровалась со мной миссис Гау.

– Я хотела бы сама отнести маме ее поднос с шоколадом.

– Вот и хорошо, – улыбнулся мне Страйд. – Миссис Лейси не будет сердиться. Она уже вчера вечером не сердилась на вас.

Миссис Гау пробормотала что-то себе под нос и, отвернувшись к плите, попробовала пальцем, нагрелось ли молоко. Затем налила его в кувшинчик и поставила его рядом с шоколадом. Страйд критически оглядел поднос, проверяя, все ли на месте, и позволил мне взять его. Затем он открыл передо мной дверь и проследил, как я медленно поднимаюсь по лестнице и, удерживая поднос одной рукой, стучу к маме в дверь.

Она уже проснулась и сидела в постели, глядя в окно на свежую листву, подступающую к самому стеклу, и яркое голубое небо.

– Джулия! – радостно сказала она.

Но затем ее лицо омрачилось – она вспомнила, что я виновата.

– Доброе утро, мама! – Я поставила поднос рядом с кроватью и наклонилась, чтобы поцеловать ее. – Я пришла сказать, что виновата перед тобой.

И сразу же она протянула мне руки для объятия.

– О, моя дорогая, – ласково сказала мама. – Я рада, что ты все поняла.

Ей больше не требовалось извинений. Моего искреннего раскаяния ей было довольно.

Я уселась в изножье кровати и стала следить, как она пьет шоколад.

– Что-нибудь тревожит тебя? – спросила мама. – Может быть, ты хочешь мне что-нибудь рассказать?

Мгновенно меня охватило желание во всем ей признаться: и в том, что мы встретили Денча, и в моей лжи, и в том, что мы поссорились с Ричардом. Теперь я была уверена, что Денч опять в безопасности, и чувствовала потребность объяснить все маме.

Но трех вещей я не могла бы рассказать ей. Ни слова о мистере Мэгсоне не должно было сорваться с моих губ. Эту тайну я должна была похоронить в себе навсегда, словно ее и не было.

Мне также не следовало рассказывать маме, что Ричард обвинил меня в том, будто я пытаюсь завоевать себе дешевую репутацию в Экре. Обвинение было столь грубым и несправедливым, что мне было противно говорить об этом. Я хотела забыть о нашей размолвке.

И я не могла рассказать маме, что Ричард ударил меня. Я считала, что будет лучше, если она никогда не узнает об этом.

Я была права. Выслушав мой рассказ о Денче, мама только кивнула и заговорила о том, что и меня волновало больше всего.

– Ричард очень сердится на тебя?

– Да, – призналась я.

Мама вздохнула.

– Я знаю, что это всегда огорчает тебя, Джулия, – попыталась она меня утешить. – Но мне кажется, что все ваши размолвки с Ричардом – это результат того, что вы росли бок о бок друг с другом.

Я промолчала, не зная, что на это сказать.

– Все будет хорошо, – уверенно продолжала мама. – Сейчас, когда мы восстановим свои права на землю, Ричард будет больше занят вне дома. А затем ты отправишься в Бат на свой первый сезон. Мы уедем с тобой осенью и вернемся домой к Рождеству. – Она помедлила, с улыбкой глядя на меня. – Не смотри, пожалуйста, так удрученно! Я уверена, скоро Ричард перестанет сердиться на тебя, его гнев никогда не бывает долгим. И ты должна научиться не перечить ему.

Я улыбнулась, в душе согласившись с ней, но, когда я позже слышала шаги Ричарда на лестнице, мое сердце упало при мысли, что я должна разговаривать с ним как ни в чем не бывало. Я оставила маму одеваться и сошла вниз.

Ричард стоял у стола, укладывая книжки, и посмотрел на меня без улыбки. По его виду я поняла, что меня еще не простили.

Я тихо подошла к столу и молча встала возле него, ожидая, что Ричард заговорит первым. Я надеялась, что он хотя бы улыбнется мне, чтобы я знала: если он и не простил меня, то гнев его уже прошел.

– Ты можешь стоять тут хоть целый день, Джулия, – сказал он тихо. – Но ни слова не дожدهшься от меня.

Его тон подействовал на меня словно пощечина.

– Ты не прав, если полагаешь, что я хочу быть единовластной хозяйкой Вайдекра. – Я старалась говорить спокойно. – Я никогда не думала, что он будет принадлежать одному из нас. Я считала, что он будет нашим общим, когда мы поженимся.

При упоминании о наших свадебных планах мой голос дрогнул, и я почувствовала, как слезы подступили к горлу.

– Впрочем, неважно, женишься ли ты на мне или нет, все равно ты будешь сквайром, – прибавила я поспешно.

Ричард смотрел на меня все так же бесстрастно.

– Я знаю, ты сын Беатрис, – тихо продолжала я, – и ты унаследовал ее таланты. Я уверена, что это ты избранное дитя.

– Это действительно так, – резко заговорил он. – Я унаследовал все ее таланты. Я – ее истинный наследник, и весь Экр может убедиться в этом.

– Конечно, конечно. – Я помолчала, не зная, станет ли Ричард продолжать. Но он не говорил ни слова. – И я очень сожалею насчет Денча. Мне не следовало вводить в заблуждение твоего отца. Но я сделала это совсем не для того, чтобы стать главной в Экре, и ты знаешь это, Ричард.

– Очень хорошо, – значительно вставил он. – Я верю тебе, Джулия.

Но тон его свидетельствовал об обратном. Он дал мне понять, что великодушно закрывает глаза на мою ошибку. Я виновато опустила голову.

– Я работаю, – продолжал Ричард. – Мы с папой решили, что время до завтрака я должен использовать для углубленных занятий.

Я кивнула, не отводя глаз от его книг. Он делал грамматический разбор отрывка из учебника доктора Джонсона. Разбирая крупный наклонный почерк Ричарда, я заметила, что он сделал ошибку. Но вряд ли он очень обрадуется, если я укажу ему на нее.

– Тогда я пойду гулять, – сказала я.

Он ничего не ответил, и я молча вышла из комнаты и направилась в спальню переодеться в простое платье и накинуть на плечи шаль. Дань прохладному утру и условностям.

Выйдя на порог, я остановилась в недоумении. Я не знала, куда идти. И не знала, чего мне хочется. Короткий разговор с Ричардом оставил у меня впечатление, что стать для него идеальной женой потребует значительно больше сил, чем я думала. Мне придется проглотить еще много обидных упреков и горьких слов. И в первый раз я подумала об одиночестве моей мамы без жалости и сострадания. Как бы ни горевала она по моему отцу, но по вечерам она спокойно могла сидеть и заниматься тем, к чему лежала ее душа. К обеду она могла заказывать блюда по своему вкусу и планировать жизнь по своему усмотрению. Ей не нужно было следить за своими словами, извиняться за каждую допущенную ошибку и рассматривать каждое слово или действие с оглядкой на мужские предрассудки. Я с сомнением покачала головой. Сейчас мне приходилось платить за то, что я стремилась к самостоятельности. Мне надо узнать у Ричарда, как должна поступать идеальная леди и идеальная невеста. А Ричард не самый терпеливый учитель на свете.

Вдохнув свежий утренний воздух, я почувствовала, как самый дух мой воспаряет к небу, подобно жаворонку. Запах ветерка, теплота наступающего лета, вид листьев, таких

молоденьких и чисто вымытых ночным дождем, заставили мое сердце забиться чаще. Я почти слышала, как расцветает природа, расцветает со сладким тихим звоном, похожим на звуки арфы, колеблемой ветром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.